

ОГОНЁК

№ 47 НОЯБРЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Мы помним об Октябре 1917 года.

Улица Воинова. Когда по ней шел В. И. Ленин, она называлась Шпалерной.

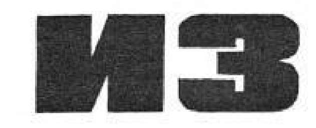
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

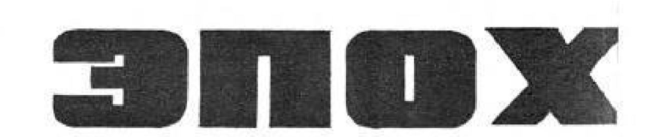
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 47 (2160)

Основан 1 апреля 1923 года

16 НОЯБРЯ 1968

Из этого подъезда В. И. Ленин вышел вечером 24 октября...

...I В ЭПОХУ

Специальные корреспонденты «Огонька» Н. БЫКОВ, Дм. УХТОМСКИЙ, К. ЧЕРЕВКОВ рассказывают о нескольких часах исторической октябрьской ночи, когда наша страна шагнула из эпохи в эпоху...

ИЗ ЭПОХИ В ЭПОХУ

Легкий октябрьский морозец, под ногами — желтые листья. Темнеют голые ветви деревьев у входа в парадное дома № 1 по Сердобольской улице, что на Выборгской стороне Ленинграда. Отсюда начинается путь, по которому Владимир Ильич Ленин в канун Октября шел в Смольный через холодный вечер и через пустыри. И через город, который был готов к революционному восстанию и к контрреволюции одновременно... Рядом с Лениным шагал только один человек — связной ЦК Э. Рахья.

Уже давно нет былой окраины. Мы идем по проспекту Карла Маркса, сворачиваем на 1-й Муринский проспект. Нас обгоняют комфортабельные трамваи, троллейбусы... Фабрики, стадионы, парки, научно-исследовательские институты. Огни, огни — с ними не так холоден этот по-питерски холодный октябрьский вечер...

Да, пожалуй, только последнее конспиративное убежище Ленина — квартира большевички М. В. Фофановой — осталось таким, каким было оно в предгрозовые дни семнадцатого года.

Каждый, кто идет в квартиру-музей В. И. Ленина, обращает внимание на противоположный угловой дом. На его стене художники запечатлели выборгских красногвардейцев, идущих на штурм контрреволюции.

...Мы шагаем, сверяя свой путь по карте, на которой точно означен путь Ленина в штаб революции. Было уже темно, когда Владимир Ильич и Эйно Рахья вышли на Сампсониевский проспект (теперь — Карла Маркса). На Рахью Владимир Ильич мог положиться вполне. В дни подготовки вооруженного восстания тов. Рахья неотступно следовал за вождем революционного пролетариата, частенько покидавшим свое убежище, уходившим то на заседания ЦК, то на встречи с теми, кто должен был руководить боевыми операциями по ленинскому плану вооруженного восстания. В те дни Владимир Ильич с нетерпением ждал каждого прихода Э. Рахьи, а с ним и газет и свежих новостей из города, сведений о настроении рабочих и солдат. Именно тогда Владимир Ильич писал членам ЦК партии:

«Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно...

Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью.

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все».

Заканчивая свое письмо, В. И. Ленин настойчиво напоминал, что «промедление в выступлении смерти подобно».

...Вечером или ночью... Непременно! Промедление смерти подобно!.. Анализируя события, Владимир Ильич убеждал своих единомышленников: сегодня вечером или ночью должна победить социалистическая революция. И он спешил. Ленин писал и посылал с М. В. Фофановой записки в Выборгский райком партии, Ленин писал письма членам ЦК партии, убеждал их не медлить с вооруженным восстанием. 24 октября Ленин снова послал хозяйку квартиры в Выборгский комитет. М. В. Фофанова вспоминает: «Ленин направил меня с запиской к Надежде Константиновне и сказал, что если я не вернусь вскоре с ответом, то он поступит так, как считает нужным».

И, не дождавшись М. В. Фофановой, В. И. Ленин поступил так, как считал нужным,— ушел в Смольный.

Итак, решение принято...

Эйно Рахья в тот день слег — простудился. Нужно было переждать в тепле хотя бы день, осилить высокую температуру. Но каково бы ни было самочувствие, все равно он должен быть у Ленина — к шести вечера, так договорились. Эйно лежал, укутавшись в одеяло, а сверху набросил еще и пальто. Неожиданно раздался в квартире звонок и голос товарища: «Эйно, открой!» Открыл дверь, пропустил встревоженного Мальберга. «Очень плохие новости, Эйно! Правительство Керенского хочет развести мосты через Неву». «Ясно. Спасибо тебе, дружище!»

Товарищ Рахья, забыв о болезни, поспешил к Владимиру Ильичу. Об этом он должен знать! И еще следует предупредить свою жену. Успеет ли она проскочить на Петроградскую сторону до разведения мостов? Поехал на Финляндский вокзал, зашел в комнату дежурного по вокзалу, снял телефонную трубку...

...Мы в доме у Лидии Петровны Парвиайнен. Старая большевичка, как и ее Эйно, бывшая связная Центрального Комитета, смотрит на нас спокойно и ласково.

— Как же, такое не забывается,— рассказывает Лидия Петровна.— Я тогда работала в бухгалтерии Скобелевского благотворительного общества. Сижу. Звонок! Слышу голос Эйно. «Лююли! Немедленно домой»,— сказал он по-фински. «А что случилось?» — спросила я тоже на финском. «Домой. И скорее!..» «Но откуда ты звонишь?..»

В этот момент вмешалась телефонистка: «В военное время на иностранном языке разговаривать не разрешается. Разъединяю!»

— Наш разговор оборвался...— продолжает Лидия Петровна.— Но я знала, что Эйно никогда зря не будет тревожиться. Значит, придется уходить с работы.

Лидия Петровна живет в новом доме на Петроградской стороне. Она разложила на столе фотографии, старые журналы, листки с воспоминаниями о 1917 годе, исписанные мелким почерком. В предоктябрьские дни Лидия Петровна помогала своему мужу охранять вождя революции. В середине октября они вместе организовали на квартире машиниста Г. Ялавы встречу Ленина с членами ЦК партии. А на их квартире — в Певческом переулке — Владимир Ильич провел ночь с 10 на 11 октября после исторического заседания ЦК, принявшего резолюцию о вооруженном восстании. Она и сама не раз ездила из Ялкала в Петроград к Н. К. Крупской с зашифрованными записками Ленина. И это ей, перебираясь из Ялкала в Гельсингфорс, В. И. Ленин вручил знаменитую синюю школьную тетрадку — рукопись книги «Государство и революция», над которой Владимир Ильич работал в подполье.

Перед нами скупые записи воспоминаний Эйно Рахьи о том, как после разговора с женой по телефону он ушел к Ленину на Сердобольскую. Не шел, а летел! Еще бы, вот-вот разведут мосты!.. А Ильич не раз напоминал, что взять мосты надо в первую очередь!.. На улицах чувствовалось приближение грозы: люди, как ошалелые, куда-то спешили, юнкера Керенского вели себя нахально, проходили отряды вооруженных рабочих.

У Владимира Ильича Э. Рахья был часов в шесть. Самым длинным ему показался путь по лестнице до четвертого — тогда последнего — этажа. Перескакивал через две ступеньки, сердце стучало! Остановился у заветной двери. Нажал звонок. Прислушался — тишина... Потом за дверью послышались шаги. Эйно назвал пароль. Дверь открылась. Он прошел за Ильичем в комнату.

— Очень плохие вести, Владимир Ильич, есть распоряжение развести мосты! Главный штаб высылает войска на мосты...

Ленин прошелся по комнате.

— Революция началась... Немедленно надо ехать в Смольный!

— Нельзя, Владимир Ильич! Опасно, на улицах стреляют.

— Нет, нет! Больше ждать нельзя!..

— Но трамваи не ходят, им приказано к семи часам вечера вернуться в парк. А пешком далеко и рискованно...

Владимир Ильич круто повернулся к своему связному:

— Извольте, товарищ Рахья, обеспечить переход в Смольный.

— С вами готов хоть на край света,— сказал тогда Эйно.

Так вспоминал Рахья об этом разговоре на Сердобольской.

Для безопасности решили замаскировать В. И. Ленина. Использовали для этого парик и кепку. Платком перевязали Ильичу щеку, будто у того болят зубы. Ленин взглянул на себя в зеркало: «Пренеприятнейшая маскировка! К счастью, последняя...»

Владимир Ильич взял полоску бумаги, быстро что-то написал на ней и оставил записку на столе. Потом посмотрел на пропуска, что захватил с собой связной, увидел подчистки, расплывшиеся пятна чернил и сказал: «Ужасная липа».

Когда они прошли от квартиры М. В. Фофановой примерно километр, их нагнал трамвай. Ильич вскочил на заднюю площадку прицепного вагона. «Мне ничего не оставалось делать, как войти на площадку вслед за Лениным»,— вспоминал Рахья. Трамвай был пустой. Ленин спросил у кондуктора:

— Скажите, пожалуйста, куда идет трамвай?

— В парк,— ответила та.

— Почему в парк?

— Ты что, с луны свалился? Новая революция начинается. Поедем буржуев бить!..

...Мы тоже едем в прицепном вагоне трамвая, но наш трамвай мало похож на тот, он вполне современный. Мягкие сиденья, широкие окна. Трамвай почти бесшумно бежит по Лесному проспекту, по тому самому! Кондуктора нет, остановки в микрофон объявляет по внутренней радиосети водитель. Слева тянутся высокие светлые корпуса. Это студенческий городок, основные жители его — ребята из политехнического института, но есть тут и студенты педиатрического и других институтов. В студенческом городке живут свыше семи тысяч юношей и девушек. А был здесь когда-то пустырь.

Еще один прогон, и водитель объявляет: «Улица Смолячкова!» Феодосий Артемьевич Смолячков — зачинатель снайперского движения на Ленинградском фронте. Он был каменщиком с Выборгской стороны, строил до войны вот эти

Комната В. И. Ленина в квартире на Сердобольской.

Э. А. Рахья.

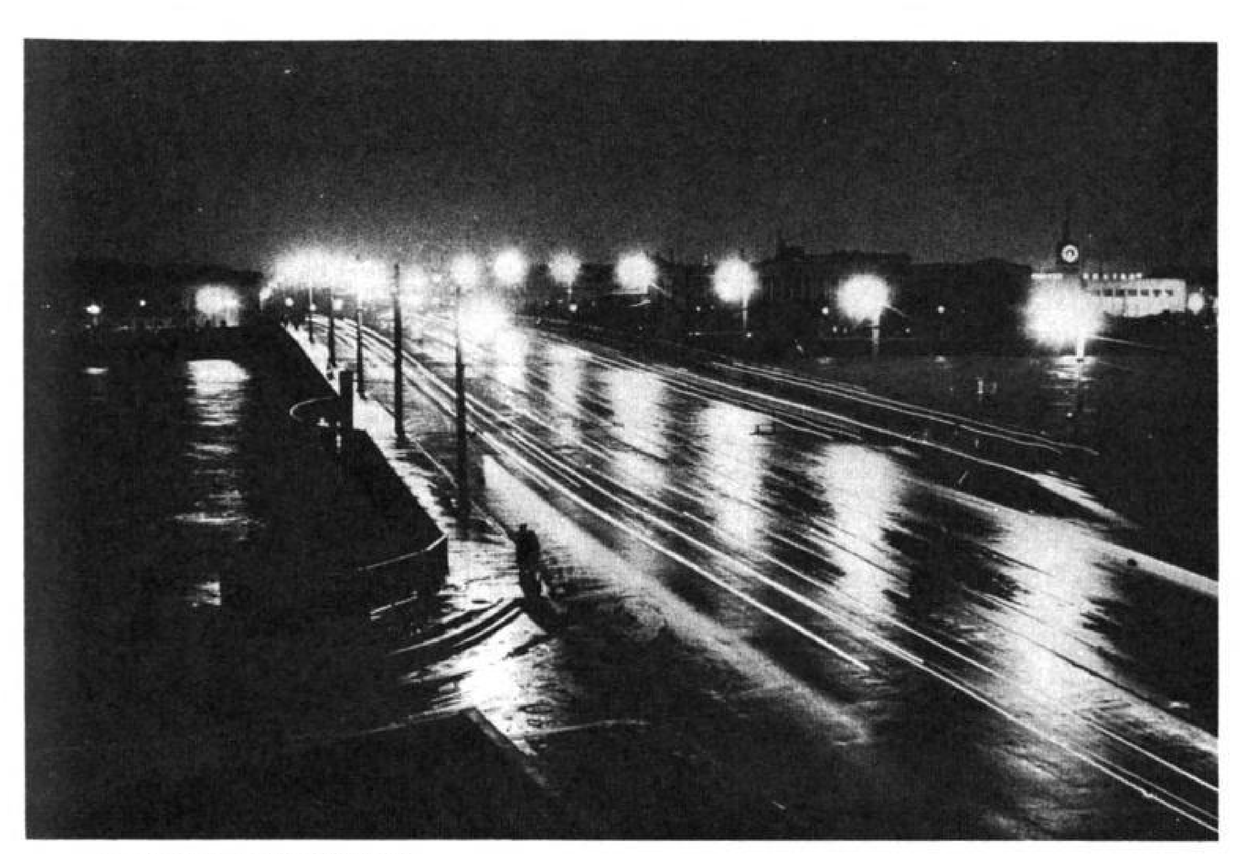
самые жилые дома. Комсомолец Смолячков бил без промаха из своей снайперской винтовки.

Следующая остановка — улица Смирнова... Коля Смирнов — токарь завода «Красная заря». Член заводского комитета ВЛКСМ, секретарь райкома, потом комиссар 3-го стрелкового полка народного ополчения Ленинграда. В боях за Пулковские высоты доброволец Смирнов погиб.

— Боткинская... Сворачиваем в трампарк.

Удивительное совпадение! И в тот вечер, 24 октября 1917 года, доехав до Боткинской, трамвай ушел в парк на Петроградскую. В. И. Ленин и его телохранитель остались на темной улице. Дальше они пошли пешком — до Смольного...

больше половины прошли пешком! Площадь у Смольного была вся занята вооруженными рабочими, солдатами и матросами. Броневики. Пулеметы. Там и тут горели костры... У главного входа в Смольный толпились люди. Двое красногвардейцев с трудом сдерживали натиск — и здесь нужны были пропуска! Тут выяснилось, что ранее выданные — на белой бумаге — заменены на пропуска красного цвета! Так что «липа» Рахьи все равно оказалась непригодной. Было досадно топтаться у самого входа и не попасть в Смольный. Вооруженная толпа возмущалась, негодовала. И Рахья воспользовался давкой. Размахивая устаревшими пропусками, Эйно стал кричать впереди стоявшим, чтобы те не обращали

Литейный мост 51 год спустя.

...Мы стоим на Боткинской, смотрим на часы, высчитываем, сколько километров проехали в трамвае. Примерно четыре километра. Идем дальше к Неве и через Литейный мост. Это чуть ли не полкилометра! Пятьсот метров! А дальше та самая улица, которая ведет к Смольному. Сейчас этот мост можно бы и миновать: спуститься в метро, а подземная трасса как раз проходит под Невой, доехать до Чернышевской, а там рукой подать до Смольного! Но в тот вечер эти пятьсот метров В. И. Ленин должен был пройти — шаг за шагом. Пятьсот метров, открытые всем ветрам и пулям контрреволюции...

Юнкера Керенского ждали их на другом конце Литейного.

— Попытаемся проскочить,— тихо сказал Э. Рахья. У него на всякий случай были те два пропуска («ужасная липа»). И все-таки ими можно было размахивать перед охраной, не давая возможности прочесть. А часовые стояли в тесном окружении рабочих, требовали у прохожих пропуска. Рабочие с Выборгской напирали и отчаянно ругали юнкеров. Воспользовавшись шумом, неразберихой, прошмыгнули мимо часовых...

Литейный позади. Свернули налево, на Шпалерную. Теперь она называется улица имени Ивана Авксентьевича Воинова — рабочего, распространителя «Листка «Правды», погибшего от руки юнкера. И тогда-то в безлюдье перед ними вдруг возникли верхами юнкера:

— Стой! Пропуск!

Э. Рахья успел сказать Владимиру Ильичу:

— У меня в кармане два заряженных револьвера.

И Ленин пошел! Эйно вступил с юнкерами в спор: какие там еще пропуска? Никаких объяснений не было! Один из патрульных стал размахивать нагайкой, угрожать, а другой сказал:

— Брось с ним связываться. Не видишь, он пьяный.

Рахья догнал В. И. Ленина. Эйно вспоминал позднее, что тот сказал: «Дорожка-то оказалась архитрудной».

Позади осталось почти десять километров,

внимания на часовых, а двигали прямо в Смольный, к коменданту, а там, мол, разберемся! Натиск, еще натиск, стук прикладов, сдавленные голоса... Наконец толпа — а вместе с ней и Ленин — прорвалась в Смольный.

— Где наша не берет! Молодец Рахья!— сказал возбужденный Ильич и вошел вместе с людьми в шинелях и бушлатах в здание Смольного института.

Было около девяти часов вечера. Ленин сбросил парик.

Так закончил свои воспоминания Эйно. Они сейчас хранятся в Институте истории партии Ленинградского обкома КПСС.

...А когда вернулась из Выборгского райкома к себе на Сердобольскую М. В. Фофанова, то в столовой увидела записку: «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич». Ушел...

Нужно ли сегодня говорить, что неузнаваем и Выборгский район и те самые улицы, которыми пробирался В. И. Ленин накануне штурма Зимнего. Мы шли и отмечали про себя приметы нового и уже привычного: детская поликлиника, «Дамский салон», «Универмаг», плавательный бассейн, институт физкультуры, фирменный магазин «Максим»... И это все — былая окраина, «так сказать, прибежище для отбросов», как выразился более полувека назад один из чиновников губернского земства.

В фабричных казармах и избах здесь ютились до ста тысяч рабочих. Теперь население района увеличилось более чем вчетверо, а площадь жилья — в одиннадцать раз! Вместо одних детских яслей — более ста шестидесяти садов и яслей. Вместо булыги — асфальт, вместо редких фонарей — девять тысяч светильников. Нет былых тюрем, кабаков. Вместо полусотни церквей — восемьдесят дворцов и домов культуры! Да еще семь кинотеатров! И т. д. и т. п. Да зачем и сравнивать несравнимое! Кто не знает, как прекрасен и величествен город Ленина, его Выборгский район, район одновременно и рабочий и научный — здесь сосредоточено более сорока промышленных предприятий и двадцать пять научно-исследовательских учреждений!.. «Ушел туда...» Ушел туда, где решалась судьба великой пролетарской революции.

В. В. Виткевич, доктор физико - математических наук, заведующий лабораторией Физического института имени П. Н. Лебедева Академии наук СССР.

В. И. Явойский, доктор технических наук, заведующий кафедрой Московского института стали и сплавов.

В. М. Глушков, академик, директор Института кибернетики Академии наук Украинской ССР.

С. П. Залыгин, писатель.

Г. В. Свиридов, народный артист РСФСР, композитор.

Т. Т. Салахов, народный художник Азербайджанской ССР.

М. С. Донской, народный артист СССР, режиссер.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Славный отряд лауреатов Государственных премий СССР пополнился новыми именами.

В день 51-й годовщины Великого Октября в центральной печати были опубликованы постановления Центрального Комитета КПСС и Совета Министров Союза ССР «О присуждении Государственных премий СССР в области науки и техники 1968 года» и «О присуждении Государственных премий СССР в области литературы, искусства и архитектуры 1968 года».

Перед открытием V съезда Польской объединенной рабочей партии. Справа налево: В. Гомулка, Л. И. Брежнев, В. Ульбрихт.

11 ноября в Варшаве открылся V съезд Польской объединенной рабочей партии. В зале конгрессов Дворца культуры и науки присутствуют 1 764 делегата, представляющих более чем два миллиона членов и кандидатов в члены ПОРП.

Бурными аплодисментами участники съезда приветствовали делегации 37 коммунистических и рабочих партий, в том числе делегацию Коммунистической партии Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

Съезд открыл Первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии Владислав Гомулка. В краткой вступительной речи он сказал, что съезд должен дать оценку периоду после IV съезда партии и наметить генеральную линию партии на ближайшие годы.

После утверждения порядка дня съезда с докладом выступил Владислав Гомулка. Докладчик подробно осветил пройденный партией путь, дал анализ важнейших политических и экономических проблем, наметил перспективы дальнейшего развития страны.

В зале конгрессов Дворца культуры и науки во время работы V съезда ПОРП.

Телефото ЦАФ — ТАСС.

Генрих БОРОВИК

ВХОДЯЩИЕ И ИСХОДЯЩИЕ

Итак, президент США избран. Предвыборная горячка наконец-то схлынула. Все постепенно становится на свое место.

Воскресная «Дейли Ньюс» вышла не с портретами кандидатов на первой полосе, не с предсказаниями Деллара и Харриса, не с картой Соединенных Штатов, разделенной между Никсоном и Уоллесом, а с добротным, привычным, всегда привлекательным фоторепортажем о том, как некий самоубийца висел на карнизе высоченного дома в Бруклине и как подобралась к нему полиция и свезла в психолечебницу.

Одним словом, жизнь входит в свое обычное русло.

Если репортаж о самоубийстве вы считаете недостаточным свидетельством тому, то вот вам еще: на только что избранного президента США уже готовилось покушение, уже раскрыт заговор, уже арестованы участники его. Об этом тоже сообщено в воскресных газетах.

Раскрытие заговора не потребовало больших трудов от полиции и секретной службы. В пятницу 5 ноября в полицию позвонили из бара «Паппас» на углу Франклин- и Линкольн-авеню в Бруклине. Некто, назвавший себя «отличным стрелком-спортсменом», только поведал о готовящемся покушении на Никсона, и полиция прибыла в «Паппас» через несколько минут. Толковый осведомитель ждал их, он спокойно рассказал запыхавшимся полицейским, что на другой день после выборов к нему обратились некие три джентльмена с совершенно лишним вопросом: не хочет ли он заработать крупную сумму денег. Немедленно получив положительный ответ, три джентльмена потребовали от стрелка в обмен на будущие денежные знаки применения его спортивных способностей на практике и участия в убийстве только что избранного президента. Чтобы обещания троих не показались четвертому голословными, в тот же день ему были предъявлены вещественные доказательства серьезности намерений.

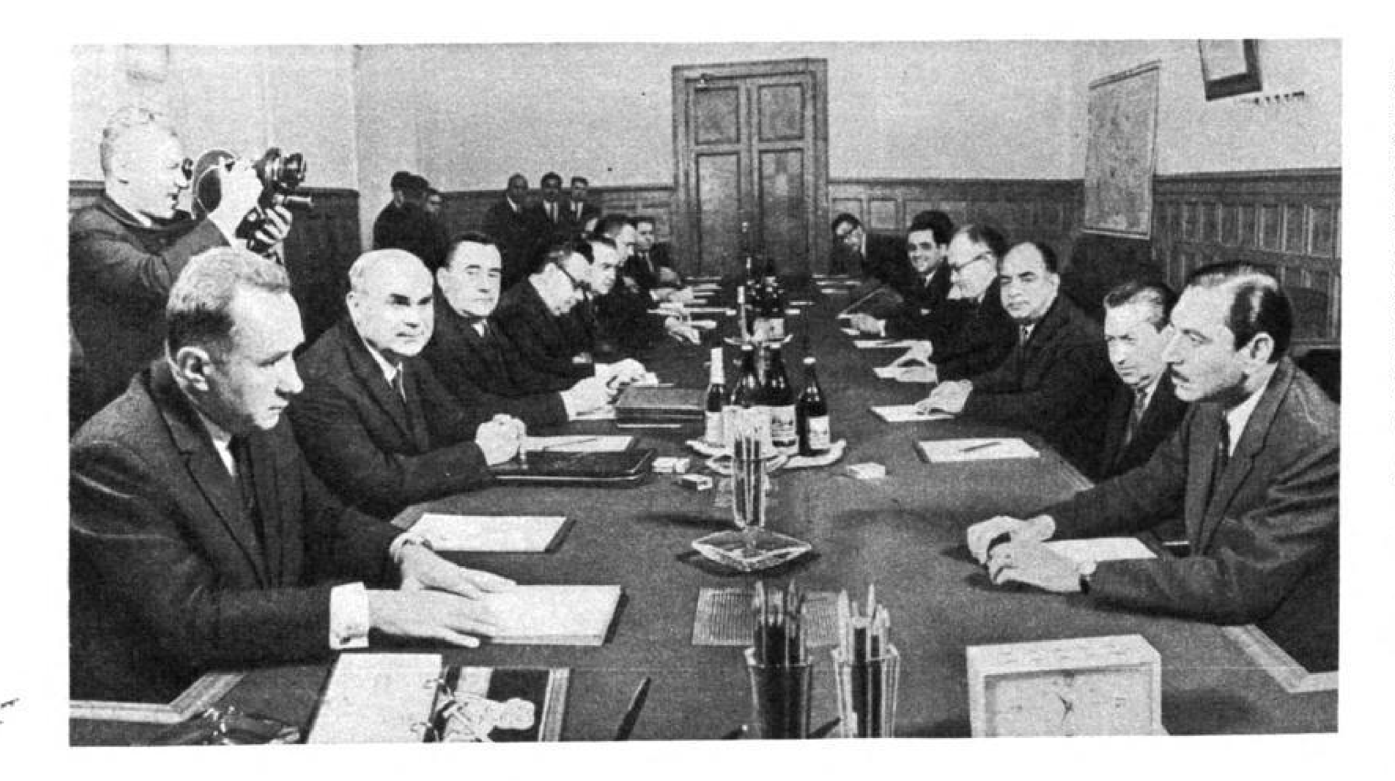
В апартаментах на Хинсдель-авеню, куда его привели трое, он увидел два автомата и винтовку М-I (зарекомендовавшую себя уже не в одном политическом убийстве), все три с оптическими прицелами.

Это произвело на спортсмена внушительное впечатление. И он решил, что, пожалуй, стоит все-таки позвонить в полицию.

Там на всякий случай проверили, не шизофреник ли информатор. Врачи сказали — нет. А в баре «Паппас» ему дали отличную характеристику: ходит к ним с месяц, спокоен, тих, зайдет, выпьет кружечку пива — и нет его.

После этой проверки полиция нагрянула в квартиру на Хинсдельавеню. Информация любителя пива оказалась точной. Джентльмены, не умевшие хорошо стрелять, были на месте, их винтовка и автоматы — тоже.

Что будет дальше, пока неизвестно. Заговор несколько смахивает на опереточное либретто не очень высокого класса. Но секретная служба, охраняющая вновь избранного президента наравне с действующим, имеет все основания относиться серьезно к винтовкам, снабженным оптическим прицелом.

Тепло была встречена в Париже на аэродроме Бурже делегация Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. На нашем снимке в центре — глава делегации Нгуен Тхи Бинь. Делегация НФО прибыла в столицу Франции для участия в четырехсторонних переговорах по Вьетнаму, которые должны были открыться 6 ноября. Однако встреча представителей ДРВ, НФО, США и сайгонской администрации не состоялась. Антинародный сайгонский режим отказался послать своих делегатов в Париж. Этот инцидент мог бы показаться забавным — ведь известно, что сайгонские власти держатся на американских штыках, а главную ответственность за продолжение войны в Индокитае несут США. Поэтому «самостоятельная» позиция Сайгона более чем сомнительна. Но эта позиция, в результате которой США заявили, что встреча не может состояться, означает продолжение кровопролития на вьетнамской земле. Отстаивая патриотические задачи вьетнамского народа, представители ДРВ и НФО доказали свою волю к решению вьетнамской проблемы. Позиция другой стороны показывает, кто тормозит это решение.

В ИНТЕРЕСАХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И АФГАНИСТАНА

С Афганистаном нашу страну связывают многолетние отношения добрососедства и дружбы, основы которых были заложены В. И. Лениным и борцами за восстановление независимости Афганистана. Это одна из первых стран, с которой молодое Советское государство установило дипломатические отношения. С тех пор дружественные связи между двумя государствами успешно развиваются. Хорошей традицией стали взаимные визиты государственных деятелей.

Недавно наша страна тепло принимала прибывшего с официальным визитом по приглашению правительства СССР премьер-министра Афганистана Нур Ахмеда Эттемади. Высокий гость нанес в Кремле визиты Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину и Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному, посетил Мавзолей В. И. Ленина, присутствовал на военном параде на Красной площади 7 ноября.

Во время пребывания в Ленинграде глава правительства дружественной страны посетил штаб Октябрьской революции — Смольный и другие памятные места города. 11 ноября в Кремле состоялись советско-афганские переговоры.

На снимке: во время переговоров.

Фото А. Гостева.

«ХЕЛЛО, ДИКИ!»

Впрочем, окончание выборов далеко не для всех означает возвращение в привычное русло.

В 10.30 утра 6 ноября в номер на 35-м этаже отеля «Уилдорф Астория» к одетому в пижаму и нервно ломающему сигару Никсону влетел один из его помощников.

«Эй-би-си только что сообщила, что вы следующий президент Соединенных Штатов!»

Этот момент означал для бывшего вице-президента США Ричарда Милхауза Никсона начало новой жизни.

Он стремился к ней упорно. Восемь лет назад потерпел поражение от Джона Кеннеди. Через два года снова оказался неудачником в попытке получить губернаторское кресло в Калифорнии. Тогда же объявил об уходе с политической сцены. Снова вернулся на нее в этом году и, используя недовольство избирателей политикой нынешней администрации, весьма уверенно двигался к финишной ленточке на дверях Белого дома. Но в последние несколько дней перед выборами (когда Джонсон объявил о приостановке бомбардировок ДРВ) первенство Никсона висело на волоске. Один из его ближайших помощников признался: «Мы уж думали, что все полетело к черту».

И все же Никсон победил. Победил настолько же незначительным большинством голосов избирателей, насколько микроскопическим было отличие его предвыборной позиции от позиции Хэмфри.

Сразу после выборов он улетел с семьей в курортное местечко Ки Бискейн во Флориде, чтобы у теплого моря отдохнуть от предвыборных трудов. В Ки Бискейн обнаружили, что Никсон питает склонность к символам. Торжественный обед по поводу своей нынешней победы он устроил в том самом клубе, в той самой комнате, с тем самым столом, где 8 лет назад грустно отмечал поражение, нанесенное ему тогда кандидатом Кеннеди. Не знаю, как в тот раз, но ныне обед был подчеркнуто спартанским.

Сразу после торжественного обеда Никсон приступил со своими помощниками к работе. Смысл ее поэтически выражен в песенке, которую на мотив «Хелло, Долли» грустно распевают сейчас вашингтонские чиновники: «Хелло, Дики! И гуд бай, Линдон!..» Если же говорить просто, то Никсон готовится принимать дела у Джонсона и подбирает людей, которые вместе с ним войдут в завоеванный Вашингтон, чтобы занять ответственные посты в Белом доме, правительстве и во всякого рода федеральных учреждениях.

Таких постов официально около трех с половиной тысяч. На самом деле — значительно больше, потому что каждый новый начальник, безусловно, имеет возможность сменить часть своих подчиненных.

Дележка постов, которая началась во Флориде, держится пока в строжайшей тайне. В Вашингтоне, в политических кулуарах витают лишь смутные слухи. Рассказывают о перфорированной ленте для компьютора, на которой люди Никсона запрограммировали данные о всех чиновниках страны с годовым доходом более 25 тысяч.

Но это все слухи. А достоверно о будущих постах и будущих соратниках нового президента известно пока только одно: вице-президентом будет Спиро Агню. Вот это определенно. Вот это не подлежит сомнению. Однако в статус нового вице будут внесены некоторые изменения.

Возможно, все это и имел в виду Никсон, когда объявил на днях, что вице-президент Спиро Агню будет обитать в Вашингтоне не отдельно, как обитали все вице-президенты раньше, а в Белом доме, в западном его крыле.

На мероприятия по сдаче и приему дел конгресс США выделил 900 миллионов долларов. В двух административных зданиях неподалеку от Белого дома отведено 50 комнат, в которых могут расположиться до вступления в должность новый президент и его штаб.

Но Никсон намеревается прожить до января в Нью-Йорке. Здесь же будет находиться и его главная штаб-квартира. Новый президент предпочитает руководить вводом своих отрядов в столицу США на расстоянии.

Однако его парламентеры давно уже там и вырабатывают с представителями «исходящей» администрации условия капитуляции. Главный специалист Никсона по приему дел Ф. Линкольн (компаньон по адвокатской конторе на Уолл-стрит) позвонил в Белый дом утром 6 ноября буквально через минуту после того, как Губерт Хэмфри в выступлении по телевидению признал себя побежденным. И переговоры о технике сдачи дел начались на другой день, в 10 утра. В то же утро в столицу прибыл бывший директор бюджетов в администрации Эйзенхауэра, чтобы по поручению Никсона заглянуть в государственную казну и, как выразился один из помощников Никсона, «проверить, много ли осталось денег в кубышке».

Перед «входящей» администрацией много проблем. Война во Вьетнаме, расизм, инфляция, преступность. Перед выборами Никсон не скупился на обещания быстро решить многие проблемы.

«ГУД БАЙ, ЛИНДОН!»

В Вашингтоне политическая осень. Осыпаются листья. Уже начали подавать в отставку чиновники, заблаговременно запасшиеся теплыми местами на стороне.

Продолжение на стр. 26.

19 НОЯБРЯ —
ДЕНЬ РАКЕТНЫХ ВОЙСК
И АРТИЛЛЕРИИ

Г. МАКАРОВ

Фото автора.

ДЕТИ И ВНУКИ „КАТЮШИ"

Командир боевой машины, гвардии сержант Юрий Армейских.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны по улицам Москвы проехало несколько автомашин, на которых вместо кузова были установлены большие, выходящие за кабину прямоугольные щиты, тщательно укрытые брезентом. Эти странные сооружения — такими они казались тогда — направились к ВАД № 1, военно-автомобильной дороге № 1 Москва — Минск, и ушли на Запад. Вскоре фашисты содрогнулись под массированными ударами реактивных снарядов установок М-13, которые впоследствии вошли в солдатский фольклор под именем «катюш». Гвардейские минометные части, оснащенные этим новым оружием, внесли серьезный вклад в победу над гитлеровцами.

«Катюша» оказалась на редкость плодовитой. И сейчас в частях Советской Армии и Флота с честью несут боевую службу ее многочисленные потомки. Многозарядными огромными установками вооружены сухопутные войска; компактные, но чрезвычайно мощные «катюши» «прыгают» из самолета вместе с десантниками, выходят на берег плечом к плечу с воинами морской пехоты. Реактивную установку можно увидеть под крылом самолета, а поднявшись на палубу корабля, она научилась бо-

Наследники «катюши».

роться с врагом на воде и под водой.

От прежней «катюши» реактивная артиллерия сохранила, пожалуй, только принцип движения снаряда: его бросает к цели сила истекающей струи пороховых газов. Возросли калибры, увеличилась дальность и точность стрельбы, мощнее стал заряд. Скорострельные и маневренные установки, снаряженные РСами различного назначения,— таковы сегодня дети и внуки славной «катюши».

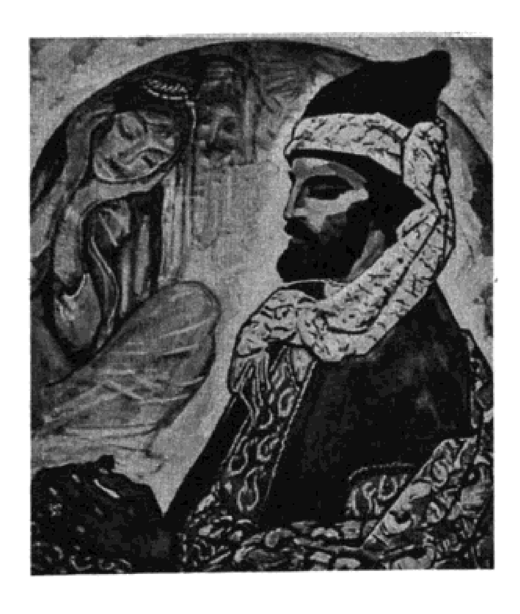
С одним из ее потомков мы и едем знакомиться.

...Унылая пора, уже прошло «очей очарованье», и сквозь безлистые березки рощ и перелесков просвечивают то голые поля, то черные ели. Воронки, заполненные водой, и просто лужи. Полигонная дорога покрыта смазкой разъезженной глины, и вездеходный «газик» командира не едет, а плывет, виляя от кювета к кювету. Еще один отчаянный бросок через глиняное «море», и мы у цели — среди редких сосенок застыл на широких гусеничных лапах приземистый темно-зеленый бронтозавр. В его очертаниях ничего не осталось от прежней «катюши».

...Уже определены исходные данные. И все готово к пуску. Словно веки Вия, опустились железные щитки на глазницы прицела и окна кабины: из всех стволов в сторону цели уставились круглые рыльца снарядов.

Тишина последних секунд перед пуском. И вот с звенящим воплем сказочная жар-птица в сверкающем огненном оперении уносится в туманную глубь полигона. Невозможно представить, чтобы в районе цели могло сохраниться что-либо живое — земля там буквально вскипает и вместе с дымом встает лохматой высокой стеной, закрывая горизонт. Один черный ком взвивается выше всех и не падает. Он летит прямо на нас — то ошалелый тетерев мчится, не разбирая дороги...

Правило гвардейцев — стрелять отлично. И сегодняшний день не исключение. Опаленный и закопченный, незыблемо стоит бронтозавр. Открыв еще не остывшую крышку лючка, осматривает прицел командир боевой машины гвардии сержант Юрий Армейских. Он не высок и не низок, не широк в кости, но и не тонок, скорее гибок. По-детски прозрачные глаза сейчас строги и внимательны. В праздничный День ракетных войск и артиллерии кто-то из его однополчан встанет на пост № 1 — у боевого знамени; ветераны наденут праздничные мундиры, с орденами и медалями, вечером все соберутся на концерт, а его, командира боевой машины, комсомольца, гвардии-сержанта Юрия Армейских, бывшего слесаря Уралвагонзавода, здесь не будет. Он уволен в краткосрочный отпуск за успехи в боевой и политической подготовке.

Прекрасное, доброе, возвышенное

Молла-Панах, прославившийся под псевдонимом Вагиф (Сведущий), относится к числу наиболее популярных в народе лирических поэтов средневекового Азербайджана. Это он открыл новую страницу в истории развития азербайджанской поэзии и стал в один ряд со своим великим предшественником Мухаммедом Физули (1494—1556), который был и остается непревзойденным мастером классического стиха.

После гениального Низами Гянджеви (1141—1209), автора бессмертного «Хамсэ» (Пятерицы), Мухаммед Физули и Молла-Панах Вагиф — две вершины в истории азербайджанской поэзии на родном языке, поэты, чье творчество переросло узкие рамки национальной поэзии и стало достоянием многих народов Ближнего Востока. На протяжении столетий их читали, переписывали, распространяли, изучали любители поэтического слова.

О жизненном пути Молла-Панаха Вагифа известно сравнительно немного.

Время рождения поэта принято относить к 1717 году. Родился он в селении Салахлы, нынешнего Казахского района, Азербайджанской ССР, где учился в местной духовной школе-медресе. Он получил весьма солидное по тем временам образование, свободно владел, кроме родного, персидским и арабским языками, был сведущ в области философии, математики, астрономии, медицины и других наук.

В 1769—1770 году Вагиф был приглашен во дворец хана. Хорошо образованный, умудренный большим жизненным опытом, деятельный и энергичный, Вагиф стал вскоре ближайшим советником хана. Почти все авторы, сообщающие сведения о жизни Вагифа, говорят о нем как о мудром государственном деятеле. В области внешней политики Вагифу приписывается инициатива заключения военно-оборонительных союзов с соседними ханствами и с грузинским царем Ираклием II, установления политических связей с Россией. Известен факт снаряжения им посольства к Екатерине II, которая по достоинству оценила усилия карабахского хана и его везира, послав через генерала В. Зубова ценные подарки хану и усыпанный самоцветами посох его везиру Вагифу.

Молла-Панах Вагиф совершил крутой поворот в истории развития азербайджанской поэзии, утвердив в ней устно-народный, ашугский стихотворный размер «хеджа». Подавляющее большинство стихотворений Вагифа написано этим размером в форме гошма, доведенной до высокого совершенства. Вагиф выступил смелым новатором, сделав гошму господствующей формой азербайджанской поэзии со значительно упрощенным и приближенным к народной разговорной речи языком. Поэтическая ткань этих стихотворений, выразительные их средства стоят на огромной художественной высоте.

С новой поэтической формой Вагиф внес в поэзию и новое содержание, сделал ее доступной пониманию широких народных масс, обогатил ее близкими народу образами, до конца использовав богатый нюансами народный язык. В отличие от представителей классической поэзии и многих своих современников, чьи стихи были пронизаны бесконечной грустью, доходящей часто до безнадежного отчаяния, Вагиф воспевал радость бытия.

На протяжении двух веков азербайджанский народ бережно хранил пронизанные ликующей радостью, исполненные глубокого философского смысла, отлитые в чеканную форму стихи своего любимого поэта и донес до наших дней, когда особую ценность приобретает все прекрасное, доброе, возвышенное, доставляющее народу эстетическое наслаждение.

Азиз ШАРИФ,
доктор филологических наук

ВАГИФ

* * *

Если кто влюблен в невежду, в обольстительницу,— тот,
Будь самим он шахиншахом, счастья все ж не обретет.

Неразумная в гяура может друга превратить.
Пусть от участи подобной мусульман судьба спасет.

Если слезы не кровавы, мука в сердце не остра,
Что в них пользы для жестокой, чьи уста — медовый сот?

Пусть развалит черный ветер, разнесет в куски жилье,
Где красавицы кудрявой, пролетая, не найдет.

Что за толк в щеках-бутонах, если скрыты под платком?
От румяных уст что пользы, если не улыбчив рот?

Для того, чтоб не нарушить строй возвышенной любви,
Пусть Вагиф себе подругу с нежным сердцем изберет.

Перевод Т. Спендиаровой.

* * *

Скажи любимой, ветер утра, что изнемог Вагиф,
Скажи, по ней тоскуя, жалок и одинок Вагиф,
Скажи, его разбито сердце и, болен, слег Вагиф,
Скажи, в огне сгорая, муки снести не мог Вагиф,
Скажи, подругу поджидая, клянет свой рок Вагиф.

Как мотылек свою сжигает живую плоть в огне,
Как все влюбленные, отвергнут, он поражен вдвойне,
Создателя он вечно молит и стонет в тишине.
Он жизнь отдаст, чтоб змеи-косы ласкать, но не во сне.
Скажи, ни разу не вмешался в людской поток Вагиф.

Прекрасная, ты кипариса и выше и стройней,
Двух царств богатства недостойны живой красы твоей.
Красавица, от взора скрылась, но сердцу ты милей.
К тебе влекутся мысли, чувства, меня ты пожалей!
Скажи ей, ветер, безучастен и всем далек Вагиф.

Вдали любимую не видят, темны его глаза.
Томим он жаждою, не видят весны его глаза.
Не видят солнца, звезд, не видят луны его глаза.
Он сна не знает, и слезами полны его глаза.
Скажи, себя в огне любовном нещадно сжег Вагиф.

Скажи, ты, что подобна розе, к страдальцу снизойди
И движущимся кипарисом к Вагифу в сад войди.
Любовь к тебе — источник горя и зла в его груди.
Куда бы взор ни кинул, видит тебя он впереди.
Скажи, готов расстаться с жизнью у милых ног Вагиф.

Перевод М. Замаховской.

Полесье

Край лесов, край болот
И туманов гнилых...
. . . .
Я люблю твой простор
И болота твои,
Где шуршат тростники,
Где бубнят буган
И где травы, как море, легли...

Якуб КОЛАС «Полесье»

Старожил Полесья дед Афанас.

Благородный олень. Далеко разносится его рев, будит лесных обитателей.

Фото В. Сакка.

Лесное озеро.

За кабаном угнаться трудно...

Товарищ Антонис

Владимир ДУНАЕВ

На окраине Лондона, в Арлингтоне — районе приземистых домиков-гномов и белоснежен-таверн, сняла комнату немолодая чета. Я разыскал дом на белой улочке, содрогающейся от грохота уходящих в Лидс и Манчестер грузовиков. У подъезда закопченного здания я спросил женщину: «Где здесь живут Антонис и Бетти Амбатьелос?» Мне ответили по-британски учтиво и витиевато: «Боюсь, что ничем не можем вам помочь».

Удивительно, не знают необыкновенных людей, живущих у них за стеной! Впрочем, в Лондоне это бывает. Журналистские дороги приводили меня в дома, где жили когда-то Маркс, Ленин, Гарибальди, Чичерин, а хозяева, соседи, даже жильцы тех же самых комнат и не подозревали об этом.

НОВОСЕЛЬЕ

Да, собственно, что для профессионального революционера комната? Четыре стены, где можно работать, писать, принимать товарищей. Но так уж случилось, что для тех людей, о которых я собираюсь рассказать, комната значила что-то большее. Четыре стены у Антониса, которого его английские друзья звали просто Тони, были все 17 лет, что он провел в заключении. До этого были бараки концлагерей, а в последние годы — сотни чердаков, сараев, погребов, где его скрывали друзья от греческих жандармов, пока он нелегально не выехал из Греции в Лондон.

Первое новоселье Антонис отпраздновал во время войны, вернувшись в Англию из Мурманска, куда он уехал в сорок втором году с морским конвоем. Это было в Кардиффе. Греческий моряк встретил свою судьбу — английскую учительницу Бетти. Он помнит свою первую комнату, их общую комнату, яркий рододендрон у окна, утренний солнечный зайчик на пузырящихся солнечных обоях, смешное, припадающее на одну ножку кресло.

— Помнишь, Бетти, мы договаривались совсем-совсем не говорить о делах, целый день — ни слова?

«Дела» — это греческое Сопротивление, которым жили коммунист Тони, генеральный секретарь Федерации греческих моряков, и Бетти, партийный организатор Коммунистической партии Великобритании в Кардиффе. Они расстались с той комнатой в мае сорок пятого, встретив День Победы где-то у Гибралтара на борту первого теплохода, который шел в Пирей, в Грецию.

И вот еще одно новоселье — комната в Лондоне. Первая, да, по-настоящему первая за последние двадцать лет. В Греции перед арестом, в сорок седьмом году, Антонис не приходил домой, он знал, что за его квартирой в Пирее следят. Здание Федерации моряков полиция уже опечатала, военный суд вынес ему смертный приговор. Тони не виделся с Бетти несколько недель. За полчаса до наступления нового года он все же забежал в дом, где были мать и Бетти. Он просто не мог не прийти в такой час, да и кому в праздник до обысков!

Без пяти минут двенадцать в квартиру ворвались жандармы...

В НОЧЬ ПЕРЕД КАЗНЬЮ

За день до намеченной казни Антонису разрешили свидание с женой. Несколько минут. Рядом стоял тюремщик.

— Береги себя. Это — мое завещание,— сказал Тони.

— Не говори так, а то я расплачусь,— ответила Бетти.

Они оба не знали, что в ту минуту советский представитель в ООН призвал отложить все другие вопросы и немедленно потребовать от греческого режима отмены казни. В Москве и Софии, Праге и Лондоне шли митинги протеста. «Помни, 28 октября, как бы все ни обернулось, я буду с тобой»,— сказал Тони. 28 октября был ее день рождения. До него оставалось два месяца, до казни 10 часов.

— Знаете, что нужно, чтобы вырвать у себя страх и улыбаться в лицо палачам?

Расширившиеся шоколадные зрачки Антониса отражают здесь, в лондонской квартире, греческий равелин; брови взлетели к темно-каштановым волосам, покрыв лоб складками.

— Нужно быть коммунистом.

Когда Амбатьелоса повели на смерть через двор тюрьмы, в сотнях камер запели «Интернационал». На месте казни лейтенант из охранников (они потом все стали опорой нынешней хунты) бросил Антонису:

— Казнь откладывается...

Это был всего третий случай, когда удалось заставить греческую реакцию не привести в исполнение смертный приговор. После Эпомитиса, вожака греческой молодежи, и Манолиса Глезоса был спасен Амбатьелос.

Он возвращался под конвоем через тот же тюремный двор, и с брустверов окошек лавиной через решетки катился клич торжества. Ликовали те, кто завтра сам выйдет на плац, подойдет к стене и, опережая свинец, вскрикнет: «Да здравствует Греция!»

Коммунисты...

В ночь перед казнью никто, даже самые мужественные, не может сомкнуть глаз. В ночь перед казнью палачи в камеру приносят кофе. У Амбатьелоса был товарищ, старый коммунист, они сидели в тюрьме вместе еще во время диктатуры Метаксаса. Когда пришла его последняя ночь, он лег и попросил разбудить себя в пять утра.

— И уснул, понимаете,— говорит Антонис,— уснул сном праведника. Перед тем как за ним пришли, он успел побриться и проститься.

Пытки — это не только иголки под ногти и раскаленный металл, уносящий сознание; другой сосед Антониса по камере смертников перенес все пытки. Он сошел с ума оттого, что тюремщики забавлялись ключами от камеры. Откроют с грохотом, со звоном кованую дверь, отделяющую узника от смерти, и снова захлопнут. Антонис вынес и эту пытку. Четыре года каждое утро смерть приближалась к его камере гулом шагов стражника, выводящего смертников на казнь. Только в 1952 году смертный приговор был заменен пожизненным заключением. Еще 12 лет прошло, прежде чем удалось вырвать Антониса из тюрьмы.

Коммунисты...

В 1953 году на острове, где содержались тогда в заключении Амбатьелос и его товарищи, произошло сильное землетрясение. С острова бежали стража, власти, солдаты. В разрушенных бараках было много жертв. Под обломками домов в окрестных деревнях лежали дети, женщины и старики. Единственной организованной силой на острове в момент бедствия оказалась подпольная коммунистическая организация, существующая в лагере. Она объявила всех коммунистов мобилизованными на борьбу с последствиями землетрясения. Врач Стасис Коновосис — он сейчас живет неподалеку от лондонской комнаты Амбатьелоса — возглавил отряд коммунистов-спасателей. Понимаете, впервые появилась возможность бежать из заключения, кругом рушится земля, негде спать, нет продуктов, а коммунисты — истощенные, с подорванным здоровьем, проведшие долгие годы за решеткой — кинулись на помощь семьям крестьян, брошенным на произвол судьбы перепуганными властями, правительством и солдатами.

Когда в Греции в начале пятидесятых годов проходили выборы, крестьяне острова Кефалони, моряки Пирея, рабочие Афин и Салоник избрали в парламент заключенных коммунистов Манолиса Глезоса, Антониса Амбатьелоса и их товарищей. Фракция коммунистов, избранная народом, заседала в тюрьме.

Первым решением было объявить голодовку: «Народ нас избрал, и мы заставим выполнить его волю. Мы коммунисты».

МАТЬ КОММУНИСТА

Асимину Амбатьелу, мать коммуниста, судили, когда ей было 73 года. Ее обвинили в том, что она переписывается с Бетти, которая в то время вела борьбу в Англии за освобождение греческих политзаключенных. Старая гречанка на этом суде впервые в жизни произнесла речь. Адвокат и родные заклинали ее быть осторожнее, рассказывает Бетти. А мать поднялась и сказала:

— Кто вы такие, что решили обвинить меня, вдову моряка, погибшего в войну с гитлеровцами, и мать троих героев, которые боролись с фашизмом и хотят добра своей родине! От чьего имени вы держите в тюрьме моих сыновей, по какому праву арестовали и выслали из Греции мою невестку? Я горжусь, что моего сына Антониса люди выбрали в парламент, хотя он и сидит в камере смертников. А кто избрал вас?.. А моей невестке я как посылала письма, так и буду слать. И от нее не только что письма, а и шляпку вот получила.

И Асимина тут же, в суде, надела широкополую, модную тогда в Лондоне шляпку.

— Молодчина у нас мать, такого страха нагнала на суд! — смеется Антонис.— Пока ее держали под арестом, она ту шляпку носила, не снимая. Ей особенно обидно показалось, что ее хотят лишить подарка невестки.

Сейчас Асимине 90 лет, и на руках у нее два внука, дети младшего сына Никоса. Их отец и мать были арестованы в октябре прошлого года. Греческий режим объявил о скором суде над Никосом.

Братья встретились на одной явочной квартире в Греции. Встретились 28 октября, в день рождения Бетти. После обычной информации задержались на минуту, подняли стаканы с вином за Бетти.

— По дороге на другую квартиру Никоса схватили.— говорит Антонис.

«МОЯ ГРЕЦИЯ»

С того дня, когда «черные полковники» вывели американские танки на улицы Афин, Антонис не появлялся дома. Бетти была арестована в первую же ночь и провела долгие недели в греческой тюрьме, в одиночке, а после демонстрации английских рабочих и тысяч телеграмм протеста была выслана из Греции. Вместе с другими журналистами я встречал ее в лондонском аэропорту. Ее поддерживали под руки. После ужасных истязаний она не могла твердо идти. Но она могла говорить:

— Сегодня я начну новую кампанию за спасение жизни патриотов Греции, за их свободу. Мы с вами один раз уже вырвали из лап реакции лучших людей Греции. Теперь надо начать все снова, снова будут митинги, демонстрации — в Англии, по всему миру,— пока моя Греция не будет свободной.

Она так и сказала, эта английская коммунистка: «Моя Греция». Сказала прерывающимся, натянутым, как тетива, голосом. На лице были одни пылающие глаза.

Друзья хотели посадить ее в машину, но Бетти остановила их. Нет, она сейчас же, сегодня должна рассказать страшную правду о пытках, о голоде, о десятках тысяч заключенных на острове Юра, о детях Манолиса Глезоса, об издевательствах на афинском стадионе, о том, что творится в концлагерях. И, наклонившись к друзьям из Британской лиги в защиту греческой демократии, вполголоса спросила:

— О Тони что-нибудь слышно?

Газеты поместили оказавшееся ложным сообщение об аресте Амбатьелоса. Лейборист-парламентарий Ноэль-Бейкер, владелец поместий в Греции, выступил в поддержку хунты. А полковники продолжали заливать Грецию кровью.

...И вот Тони Амбатьелос в Лондоне. Маленькая комната на Джанкшн-стрит. Не пришло пока время рассказать о том, как Амбатьелос выиграл поединок с жандармами, как избежал сетей, повсюду расставлявшихся ему ищейками, как собрал по заданию партии силы для отпора хунте, где скрывался, с кем встречался, как по решению партии нелегально перебрался через границу, чтобы участвовать в международной кампании за рубежом.

Год в подполье, последний год на греческой земле, Антонис назвал самым напряженным, полезным и ярким годом в своей жизни. Люди раскрывались с такой неожиданной стороны, и он увидел столько в них зрелого мужества, решимости избавить родину от военной диктатуры. У хунты нет сколько-нибудь прочной социальной опоры в Греции, говорит Антонис. Она пришла к власти и держится на натовском оружии, на американских танках. Зато у греческих патриотов есть на кого опереться. Мы за союз всех демократических сил, говорит Антонис Амбатьелос. Но решающей силой, наиболее последовательной, искушенной в подпольной борьбе, готовой сплотить сопротивление, являются греческие коммунисты.

— Я бы хотел рассказать об их сегодняшних, может быть, самых необычных, самых удивительных подвигах,— сказал Амбатьелос.— Однако время еще не пришло, битва продолжается, малейший намек может быть использован врагом.

Но обо всем этом еще узнает свободная Греция, за которую продолжает сражаться коммунист Амбатьелос, товарищ Антонис, называющий себя «обыкновенным бойцом необыкновенной партии».

Лондон.

Анатолий КАЛИНИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Читателю хорошо известна повесть Анатолия Калинина «Цыган» (первая часть этой повести печаталась в журнале «Огонек» №№ 50—52, 1960 г.). Мы начинаем публикацию второй ее части.

2

Наверняка можно сказать, что, сколько бы ни нанизывались на асфальтовые нити больших автодорог неоновые радуги всевозможных закусочных, ресторанов и кафе, сердце шофера, как и прежде, будет отдано не им, а все тем же одиноким хижинам на окраинах сел и станиц, на которые, обшаривая по непогоде степь, неизбежно набредают фары. Не потому ли, что как раз и прорезываются сквозь завесу снега или дождя окна этих хижин в тот самый момент, когда в борьбе со стихией вконец изнемогли и твоя машина и ты сам: и у нее и у тебя что-то внутри уже не стучит и даже не всхлипывает, а только вздыхает и скулит — вот-вот порвется? И не потому ли еще, что потом, при твоем возвращении из-под гостеприимного крова к своему самосвалу, оставленному у ворот, тебе не угрожает, что прямо перед тобой вдруг вынырнет, как из страшной сказки, кто-нибудь из тех, с кем ты всю жизнь находишься в состоянии необъявленной войны, и, принюхиваясь, вкрадчиво приложит пальцы к козырьку фуражки, опернной красным кантом: «Права!»?

Если же непогода на всю ночь, то и у ворот такой придорожной заезжаловки иногда сбиваются не менее полдюжины автомашин и стоят, подкрашивая пурпуром стоп-сигналов ночную тьму, пока не развиднеется или же не подойдет какой-нибудь тягач. За окном ливень или пурга, а здесь, в хижине, сухо, тепло, на столе вино и все остальное, включая только что вынутый из бочки ажиновский моченый арбуз, и рядом за столом твои товарищи, такие же шоферы, а иногда, если повезет, окажется среди них и тот, с кем вместе наматывали на спидометр памяти все дороги войны, и теперь, если их разматывать, надо вместе посидеть не одну ночь.

Если хозяйка не из закоренелых, то из угла комнаты еще и светится экран и под удары степного ветра еще даже лучше, чем дома, послушать ту же Людмилу Зыкину или посмотреть чемпионат мира по хоккею. И тому, кого застигла посреди ночи непогода, веселее ее в хорошей компании пережидать, и хозяйке неплохо. В предвкушении выручки она так и мечется, так и пляшет между столом и печкой.

Но в этот августовский вечер ничто не предвещало тех перемен в погоде к худшему, из которых, оказывается, можно извлекать и выгоду. И даже шофер одной-единственной за весь день машины, притормозившей у ворот домика на окраине поселка, видимо, никак не мог прервать своего рейса. Он только на минуту и приоткрыл дверцу кабины, чтобы ссадить свою пассажирку, и тут же нажал на железку.

— Говорят, бабушка, вы на ночлег пускаете?

— Кто это тебе сказал?

— Шофер. Который меня подвез сюда.

— И надолго тебе?

— Нет, только до утра.

— А утром ты, что же, дальше поедешь?

— Как вам сказать... Может, дальше, а может...

— Не хочешь, так и не говори. Мне чужих секретов не нужно, это я просто так спросила.

Женщина, как видно, попалась не из разговорчивых, и хозяйка расспрашивать ее больше не стала. Спешить некуда. Обзнакомится и, небось, сама все расскажет.

— Я за ночь по рублю беру.— И хозяйка пояснила, отдергивая цветастую желтую шторку: — У меня простыня и наволочки всегда стираные, я их после каждого постояльца меняю.

Женщина коротко ответила:

— Хорошо.

— Но если для тебя дорого, тут через два дома Анфиса Мягконосова по пятьдесят копеек берет,— сочла необходимым предупредить хозяйка.— Без телевизера.— И великодушно предложила: — Могу проводить.

— Не нужно, бабушка.

— Ну, тогда раздевайся. Тебя как величать?

— Дома меня зовут Петровной.

— Для Петровны ты еще молодая. Ты с какого года?

Приезжая женщина то ли не расслышала, развязывая концы туго затянутого на подбородке зеленого платка, то ли не захотела отвечать, и хозяйка попеняла:

— Скрытная ты. А я с моими постояльцами поговорить люблю. Мне при моей одинокой жизни иначе нельзя, я, может, из-за этого и надумала к себе постояльцев пускать. Если разобраться, заботы с ними больше, чем прибытка. С одним поговоришь, с другим — и знаешь, как кругом люди живут. Если бы я знала, что ты такая, я бы и не пустила тебя к себе, но теперь уже ничего не поделаешь, раздевайся и садись. Петровна так Петровна, а меня, значит, Макарьевной зови. А может, ты сразу, с дороги, и отдохнуть захочешь? У меня это как раз и есть женская койка. Тут, за грубкой, спокойно и ничего не видно, когда за столом мужчины сидят. Для них я за той занавеской три места держу.— И она отдернула на другой половине комнаты другую шторку, за которой рядком стояли три узкие койки.— Когда в степи пурга, они у меня и по два на одной койке спят. Тогда и я с человека по пятьдесят копеек беру. А за стенкой в зале у меня постоянно одна молодая цыганочка живет. Но сейчас ее дома нету.

У приезжей женщины, укрепляющей шпильками рассыпавшийся венец темно-русых волос, замедлились движения рук, и она повернула к хозяйке голову. Та успокоила ее:

— Да ты не пугайся. Я раньше тоже цыганов боялась, а теперь сблизи рассмотрелась, что среди них тоже разные люди есть. У нас их тут, как им запретили кочевать, понаехало много, есть и бродяги, так и норовят прихватить под сюртук что плохо лежит, а от их ворожей попервости и не отобьешься, но теперь ничего, пообвыкли и от местных жителей отстали. Командируются на промысел в чужие места. Но моя квартираночка Настя, видно, к этому непривычная. Грамотная и за квартиру всегда за месяц вперед отдает.— И только тут хозяйка спохватилась, что она совсем заговорила новую постоялицу: — Да ты, Петровна, если притомилась в дороге, не стесняйся, ложись.

— Я не устала.

— Ну, тогда давай с тобой поснедаем.

— Я уже, бабушка, пообедала.

Но хозяйка так и замахала на нее руками...

— Об этом и слухать не хочу. У меня не какая-нибудь шкуродеровка, и по рублю я не за одну же постель беру. Садись. У меня сегодня лапшица с куренком, а на второе я плацынду спекла. У вас дома плацынду пекут?

— А что это такое?

— Сама узнаешь. Это навроде слоеного пирога со сладким кабаком, но еще вкуснее. Не стесняйся, садись.

— У тебя детей много?

— Двое.

Хозяйка обрадовалась:

— И у меня двое. Девочки. Теперь обе в городе живут. Как повырастают, выскочат замуж, так, считай, и нет у тебя больше детей. Они и ласковые у меня, а все равно при матери не захотели жить. Мы с покойным мужем хотели еще и мальчика иметь, но не привелось. А у тебя?

— Девочка и...— женщина только чуточку помедлила,— мальчик.

Но от многоопытного взора хозяйки и это промедление не могло укрыться:

— Ты что-то вроде заикнулась. Не обижает он тебя? Бывают сыновья: оторви да брось. У нас тут один, Васька Пустошкин, как напьется, так на родную матерю с кулаками лезет, из дому гонит. А как протрезвеет, опять, правда, ничего.

Но приезжей, видимо, захотелось поскорее внести в это ясность, и она твердо сказала:

— Нет, мой не обижает меня. Он совсем другой.

— Ну и слава богу. Вот и хорошо.

— Вот только я и не знаю, Петровна, как мне с тобой быть. Вечер у меня сегодня занятый, у нас в клубе товарищеский суд, а ты хоть, видно, и хорошая женщина, но для меня чужая, и не могу же я вот так сразу, с бухты-барахты на тебя все свое достояние кинуть. Оно у меня не дармовое. Ты на меня не серчай.

— Я не серчаю. Хорошо, я пока могу где-нибудь на дворе побыть. На улице походить или за воротами на лавочке посидеть.

— Нет, это не годится! — сразу же отвергла хозяйка.— Что же это ты будешь по улице чисто какая-нибудь сирота слоняться? — Глядя на постоялицу, хозяйка колебалась: — Я вижу, ты женщина честная...— Но тут же, очевидно, другие, более практические соображения одержали в ней верх над иными, и она вдруг предложила: — А то, может, и ты на это время со мной пойдешь? — И не давая женщине возразить, убеждающе заговорила: — Ты нисколечко не пожалеешь. У нас тут на товарищеский суд все лучше, чем в кино, любят ходить. Из-за одного председателя Николая Петровича стоит пойти. Хоть и пенсионер, а любит справедливость.— И она снова заколебалась: — Но если, конечно, ты наморилась с дороги...

— Хорошо, бабушка, я пойду,— быстро сказала женщина.

Хозяйка повеселела:

— Вот и спасибо. Я и сама, признаться, дюжей, чем, бывало, в церковь, люблю туда ходить. Мы тут в степи далеко от станции живем, артисты из города к нам не ездят, и по телевизеру то одним футболом, то хоккеем душат. А на товарищеском суде и поплакать и посмеяться можно.

— Что же ты так мало ешь? Али не нравится моя лапша?

— Нет, лапша хорошая.

— Спасибо, что похвалила, будто я и сама не знаю. Мои постоянные клиенты, шофера и другие проезжие, всегда ее требуют. А ты еле поворачиваешь ложкой.

— Просто мне с дороги что-то не хочется.

— С дороги люди всегда лучше едят. Ну, если не хочешь лапши, то давай тогда с тобой плацынду есть.— И хозяйка метнула с кровати на стол завернутую в пуховый платок тарелку и развернула ее.— Я ее в летнице спекла, еще горячая. Сейчас я из погреба свежей сметаны достану.

Г А Н

Но постоялица остановила ее движением руки:

— Не беспокойтесь, пожалуйста. Я больше не буду есть.

— Ну, как хочешь. А может, ты обиделась на меня?

Приезжая женщина с искренним удивлением подняла от стола глаза.

— За что?

— А что я побоялась на тебя свою квартиру бросить. Но ты и сама в мое положение войди. Мы тут всегда жили без запоров и замков, хаты и погреба держали раскрытыми, и, слава богу, у нас не было никакого воровства, пока не понаехали эти цыганы. И какой только черт их в наши табунные степя пихнул! Нет, я ничего такого напрасно не могу про них сказать, и, говорят, они там, где живут, не позволяют баловства, такой у них закон, но только под видом цыганей теперь кое-кто и из своих повадился по сараям и погребам шуршать и чужие нажитые денежки в сундуках считать. Мне-то бояться нечего, я свои, если заводятся, на книжку кладу, там на них и проценты текут, но не побежишь же на почту каждый божий день. Так что уж ты, пожалуйста, не обижайся на меня.

Постоялица отодвинула от себя тарелку на столе.

— Я и не думала, бабушка, обижаться. С чего вы взяли?

— Ну и хорошо. Значит, давай будем собираться. Я толечко другую кофту надену, и можно выходить. Время уже не маленькое, да и клуб отсюда далеконько, пока мы до него дотелепаем, оно и будет как раз. У тебя с собой в узелке никакой другой одежки нет?

— Я в этой пойду.

— И то ладно. Ты еще молодая, и тебя тут никто не знает, а мне нельзя. У меня может клиентура пострадать. Сейчас я новую кофту надену и пойдем.

Еще не совсем стемнело. Белые домики поселка, как пиленый сахар на зеленой скатерти, лежали посреди табунной степи, со всех сторон доступные взору.

— У нас тут ровнехонько, кругом видать,— хвалилась по дороге хозяйка.

Несмотря на то, что все, что только могло подлежать плугу, распахано было за эти последние годы, не исключая и задонских табунных земель, и на конскую колбасу — на к а з ы — пошли косяки заарканенных на луговом приволье полудиких лошадей, кое-где еще оставались посреди буйно зеленого разлива одинокие острова конных заводов, и иногда еще можно было увидеть в степи золотистым облаком пропорхнувший по кромке табун жеребцов и кобылиц, еще не попавших в поле зрения Заготскота. Забрызганный росой и солнечной пыльцой вынырнет из высоких зеленей, прядая ушами, и тут же нырнет обратно. Только силуэт верхового табунщика и будет двигаться, отбрасывая гигантскую тень по предвечернему сизому лугу.

Вот и стягивались сюда, к этим островам, обложенным со всех сторон гулом тракторов, из окрестных придонских степей те, у кого до того вся жизнь прошла при лошадях и чье сердце теперь уже, вероятно, до конца своих дней не смогло бы освободиться из этого добровольного плена. И те старые табунщики с перепаханных под кукурузу лугов, которые решили, что им уже поздно переучиваться на воловников и дояров; и те вышедшие на пенсию ветераны казачьих дивизий Селиванова и Горшкова, которые так и не смогли смириться с мыслью, что конница уже навсегда отжила свой век. А вместе с ними и отлученные от лошадей по иной причине цыгане.

— Ты, Петровна, только приглядись. Сразу можно угадать, где они живут,— говорила хозяйка.

Но ее спутница и сама уже в этом убедилась. И не только потому, что там, где жили цыгане, обязательно из конца в конец двора тянулась веревка и на ней, как знамена, проветривались на вольном воздухе красные, синие, оранжевые и всевозможных неслыханных цветов и оттенков одеяла. Но и потому, что неполотые лебеда, татарник, осот выше заборов стояли в этих дворах, а из-за плотно прикрытых дверей сарайчиков можно было услышать, проходя мимо, и то, как отфыркиваются кони, которых их хозяева, вероятно, в надежде на лучшие времена прятали от чужих взоров. Но разве можно было их до конца спрятать? Тем более что по привычке или же по своей беспечности цыган нет-нет и забудет на колышке забора то ли dологи[1], то ли совари[2], а иногда где-нибудь посреди двора и бангу[3]. И ни с каким же иным не спутаешь этот смешанный теплый душок, которым потягивает из-за забора. Так могут пахнуть только конский навоз и степное сено.

И на большой улице, прорезавшей поселок конезавода с севера на юг, среди людей, тянувшихся все в одном и там же направлении — к сверкающему на закате окнами из зелени тополей зданию клуба,— нетрудно было угадать цыганок и цыган, хоть и одетых, казалось бы, в то, во что одевались и все остальные, но все же в каком-то таком сочетании цветов, что те же самые кофты и юбки у женщин выглядели неизмеримо ярче и такие же, как на других, пиджаки и брюки у мужчин оказывались иными. Не говоря уже о платках и шляпах, которые никто иной не сумеет так повязать и заломить, как цыганка и цыган.

Большая площадь, упираясь в которую улица раздваивалась на рукава, обтекая ее вместе с клубом, как река обтекает остров, уже почти забита была автомашинами и мотоциклами, но и не только ими, а и верховыми лошадьми, с которых спешивались подъезжавшие с отделений конезавода табунщики, зоотехники, ветеринары. Спешиваясь, они накрепко привязывали лошадей к стволам тополей и акаций, потому что это все-таки были не какого-нибудь, а табунного содержания лошади, полуобъезженные и только привыкающие ходить под седлом. Натягивая ремни поводьев, они так и норовили порвать их и тут же упорхнуть в степь, по которой вокруг поселка катались из края в край различаемые их чуткими ушами копытные вешние громы табунов, пасущихся на приволье. И не вокруг машин и мотоциклов, как это обычно бывает в сельской местности у клубов в часы стечения народа, а вокруг них, бунтующих на привязи, очарованно собирались люди, чтобы перебрать их с головы до копыт по косточке и по шерстинке, не с поверхностным, а с придирчивым знанием оценивая и неоспоримые их достоинства и возможные изъяны. Впрочем, только самому опытному взору и дано было найти изъяны, а вообще-то, казалось, и не может их быть под этой выкупанной росами и вылощенной ветром и солнцем шкурой, розовеющей теперь под закатным солнцем. И все это была донская элита. Все новые и новые верховые подъезжали из степи. И вот уже вся площадь пофыркивала, стучала копытами, прядала ушами. Колыхались над нею длинные глазастые морды. Вот где можно было смягчиться взору, истосковавшемуся по лошадям в век всеобщего торжества моторов.

Хозяйка придорожной корчмы заметила, как даже ее молчаливая спутница не осталась равнодушной, когда наискось от них, через площадь, так и взвился на дыбы еще под одним подскакавшим из степи всадником конь и некоторое время даже потанцевал на месте, пока хозяин — какой-то цыган — не утихомирил его.

— Кто это? — спросила приезжая у хозяйки.

— Должно, какой ся из табунщиков,— ответила хозяйка.— У меня, жалкая моя, к вечеру зрения совсем стала слабеть, а тут через всю площадь и вовсе не вижу. Одна мошкара перед глазами и вроде бы радуга.— И тут же она вдруг обрадованно ринулась вперед.— А вот эту я очень даже хорошо вижу. Сейчас я и тебя с ней познакомлю. Это и есть моя квартирантка Настя.

Но они не успели. Из-за угла, из проулка, вывернулась и, круто осадив свой мотоцикл у самого крыльца клуба, стала быстро взбегать по его ступенькам девушка в оранжевой кофточке и в синих брюках. Большие карманы так и лепились на них со всех сторон. И местные женщины и цыганки, цветным кружевом опоясавшие подножие крыльца, молча расступались, давая ей дорогу и провожая ее взглядом. Когда она, вся какая-то прямая и тонкая — но не в бедрах, а в поясе.— взбегала по ступенькам, узкие, с рубиновым кантом по швам модные брючки с каждым ее шагом натягивались, казалось, вот-вот лопнут. Но она, ничуть не опасаясь этого, взбежала на самый верх, все так же прямо, даже чересчур прямо держась и чуть-чуть, почти надменно откинув назад черноволосую голову, так и не взглянув по сторонам. Это-то, вероятно, больше всего и задевало расступившихся перед нею женщин, среди которых отдельно кучкой стояли цыганки. И одна из них, молодая и полная, не удержалась:

— Настя уже и на людей не глядит. Выше голов летает.

Девушка мгновенно обернулась на самой верхней ступеньке, и глаза ее, обежав толпу женщин, безошибочно выхватили из нее эту цыганку.

— Это ты, Шелоро? А я и не знала, что ты уже вернулась из своего коммерческого рейса.

Легкая, как от брошенного в воду камня, зыбь всколыхнула толпу женщин, и молодая полная цыганка, принимая вызов, выступила из нее, не переставая шелушить большой, надломленный с края круг подсолнуха и, не глядя, с привычной ловкостью забрасывая себе в рот семечки. Глянцевито блестящая змейка так и тянулась в воздухе, не прерываясь, от ее руки к одному углу рта, а из другого угла свисала шелуха, ползла на подбородок.

Она притворно ужаснулась:

— Ах, уж ты, пожалуйста, извиняй меня, Настя, что я позабылась тебе доложить.

— Ничего, Шелоро, ты еще успеешь отчитаться об этом там.

И движением подбородка девушка повела в сторону раскрытых настежь дверей клуба и, не задерживаясь, тут же скрылась в них.

А вслед за нею, как будто до этого ее одной только и недоставало здесь, как по команде, хлынули в клуб все остальные.

Продолжение следует.

[1] Вожжи.
[2] Уздечка.
[3] Конская дуга.

МЕТРОПОЕЗД ИДЕТ БЕЗ ВОДИТЕЛЯ

В Ленинграде за Московской заставой раскинулись корпуса завода имени рабочего Ивана Егорова. До сих пор завод был известен своими удобными цельнометаллическими пассажирскими вагонами. Десять тысяч их вышло из ворот сборочного цеха в послевоенные годы. Сейчас егоровцы осваивают новое дело — производство вагонов для подземных магистралей метро. Первые такие вагоны уже курсируют на трассе Ленинградского метро. По внешнему виду они пока не отличаются от мытищинских. Однако вагоностроители несколько видоизменяют их: внутренняя отделка стен производится не линкрустом, а цветным пластиком светлых тонов. Мягче будут сиденья, тут используется поролон. На смену обычному электрическому свету приходит дневной свет люминесцентных ламп.

Завод начал производство головных вагонов с автоматическим водителем. Роль нынешних машинистов будет со временем сведена лишь к контролю: поездами будет управлять центральный диспетчерский пульт.

В будущем году новые вагоны метро появятся и в других городах.

В. ГЕРАСИЧЕВ

На снимке: идет сборка новых вагонов метро.

Фото автора.

ХОРОШ «ДЫМОК»!

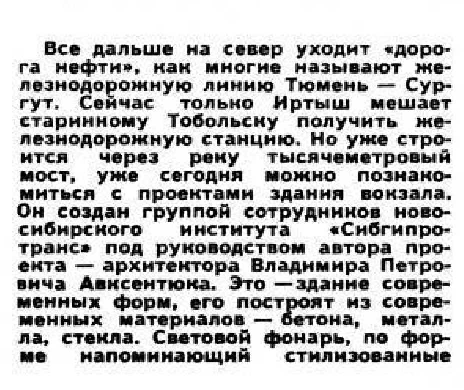
Смоленский завод торгового оборудования приступил к изготовлению оригинальных киосков-автоматов. Они предназначены для продажи широкого ассортимента сигарет и папирос. Разработал проект такого киоска — назвали его «Дымок» — институт ВНИИТОРГМАШ совместно с Киевским опытно-конструкторским бюро. «Дымок» в отличие от существующих автоматов предназначен для продажи девяти видов сигарет и папирос в пачках и коробках.

Автомат укомплектован универсальным монетником, который принимает монеты от 1 до 70 копеек в любом наборе. Работает он круглосуточно.

Инженер Ю. СТЕПАНЕНКО

ПУТЬ К НЕФТИ

Все дальше на север уходит «дорога нефти», как многие называют железнодорожную линию Тюмень — Сургут. Сейчас только Иртыш мешает старинному Тобольску получить железнодорожную станцию. Но уже строится через реку тысячеметровый мост, уже сегодня можно познакомиться с проектами здания вокзала. Он создан группой сотрудников новосибирского института «Сибгипротранс» под руководством автора проекта — архитектора Владимира Петровича Авксентюка. Это — здание современных форм, его построят из современных материалов — бетона, металла, стекла. Световой фонарь, по форме напоминающий стилизованные елочки — традиционный тобольский пейзаж,— зальет естественным светом центральный зал. На торце здания — старинный герб Тобольска. Строение облицуют камнем, который доставят из Киева. Предусмотрен максимум удобств для пассажиров и железнодорожников. В новый комплекс входят гостиница, автовокзал, почта. Свою работу проектировщики посвящают столетию со дня рождения В. И. Ленина.

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»

На фото: макет здания вокзала в Тобольске.

НА ЛОДКЕ ЗА... РОБИНЗОНАМИ

Начальник пожарного караула лейтенант Владимир Талевнин и боец Юрий Клюшин, которых вы видите на снимке, недавно награждены именными часами. В приказе есть такие слова: «...за смелость и находчивость...»

На этот раз все обошлось без огня и дыма...

* * *

Телефонный звонок раздался совсем не вовремя. В тот день играло московское «Динамо». В Ленинской комнате уже включили телевизор.

— Начальник дежурного караула лейтенант Талевнин слушает...

— Из деревни Косино говорят. Беда случилась у нас, товарищ лейтенант. Двое ребятишек заблудились в болоте. Уже темно, а их все нет. Маленькие ведь совсем. Утонут. Выручайте...

«Легко сказать, выручайте»,— подумал Талевнин. Вроде бы не по адресу обратились. Чем он, Талевнин, поможет? Его дело — тушить пожары. Только что возвратились после трудного поединка с огнем. Ребята промокли до нитки и чертовски устали. Но...

— Вы меня слышите? Ждите. Скоро приедем...

До деревни доехали за несколько минут. На берегу толпились люди. Болото большое. На лодке проплыть нельзя, мешает камыш. Двое уже пытались, но вернулись назад. Кто-то советовал вызвать вертолет, а где его взять ночью? Да и вообще ночью с болотом шутки плохи. Стоит чуть оступиться — и поминай как звали. Идти нельзя.

— Рядовой Юрий Клюшин, поплывете со мной.

— Есть!

Берег скрылся из глаз. Но вскоре лодка остановилась, зажатая среди камышей.

Талевнин принялся рубить камыш. С трудом пробрались сквозь узкую «просеку».

— Товарищ лейтенант, разрешите мне, вы уже рубите двадцать минут.

Поменялись ролями. Юрий сел на нос лодки, Владимир — на весла. Медленно продвигались вперед.

Прислушались. Холодный осенний ветер заблудился в камышах, гудел на разные голоса. И вдруг детский крик...

Еще взмах топором. Десятый, сотый... Кончится ли этот проклятый камыш?

Время шло. На ладонях мозоли. Одолевает усталость. Неожиданно лодка уткнулась носом в остров, упрятанный в глубине болота, раскинувшегося на многие километры.

Ступали осторожно. Старались не прорвать мох, ходивший под ногами ходуном.

— Ребята, где вы? — что есть силы крикнул Талевнин.

И вот долгожданный ответ.

— Дяденька, мы здесь,— всхлипывали ребятишки.

Прижавшись друг к другу, на небольшом островке, окруженном водой, сидели десятилетние Саша и Эдик. Продрогли и перепугались они основательно.

Перевалило за полночь, когда робинзоны вместе со своими спасителями причалили к берегу, где их с нетерпением ждали жители подмосковной деревни Косино.

Ф. КУЗЬМИНОВ,
В. НАЗАРОВ

На снимке: лейтенант Владимир Талевнин и рядовой Юрий Клюшин.

Фото А. Гостева.

Невыдуманный Левша

Все мы помним замечательный рассказ Лескова о тульском умельце Левше, который сумел подковать хитромудрую «аглицкую» миниатюрную металлическую блоху. Но это сказка. А вот то, что может сделать наш современник, уральский инженер А. М. Сосилятин,— быль. И подтверждается она двумя подарками, преподнесенными им Кисловодскому народному краеведческому музею.

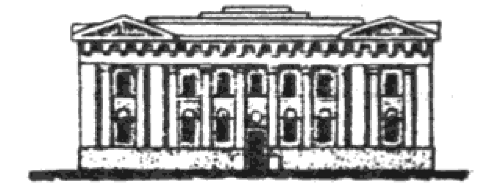
Один из них — обыкновенная десятикопеечная монета. Вглядываешься внимательнее и замечаешь, что в цифре «ноль» что-то выгравировано. Вооружаешься лупой и... читаешь целое приветствие из 54 слов.

И еще одна работа: стеклянный колпачок диаметром всего в 3 сантиметра, а высотой в 5. А в нем модель горного экскаватора, отбойного молотка и других предметов шахтерского труда, смонтированных на кусочке каменного угля.

А. ПЕТРЕНКО

РУССКИЙ ФИЗИК ПЕТР ЛАЗАРЕВ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

Академик В. В. ШУЛЕЙКИН

Каждый день прошлого и нынешнего года — будто отзвук великих событий, которые происходили в нашей стране полвека тому назад.

Вспоминаются большие дела и большие люди. Часто-часто оторванный листок календаря говорит о том, что было т о г д а...

Вспоминается становление советской науки, впитавшей в себя лучшие традиции выдающихся русских исследователей и проложившей совсем новые пути, обогатившейся новыми возможностями, вселившейся в современные **дворцы** науки.

Не было таких дворцов до Великого Октября. Академия наук была единственным «домом науки», в котором государство обеспечивало исследования действительных членов академии — российских академиков.

Профессура университетов и других высших учебных заведений могла заниматься научной деятельностью только в свободное от учебных занятий время. А в 1911 году старейший университет — Московский — подвергся разгрому: прогрессивные профессора покинули университет из протеста против бесчинств реакционного министра просвещения. Отпали и существовавшие возможности для научной работы профессоров. Без лаборатории остался выдающийся русский физик Петр Николаевич Лебедев; без лабораторий остались его ученики.

На помощь пришла общественность Москвы, и замечательные экспериментальные исследования были перенесены в скромное, когда-то жилое помещение неподалеку от Арбата. Именно тогда у П. Н. Лебедева зародилась мысль о создании с в о б о д н о г о научного института, в котором даровитые исследователи могли бы вести свои работы, не завися от причуд царского министерства. Осуществить свои мечты он не успел: тяжелая болезнь сердца свела его в могилу. Но не умерло его славное начинание: любимый ученик П. Н. Лебедева, его друг и соратник Петр Петрович Лазарев добился постройки задуманного института перед самой Октябрьской революцией.

На 3-й Миусской улице среди обширного двора выросло красивое здание Физического института, в котором были предусмотрены лабораторные помещения, удовлетворяющие различным специальным условиям, отличные мастерские для изготовления оригинальных новых приборов и мощная аккумуляторная батарея.

В ту пору Петр Петрович был избран действительным членом Академии наук (академиком) по представлению пяти академиков — специалистов в различных областях науки,— настолько многогранна была деятельность самого П. П. Лазарева. В просторные лаборатории новорожденного института стекались работать и опытные физики, получившие подготовку под руководством Лазарева в лебедевской лаборатории, и молодежь из преподавательского состава московских вузов. Все эти исследователи-энтузиасты назывались «практикантами» института, ни в каком штатном расписании не числились до 1918 года, когда Советское правительство подвело мощную материальную базу под работы института. Именно тогда П. П. Лазарев со своими сотрудниками немедленно начал создавать устои большой советской науки.

Сейчас пятидесятилетие создания этих устоев совпало с девяностолетием со дня рождения Петра Петровича Лазарева, и нам, его ученикам, продолжателям его научного дела, так хочется оглянуться на вехи пути, пройденного за полвека...

Первая из этих вех — исследования П. П. Лазарева и его помощников по проблеме Курской магнитной аномалии. В нашей стране даже школьники знают, какие богатства железных руд ныне извлекаются из недр Белгородской и смежных областей. Но мало кто знает о трудных — иногда мучительных — днях, которые были пережиты советскими исследователями на первых шагах **изыскательских** работ.

Все началось с доклада, сделанного в Физическом институте, на 3-й Миусской, старым профессором Московского университета Эрнестом Лейстом. «Сэмной магнетызмус в эттой шасти Курской губерни ошень заинтересовал местних геодезистов. Один из них, Лебединский, докладывал нашальству, что магнитни стрелка смотрит северни конес на юг, а южни — на север...» Так начал он свой доклад.

Двадцать лет подряд во время летних каникул Лейст разъезжал на извозчичьей пролетке по уездам Курской и смежных губерний и посредством точных университетских приборов определял отклонения магнитных стрелок от нормального направления (в горизонтальной и вертикальной плоскостях). На докладе он продемонстрировал составленные им карты, характеризующие аномалии магнитного поля на обширной территории. Но специалисты — физики, магнитологи — тогда же отметили в своих выступлениях по докладу, что точное определение магнитных характеристик у докладчика находится в досадном противоречии с грубейшим определением п о л о ж е н и я самих исследованных точек (их широты, долготы).

Э. Лейст никак не реагировал на эти основательные замечания. Он оставил П. П. Лазареву краткую статью для опубликования в Академии наук, без всякого цифрового и картографического материала. Осенью 1918 года он получил разрешение на поездку на родину, в Германию, для лечения и вскоре там умер. После смерти Лейста выяснилось, что некий аферист, уехавший вместе с ним, увез с собой в Германию все карты Лейста, весь цифровой материал его двадцатилетней работы. Германское правительство по дипломатическим каналам предложило Советскому правительству купить у Германии «наследство Лейста» за 5 миллионов рублей золотом. К сожалению, в нашей стране нашлись лица, поддержавшие это предложение. Против них энергично восстал академик Лазарев, сообщивший Г. М. Кржижановскому и Л. Б. Красину о неполноценности карт Лейста и о реальной возможности з а н о в о проделать магнитные исследования в нужных районах, более оперативными методами и с несравненно более надежным определением положения исследуемых точек.

Г. М. Кржижановский и Л. Б. Красин доложили Владимиру Ильичу Ленину о предложении Комиссии по Курской магнитной аномалии, организованной в Академии наук по инициативе П. П. Лазарева, под его председательством. Член этой комиссии академик А. Н. Крылов совместно с командованием гидрографического управления Военно-Морского Флота подробно разработал всю методику полевых работ на просторах Курской и смежных губерний посредством приборов, применяемых на кораблях штурманами и гидрографами. Владимир Ильич одобрил предложения Академии наук, и отряды моряков отправились на степные просторы — до самой фронтовой полосы, на которой еще не затихли бои гражданской войны. Магнитными измерениями на местах руководил А. И. Заборовский, а штурманской частью (определением широт, долгот)— И. Д. Жонголович.

Самоотверженно работали моряки. Трое из них погибли от бандитских пуль. Ценнейшее оборудование, направленное из Москвы, какая-то злая рука заслала вместо Курска в Тбилиси. Невзирая на невзгоды, трудности, изыскатели непрерывным потоком посылали результаты своих точных измерений в Москву, на 3-ю Миусскую, в своеобразный штаб Курской магнитной аномалии. Здесь под руководством П. П. Лазарева и при его непосредственном участии группа сотрудников института составляла новые карты, производила сложные математические вычисления для определения мест залегания магнитных руд и — что очень важно!— глубины их залегания.

В ту пору надо было обладать большим мужеством, чтобы утверждать, что породы, достаточно богатые железом, лежат на вполне доступной глубине. И Петр Петрович смело заявил это, невзирая на мышиную возню, поднятую вокруг Курской магнитной аномалии консервативными горными инженерами и другими маловерами, утверждавшими, что «советской технике не по силам освоить курские залежи магнитных руд». Владимир Ильич зорко наблюдал за событиями под Курском, Белгородом; он подписал важное постановление Совнаркома о создании Особой комиссии по Курской магнитной аномалии при Высшем Совете Народного Хозяйства. Председателем этой оперативной комиссии был назначен геолог профессор И. М. Губкин (впоследствии академик), а его заместителем и начальником магнитной части ОККМА — академик П. П. Лазарев.

На основании новых магнитных карт, на основании большой теоретической работы над ними Лазарев точно указал место для буровой скважины № 1. По ходу бурения образцы извлеченных пород доставлялись в институт, на 3-ю Миусскую, и там исследовались посредством новой, специально сконструированной аппаратуры.

Долго сопротивлялись твердые породы буровым инструментам, и их скрежет сливался с хором скептиков-маловеров, отравивших немало дней П. П. Лазареву и И. М. Губкину. Но точные расчеты Лазарева блистательно подтвердились, и из скважины № 1 было извлечено первое железо.

Владимир Маяковский откликнулся на победу под Курском. Он писал:

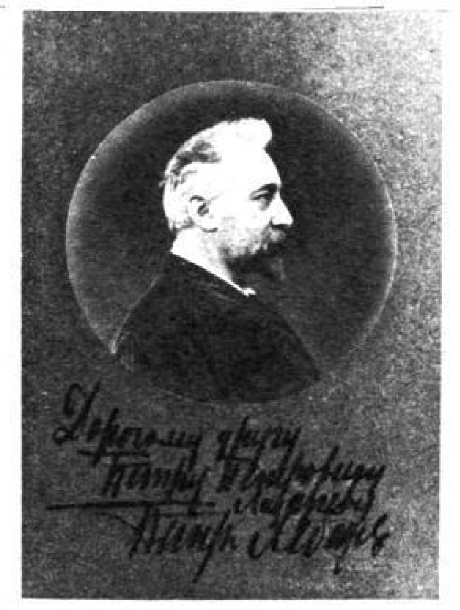
И когда
казалось —
правь надеждам тризну,
из-под Курска
прямо в нас
настоящею
земной любовью брызнул
будущего приоткрытый глаз.

Пусть
разводят
скептики
унынье сычье:
нынче, мол, не взять
и далеко лежит.
Если б
коммунизму
жить
осталось
только нынче,
мы
вообще бы
перестали жить....
. . . .
Двери в славу —
двери узкие,
но как бы ни были они узки,
навсегда войдете
вы,
кто в Курске
добывал
железные куски.

Инициатор-руководитель первых советских исследовательских работ, боровшийся против «унылых сычей», академик П. П. Лазарев заслужил эту славу наряду с рабочими-горняками Курска и с руководителем буровых работ И. М. Губкиным.

Таков Лазарев-геофизик. Он воспитал в своем институте крупного специалиста в области геофизических методов разведки полезных ископаемых Г. А. Гамбурцева (впоследствии академика), автора основных направлений в Институте физики Земли Академии наук СССР. Петр Петрович всегда содействовал работам и по физике моря, которые были начаты в институте автором этой статьи и затем положили основу для работ Морского гидрофизического института Академии наук СССР (впоследствии Академии наук Украинской ССР).

Но не геофизика была главным полем деятельности академика Лазарева: Петр Петрович — основоположник советской **биологической физики**. Недаром институт на 3-й Миусской носил название Института физики и био-

Академик П. Н. Лебедев.

П. П. Лазарев.

В Москве, на 3-й Миусской, в Институте физики и биофизики: академик Г. А. Гамбурцев, профессор Б. В. Ильин, профессор Д. М. Толстой, профессор М. П. Воларович, профессор Э. В. Шпольский, д-р А. А. Дубинская, академик С. И. Вавилов, профессор П. П. Павлов, профессор В. Л. Лёвшин, академик П. П. Лазарев, А. Н. Лебедева, профессор Н. Т. Федоров, д-р Г. Г. Яуре, член-корреспондент А. А. Ляпунов, член-корреспондент С. В. Кравков, профессор А. С. Ахматов, В. П. Лазарев, академик П. А. Ребиндер, профессор В. В. Ефимов, член-корреспондент А. С. Предводителев, член-корреспондент Н. К. Щодро, член-корреспондент Б. В. Дерягин.

физики. Недаром с первых лет жизни Советской страны шефство над ним взял верный соратник Владимира Ильича Ленина — Николай Александрович Семашко, направлявший достижения института на пользу советского здравоохранения.

Когда хирурги признали необходимым сделать рентгеновский снимок пули, оставшейся в теле В. И. Ленина после эсеровского покушения на его жизнь, Владимир Ильич в сопровождении Н. А. Семашко и других врачей (В. Н. Розанова, Д. И. Ульянова) прибыл именно в Институт физики и биофизики, в котором был лучший по тем временам рентгеновский кабинет.

Пока проявлялись рентгеновские снимки, Владимир Ильич ознакомился с лабораториями института, а потом прослушал доклад П. П. Лазарева о проводившихся тогда работах под Курском и просил его «сообщать ему ежедневно краткой репортичкой о ходе работ и о нуждах, и с тех пор работы быстро двинулись вперед...»— так записал в своих воспоминаниях нарком здравоохранения Н. А. Семашко.

Исследования П. П. Лазарева и его сотрудников по биологической физике, горячо встреченные великим физиологом И. П. Павловым, особо замечательны тем, что в них сказалось и мастерство физика и мастерство физиолога, глубоко проникающего в специфику живого организма.

Рубеж нашего столетия ознаменовался открытием электронов и значительно более тяжелых заряженных частиц — ионов. П. П. Лазарев впервые построил теорию нервного возбуждения, основанную на анализе поведения ионов в живых тканях, в нервных клетках. Он охватил уравнениями математической физики те процессы, которые происходят в органах чувств и передают возбуждение дальше — в центральную нервную систему. Он создал физико-математическую теорию постепенного приспособления органов чувств к внешним воздействиям, которые могут меняться по силе в очень широких пределах. Это так называемая теория адаптации органов чувств при переходе от сильных раздражений к слабым и обратно.

За многие истекшие годы основные количественные выводы П. П. Лазарева сохранили свое значение, несмотря на непрерывное изменение воззрений исследователей на те или иные детали явлений. В частности, очень большой интерес представляет фактический материал, полученный П. П. Лазаревым при первых же попытках раскрыть механизм возбуждения зрительного нерва, для построения теории так называемого периферического (сумеречного) зрения и цветного зрения. Вещество, которое выделяет ионы в клетках сетчатки, выстилающей глазное дно,— так называемый зрительный пурпур — очень капризно и подвержено досадным изменениям при извлечении его для точных опытов. Поэтому П. П. Лазарев начал свои экспериментальные и теоретические работы с исследований воздействия света на аналогичные — более удобные — вещества, рассматривая их в качестве моделей.

Уже в 1912 году он защитил докторскую диссертацию под заглавием «Выцветание красок и пигментов в видимом спектре. Опыт изучения основных законов химического действия света». Он вывел теоретическую формулу, установившую связь между энергией света, поглощенного веществом, и продуктами, выделяющимися при освещении. После появления его работ многие авторы подтвердили его выводы в широком диапазоне световых волн и даже электромагнитных волн, лежащих далеко за пределами видимого света. Все это позволило П. П. Лазареву создать теорию воздействия света на зрительный пурпур — теорию зрительных восприятий в различных сложных условиях. В частности, эта теория используется на практике, когда наблюдателю (например, штурману) приходится переходить из освещенного помещения в условия ночной видимости.

Долго не находил объяснения так называемый «собственный свет сетчатки» глаза, видимый в темноте, при отсутствии внешних раздражителей. В связи с этим П. П. Лазарев предложил очень интересную тему для исследования только что начинавшему тогда свою жизнь в науке С. И. Вавилову, впоследствии академику и президенту Академии наук СССР.

В своей первой научной работе Сергей Иванович доказал, что пигменты (красители) могут разлагаться даже в темноте под действием одного лишь т е п л а; он обнаружил на опыте тепловое высвечивание красителей. За этой работой последовали длинные серии опытов С. И. Вавилова и его соратника по институту В. Л. Левшина по свечению жидкостей под действием невидимых — ультрафиолетовых — лучей, опытов по чувствительности глаза в области сумеречного (периферического) зрения.

С. И. Вавилов подтвердил теоретические формулы П. П. Лазарева, полученные методом математической статистики, и измерил колебания так называемого «порога зрительного ощущения». Колебания вполне соответствовали теории квант — элементарных количеств энергии света.

Эти классические работы наполнили яркую творческую жизнь С. И. Вавилова. А вскоре после безвременной кончины Сергея Ивановича его аспирант по Физическому институту имени П. Н. Лебедева П. А. Черенков, работая над предложенной ему диссертационной темой, открыл в жидкостях совершенно новый вид свечения, вызываемый движением электронов со скоростями, большими, чем скорость распространения света в этой жидкости. Такие быстрые электроны испускались распадающимися ядрами радиоактивных веществ. Замечательное явление, открытое Черенковым, ныне широко используется физиками всего мира при самом тонком экспериментировании. Вот как далеко раскинуты ветви «родословного дерева» в науке, дерева, корнем которого является школа Лебедева — Лазарева.

Глубокие исследования принадлежат П. П. Лазареву и в области молекулярной физики, проводившиеся в институте и послужившие началом научной деятельности ряда ведущих сотрудников.

Один из них, А. С. Предводителев (впоследствии член-корреспондент АН СССР), произвел в институте виртуозные опыты посредством собственноручно построенного микродинамометра, чувствительного к силам «отдачи» при испускании молекул с поверхности легко испаряющихся твердых тел. Его опыты надежно подтвердили формулы кинетической теории вещества, которые до той поры вызывали неуверенность у некоторых физиков; отсюда началась плодотворная деятельность Александра Саввича — теоретика и экспериментатора, возглавившего одну из важнейших кафедр физического факультета Московского университета. Молекулярная физика увлекла и П. А. Ребиндера (впоследствии академика), занявшегося исследованиями поглощения веществ на поверхности твердых тел и осаждения частиц, взвешенных в жидкостях; из этих работ выросли впоследствии целые отрасли технологии. В исследованиях Петра Александровича переплетаются кинетическая теория вещества и термодинамика. Особая отрасль термодинамики — термодинамика растворов стала полем деятельности В. К. Семенченко, также начатой в институте; им созданы важные направления в этой области науки, развивающиеся ныне под его руководством в Московском университете.

В институте по инициативе промышленности были начаты исследования по реологии (науке о силах трения).

Эти исследования впоследствии перекинули мост от физики, развивавшейся на 3-й Миусской, к станкостроительной промышленности (в работах профессоров А. С. Ахматова, Д. М. Толстого) и к экспедиционным исследованиям физических свойств горных пород (в работах профессора М. П. Воларовича). Тончайшие исследования в области молекулярной физики проводит воспитанный в семье П. П. Лазарева ныне член-корреспондент Академии наук СССР Б. В. Дерягин, создавший коллектив молодых физико-химиков в Академии наук.

Верный сын Родины академик Лазарев, вырастивший поколения исследователей в своем институте, продолжал трудиться и в эвакуации, во время Отечественной войны, до последних дней своей жизни.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

Сын Волги

РАДУГА В ФЕВРАЛЕ

Москва. Сугробы. Синий вьюжный вечер. Мы спешим в театр, почти летим. Скрипят полозья саней, морозный ветер сыплет в лицо колючую снежную пыль. Манеж, а дальше приземистые двухэтажные домики Охотного ряда. Красивый большой дом Колонного зала, и вот, наконец, театр. МХАТ 2-й. Суета у входа. Румяные лица, белые клубы пара, звонкий говор.

Уютное теплое фойе. Шуршащий полумрак партера. Последние вздохи оркестра. Чей-то глухой кашель. Тишина. И вдруг музыка и взрыв ликующих красок. Празднично, озорно ворвалась в зрительный зал народная комедия «Блоха» по Лескову.

Яркий, звенящий поток смеющегося цвета. «Шутейный» Петербург с придурковатым царем, напевавшим себе под нос «Боже меня храни». Лубочная Тула с церквушками, самоварами и подсолнухами. «Мужественный старик» Платов, орущий: «Молча-а-ть! Ура-а-а-а!!!» И, наконец, сам Левша с неразлучной гармоникой-ливенкой. Аглицкая Меря, «аглицкая нимфозория»,— блоха, все это было невероятно свежо, нежданно и незабываемо.

Это был Театр! Это было чародейство, под стать колдовству вахтанговской «Турандот». И если сейчас, спустя много лет, мы вновь любуемся «Турандот», то почему одному из столичных театров не показать снова «Блоху»?

...Итак, перед нами предстал во всей первозданной красе русский лубок — радужный, острый, простой. Он был бесконечно далек от стилизации «под народность». Это была сама лесковская Русь — горькая, песенная и талантливая. В те дни спектакль был откровением, открытием.

Постановщик спектакля режиссер Алексей Дикий говорил, что он мыслил себе «Блоху» как представление-лубок, почему-то высокомерно заброшенное в наше время. Поэтому пришлось забраковать эскизы декораций, выполненные художником Крымовым, написанные слишком «натурально». На художественном совете «был целый переполох, и меня предупредили, что в случае неудачи второго художника все издержки будут отнесены на мой счет. Я согласился, хотя у меня не было никаких денег. Зато к тому времени я уже точно себе представлял, какой художник нужен для оформления задуманного нами спектакля...»

И вот в дирекцию театра привезли наконец большой ящик с эскизами. Собрались все, так как было известно, что коллектив «Блохи» в цейтноте и от художника теперь зависит, «быть или не быть» спектаклю, а переделывать времени нет.

«Затрещала крышка, открыли ящик — и все ахнули. Это было так ярко, так точно, что моя роль в качестве режиссера, принимавшего эскизы, свелась к нулю — мне нечего было исправлять или отвергать... Художник повел за собою весь спектакль, взял как бы первую партию в оркестре, послушно и чутко зазвучавшем в унисон...

А. В. Луначарский, бывший большим другом «Блохи», искренне нас поздравлявший, сказал мне во время премьеры, состоявшейся 11 февраля 1925 года, загадочную фразу: «Вот спектакль, который кладет на обе лопатки весь конструктивизм».

«Блоха» возвращала в театр зрелищность, яркость. Она восстанавливала в правах театрального художника. В ней не было обычных для того времени конструкций, ни экспрессионистических нагромождений, ни обнаженной машинерии. В «Блохе» заявляла о себе та несомненная, бьющая через край народность, которая присутствует в лубке, шуточной песне, в лихой частушке, в пословицах, рожденных здравым смыслом нации...

...Но кто же автор этих сказочно прекрасных декораций, воссоздавших лесковскую Русь?

Борис Михайлович Кустодиев. Смертельно больной художник. Это он прислал из Ленинграда эскизы, поразившие всех.

Саркома спинного мозга, паралич ног приковали живописца к постели. Но, невзирая на муки, он создает в эти последние годы своей жизни шедевры сияющей жизненной силы: «Портрет Шаляпина», «Русская Венера» и декорации, иллюстрации к книгам, эстампы.

Накануне 7 ноября 1926 года Кустодиев пишет маленькое письмо-статью, обращенное к зрителю премьеры в Большом Драматическом театре.

«Многоуважаемый и дорогой товарищ зритель!

Легкое нездоровье удерживает меня дома и не позволяет вместе с тобой быть на сегодняшнем спектакле, когда тебе будет показана «История Левши, русского удивительного оружейника, и как он хотел перехитрить англичан».

Эту пьесу я ставил уже в Москве для МХАТ 2-го, где она идет второй сезон. Здесь «Блоха» сделана мной по другому плану, в других костюмах и гримах...

От тебя, дорогой зритель, требуется только смотреть на все это, посмеяться над приключениями Левши, полюбить его — и унести с собой веселое и светлое настроение празднично проведенного вечера. Мы делали все, чтобы оно у тебя было, и надеемся, что работа наша не пропадет даром.

С товарищеским приветом Б. Кустодиев».

Читая эти строки, написанные за полгода до смерти, ощущаешь творческий подвиг, свершаемый художником каждодневно, каждочасно. Подвиг во имя света и счастья, вопреки недугу и житейским невзгодам...

НОВЬ

В 1916 году Кустодиев ложится на вторую серьезную операцию. Потом — долгие месяцы без движения и полный паралич ног.

Коварная, жестокая болезнь медленно опутывает своими щупальцами художника, но не может сломить его могучую натуру, его душу. Жестоко страждущий, переживающий порою невероятные боли, навсегда неподвижный, Кустодиев поборол эту зловещую лавину невзгод, поборол, обладая редкостным духовным здоровьем.

Духовная чистота, честность, любовь к труду спасли художника от распада, который был бы неминуем для другого, менее сильного духом человека. Не распад, а синтез воли, синтез ощущения мира и материализация в живописи своей мечты о жизни яркой и праздничной, невзирая на все невзгоды,— вот что мы видим и ощущаем в творениях мастера последнего десятилетия его жизни.

Лишенный всякой надежды на исцеление, пригвожденный к специальному креслу, Кустодиев с горечью говорит: «Мой мир теперь только моя комната». Но его темперамент, его воля, вся его сущность сопротивлялись этому плену. Мечта, фантазия художника разрывала оковы недуга.

Февраль 1917 года. Снежным вихрем, пламенем кумачовых знамен ворвалась революция в тихую обитель живописца. И он, видя мир только лишь в окно своей мастерской, встретил новь с ликованием. Вот что пишет он в письме к другу:

«...Поздравляю с великой радостью... Как будто все во сне... или лучше — в старинной «феерии», все провалилось куда-то, старое, вчерашнее, на что боялись смотреть, оказалось не только не страшным, а просто испарилось «яко дым»!!! Ведь это дело показало, что много силы в нашем народе и на многое он способен... Никогда так не сетовал на свою болезнь, которая не позволяет мне выйти на улицу — ведь такой улицы надо столетиями дожидаться».

И вот скромное окно мастерской становится как бы гигантским окуляром, через который художник жадно вглядывается в новый мир.

«27 февраля 1917 года». Так называется картина, написанная из окна комнаты живописца.

Празднично, мажорно поют краски полотна. Зимнее солнце, сверкающий снег, синие тени заставляют ярче гореть алые стяги, флажки, повязки на рукавах людей. Этот холст — великолепный документ, свидетельство, взволнованный репортаж.

«Большевик» — картина, украшающая сегодня экспозицию Третьяковской галереи. Одно из самых первых и, пожалуй, самых лучших полотен, рисующих нового хозяина Руси — народ, свершивший Великий Октябрь.

Композиция по состоянию пейзажа как бы продолжает «Февраль 17-го года». Зима, снег, солнце, синие тени. Но насколько изменилось качество движения в картине: вместо стихийного порыва «Февраля» — чеканный шаг миллионной толпы, забившей до отказа улицы города. Во главе народа, выше домов и звездных глав церквей,— рабочий, несущий гигантский пунцовый стяг, обнимающий весь мир, заполняющий небо. Фигура гиганта как бы вырастает из гущи народа, шаг его огромен, марш непобедим...

Трудно поверить, если глядеть на репродукцию картины, что это холст всего полутораметровой ширины: настолько монументален, грандиозен и симфоничен ритм произведения.

Сегодня трудно переоценить подвиг Кустодиева, создавшего этот холст в тяжелом девятнадцатом году, в кольце блокады, в нужде и хо-

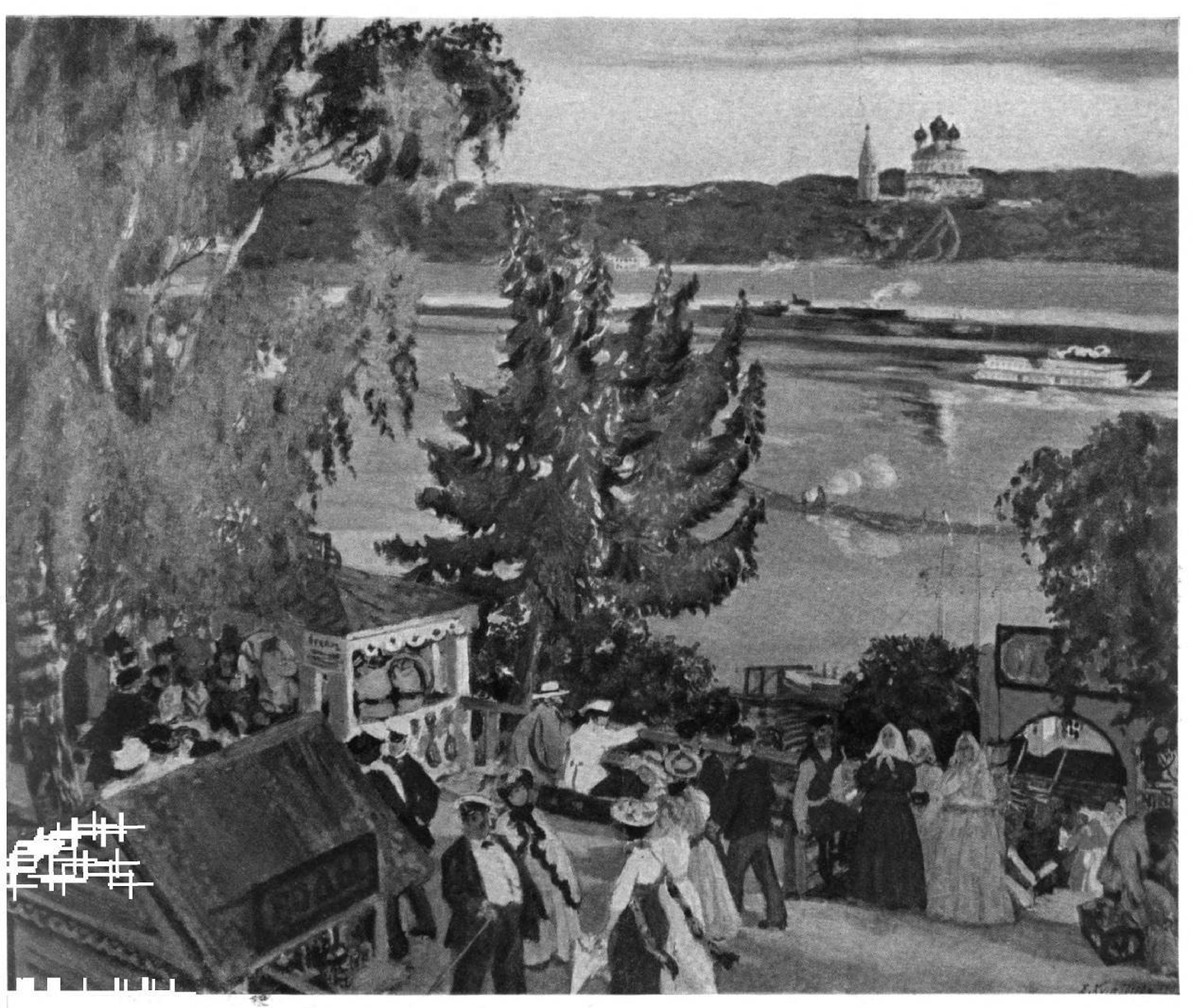
Б. Кустодиев. 1878—1927. УТРО. 1904.

Государственный Русский музей.

Б. Кустодиев. КУПЧИХА ЗА ЧАЕМ. 1918.

Государственный Русский музей.

Б. Кустодиев. ГУЛЯНИЕ НА ВОЛГЕ. 1909.

Государственный Русский музей.

лоде. Даже забыв на минуту о его недуге, поражаешься стойкости живописца, создавшего картину вопреки вою врагов о «падении таланта», о «творческом вырождении певца провинции».

ШИРОКАЯ МАСЛЕНИЦА

Кустодиев и Шаляпин. Дети Волги. Это тема, ждущая своего исследователя...

Известно, что художник боготворил певца. И Шаляпин называл Кустодиева «бессмертным». Вот слова, сказанные певцом в его книге «Маска и душа» о художнике: «Всем известна его удивительно яркая Россия, звенящая бубенцами и масляной. Его балаганы, его купцы Сусловы, его купчихи Пискулины, его сдобные красавицы, его ухари и молодцы — вообще все его типические русские фигуры... сообщают зрителю необыкновенное чувство радости. Только неимоверная любовь к России могла одарить художника такой веселой меткостью рисунка и такой аппетитной сочностью краски».

Шаляпин — волжанин. В юности судьба привела его однажды с семьей в Астрахань, на родину Кустодиева. Но не эти внешние признаки роднят великих русских творцов. Их сближает удивительная одаренность, мощь таланта и в то же время поражающая тонкость понимания русского уклада жизни во всех его проявлениях. Шаляпин отлично чувствовал глубину проникновенности кустодиевского таланта и широту его обобщенных образов.

«Много я знал в жизни интересных, талантливых и хороших людей,— вспоминает Шаляпин.— Но если я когда-либо видел в человеке действительно высокий дух, так это в Кустодиеве... Нельзя без волнения думать о величии нравственной силы, которая жила в этом человеке и которую иначе нельзя назвать, как героической и доблестной. Когда возник вопрос о том, кто может создать декорации и костюмы для «Вражьей силы»... решили просить об этом Кустодиева... Я отправился к нему с этой просьбой... Он предложил мне сесть и руками передвинул колеса своего кресла поближе к моему стулу. Жалко было смотреть на обездоленность человечью, а вот ему, как будто, она была незаметна: лет сорока, русый, бледный, он поразил меня своей бодростью... Я изложил ему мою просьбу.

— С удовольствием, с удовольствием,— отвечал Кустодиев.— Я рад, что могу быть Вам полезным в такой чудной пьесе. С удовольствием сделаю Вам эскизы, займусь костюмами. А пока что, ну-ка, вот попозируйте мне в этой шубе...»

Так родился один из лучших портретов в русской классической галерее. Думается, что и в мировой классике едва ли найдется много равных портретов, давших образ великих актеров. Пластические качества картины превосходны. Элегантный силуэт громадной фигуры певца предельно обобщен. За его широкой спиной в жемчужном уборе роскошная русская красавица — зима. По-брейгелевски населен пейзаж. Можно часами любоваться бегом лихих саней, кипением ярких цветов праздничного гулянья, причудливыми узорами инея. Глядя на портрет, как бы слышишь музыку широкой масленицы и голос самого поющего Шаляпина. Но главное, что во всей этой декоративной шири и красочном накале не потонул, не стерся Человек, Артист... В этом непостижимое умение Кустодиева решать труднейшую задачу в живописи, образ человека в пленэре. Ведь всей пестроте и мозаичности пейзажа противопоставлено монументальное и спокойное решение героя композиции со всеми присущими ему атрибутами...

Шаляпин чрезвычайно высоко ценил портрет, не расставаясь с ним до самой смерти.

Поразителен не конечный результат этих сеансов. Кустодиев зарекомендовал себя задолго до этого как блестящий портретист. Он рассказывал, что плохо верит в то, что сам написал этот портрет. А ведь в этом, казалось, несколько странном заявлении заложена весьма суровая правда.

Представьте себе обстановку сеансов. Шаляпин был настолько огромен, что мастерская была для него мала. И художник не мог охватить его фигуру целиком. Огромный холст наклоняли так, чтобы больной художник, сидя в кресле, мог его писать. Но ведь писать его приходилось как плафон, причем по частям, не видя целого. Это была работа наугад и ощупью. Мало того, он ни разу не видел портрета целиком в достаточном отдалении и поэтому даже не представляет себе, насколько картина удалась.

Поистине уму непостижимо! Но факт есть факт. Однако вернемся к постановке «Вражья сила», которая, по существу, явилась виновницей появления этого шедевра.

Кустодиев необычайно быстро написал эскизы, затем выразил желание бывать на репетициях. Шаляпин старался изо всех сил доставать грузовик, к которому он с друзьями каждый раз выносил на руках художника вместе с креслом. И вот наконец премьера. Автор декораций сидел в директорской ложе и радовался. Публике спектакль нравился.

«Я работаю для массы»,— как-то гордо заявил Кустодиев.

ВСТРЕЧА НА ВВЕДЕНСКОЙ...

Весною 1923 года в Ленинград приезжает Михаил Васильевич Нестеров. Пятнадцатого марта перед самым отъездом происходит его свидание с Кустодиевым.

Нестеров приехал к больному художнику вместе с его биографом Всеволодом Воиновым, который оставил нам в своем дневнике драгоценную запись поистине знаменательной и глубоко волнующей встречи.

Борис Михайлович был ввезен на кресле в мастерскую своей супругой Юлией Евстафьевной. Лицо розовое и оживленное. Художники дружески приветствовали друг друга. Нестеров выразил сожаление, что у него очень мало времени для беседы...

Разговор зашел о старине. Вспомнили добрым словом передвижников, их дружбу, сплоченность.

Быстро, незаметно текли минуты за беседой. «Счел своим долгом посетить больного и прекрасного, настоящего русского художника»,— говорит Нестеров, прощаясь.

Кустодиев просит Михаила Васильевича позировать для портрета.

— Очень жалею, но сегодня уже еду, мне берут билет... Не знаю, когда снова удастся приехать к вам, но если только приеду, непременно попозирую...

Кустодиев дарит Михаилу Васильевичу книгу со своими рисунками и вдруг произносит: «А знаете, я ведь вас считаю моим учителем».

Нестеров отшучивается:

— Ну какой я учитель, ничей я учитель.

— Нет, нет, вы один из моих учителей,— быстро и взволнованно произносит Кустодиев.— Вы и Рябушкин... Когда я был в Академии, то забирался в городок еще до открытия дверей выставки и ждал. Вы мой учитель по духу...

Перед самым расставанием обычно сдержанный и, пожалуй, немного суховатый Нестеров произнес с необычайной сердечностью:

— Борис Михайлович! Позвольте на прощанье крепко, крепко пожать вам руку и пожелать прежде всего, конечно, здоровья и сил для дальнейшей работы. Вы большой, нужный художник... и с русской душой... но позвольте мне, старику, откровенно высказать свое мнение... Вы большой исторический живописец, у вас широкий охват русской жизни, и это обязывает вас перед будущим. Помните эту вашу миссию и высоко несите свое знамя... Мне бы хотелось у вас видеть большую, глубокую любовь к человеку. Ведь у всех нас есть грехи и недостатки, но есть и достоинства.... В этот приезд особенно в Русском музее я увидел глубокую перемену, совсем иначе подошел к вам и почувствовал эту теплоту и любовь к людям...

Они попрощались. Но Нестеров еще раз вернулся в мастерскую и произнес: — До свидания еще раз и да хранит вас Господь...

ЧУДО

— Меня называют натуралистом,— говорил Кустодиев,— какая глупость. Ведь все мои картины — сплошная иллюзия. Что такое картина вообще? Это чудо! Это не более как холст и комбинация наложенных на него красок! В сущности, ничего нет! И почему-то это отделяется от художника, живет своей особой жизнью, волнует всех...

Чудо. Как иначе можно назвать любое большое творение живописца?! Разве не чудо, что сотни лет нас чаруют давно ушедшие в небытие модели Тициана, Рубенса, Мане, Ренуара. Более того, ведь до сегодняшнего дня мы говорим, увидев цветущую красавицу блондинку с пышными формами,— «рубенсовский тип» женщины. Это так же вошло в обиход, как термин «левитановская осень» и многие-многие другие.

С таким же правом мы можем безошибочно угадать и назвать «кустодиевский» тип женской красоты. Пусть иных коробит слово «купчиха», и они, как бы стесняясь за автора картины, начинают искать в образе прекрасной женщины элементы авторской иронии или даже осуждения. Да простят дерзкую мысль, но нам кажется, есть люди, которые готовы искать и в образах мадонн тоже приметы, совсем несвойственные замыслам создавших их авторов.

Нам думается, что для большинства художников, пишущих женские модели, является непременной некая духовная влюбленность в избранную ими модель.

Вспомним Машеньку — «Девушку, освещенную солнцем» Валентина Серова — или прочтем восхищенные, полные восторга слова Ренуара о своих моделях. Очевидно, таков закон большого искусства, создающего образы большой наполненности и большого обобщения.

Супруга Кустодиева Юлия Евстафьевна вспоминает: когда он писал женские портреты или этюды, это была настоящая влюбленность, он весь «горел» в это время, но огонь был подлинный «огонь искусства», картина была написана, и эта «влюбленность» проходила. Вначале это были жестокие уколы в мое сердце, с которыми трудно было совладать, но затем это чувство прошло, когда я поняла глубокую основу этой увлеченности Бориса Михайловича, чувства настоящего художника.

...Всем известна великолепная картина Кустодиева «Красавица». Однажды друзья, бывшие в гостях у художника, спросили, а не гиперболизирована ли ее полнота, на что живописец ответил, что она сделана «точно по натуре».

В этом небольшом эпизоде заложен глубокий смысл. Кустодиев выбирал себе модели из «глуби народной» и в полнотелых образах русских красавиц воспевал немеркнущую силу народа, его здоровье. Надо вспомнить те далекие времена, когда в моде были рафинированные, утонченные, модернистические изыски...

«Купчиха за чаем». Эта картина Кустодиева программна. В ней художник с большой силой создает обобщенный образ милой его сердцу русской красавицы. Вальяжная, белотелая, румяная, с соболиными бровями, с прямым носом, свежими губами, явно позируя, сидит купчиха в своем домашнем «раю». Художник задался целью соподчинить на одном полотне самые сочные, самые яркие колеры, сплавив их в драгоценную поверхность, напоминающую русские лаки.

В этом холсте видны все живописные «пристрастия» Кустодиева, и в связи с этим хочется вспомнить его высказывания о колорите, записанные Воиновым: «Настоящий колорист сразу знает, какой тон вызывает другой. Одно красочное пятно поддерживается другим... Венецианцы Тициан и Тинторетто великие «музыканты» колорита. Пятно неба, дали и зелень, золото, шелк... Все это как симфонии Бетховена «удивительно разыграно» (флейты и скрипки), а затем сильный тон — красное пятно (трубы, тромбон). Колорит — это оркестр красок».

В картине «Купчиха за чаем» есть и зелень, и шелк, и золото, и вечернее небо с розовыми облаками, и красное пятно арбуза, и многие-многие, казалось бы, недружные цвета. Но в этом и великое мастерство живописца, что он заставил звучать оркестр с небывалой до него силой. И недаром Нестеров, увидя холст, так высоко оценил его. Он от души приветствовал в этой работе утверждение человеческой красоты, красоты природы...

Ия МЕСХИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Слово «гид» означает проводник. Можно понимать прямо — человек, ведущий по местности, этакий вожак с посохом в руке. Можно в переносном смысле — проводник убеждений, идей. Но водить по местности тоже не станешь бесцельно. Должна быть какая-то цель. Значит, гид — фигура целенаправленная.

В Москве, в «Интуристе», гиды встречают и сопровождают иностранцев по нашей стране. Но они должны также владеть и иностранными языками. Это гиды-переводчики. Их здесь около шестисот.

Иду в Управление по иностранному туризму при Совете Министров СССР, к секретарю парткома Вячеславу Сергеевичу Цветкову. Приветливый, спокойный человек. В недавнем прошлом сам работал в отделе гидов-переводчиков. Знает людей. И, чувствуется, любит их.

— Год от года,— говорит он,— растет число иностранных туристов, приезжающих в СССР. И, пожалуй, первым встречает их гид-переводчик. К нему прежде всего обращаются они за разъяснениями. В нем ищут доверия к своей пытливости. Гид-переводчик как бы стоит перед разноплеменным, разноязыким туристским потоком и возводит мосты к сердцам людей. Это профессия, требующая таланта, специальных знаний, навыков, качеств характера. Мы делаем шаги к организации основательной профессиональной подготовки гидов-переводчиков. Но, пока этого не было, все рождалось в «огне боев»...

Иду в отделы и сразу же погружаюсь в атмосферу, чем-то напоминающую нашу, журналистскую. В общем-то племя энтузиастов, острословы. Всегда в состоянии мобилизационной готовности.

В каждом отделе, в каждой группе свой колорит. «Англичане» и «американцы» хладнокровны и невозмутимы. Дверь в комнату с надписью «Итальяно» лучше не открывать: разговор на повышенных тонах. Из «скандинавской» комнаты время от времени доносятся песни — шведские, норвежские, датские. Это чтоб в праздники приветствовать по радио песней своих туристов.

Что же нужно, чтоб быть гидом-переводчиком? Знать язык, страну? Вообще много знать о жизни и людях? Не лениться разговаривать с людьми? Иметь качества педагога, немного оратора, немного актера, потому что все время на виду? Обладать административными и организаторскими способностями? Быть находчивым в спорах и в сложных путевых ситуациях? Все это, конечно, очень нужно. А что же главное? Все-таки самое главное для нашего гида-переводчика — быть горячим, деятельным патриотом своей страны.

Итак, знакомьтесь: гиды-переводчики.

Маргарита Семенова вернулась из Голландии.

Гид — значит проводник

«Фрау Славна».

ПАСПОРТ

Валентина Кузьминична стоит в кругу туристов на площади Маяковского и вспоминает «Стихи о советском паспорте». Ей вторит кто-то из окружающих, потому что стихи эти давно переведены и знакомы в ГДР. А вспомнились они здесь, у памятника поэту, когда надо было ответить на огорченный возглас: «Не признают, мол, на Западе нас, Германскую Демократическую Республику».

— Ничего, признают. Это неизбежно, как сама история.

А что, если б прошел сейчас мимо кто-нибудь из работавших в тридцатых годах на Первом ГПЗ, узнал бы он в этой элегантной, уже немолодой женщине известную на заводе шлифовальщицу Валю? Ту самую Валю, дочь Кузьмы Кореневкина, который строил этот завод, потом был начальником цеха, потом одним из директоров. Ту самую Валю Кореневкину, которая была стрелком Осоавиахима, ворошиловским всадником, строила Московский метрополитен, совершала восхождение на Эльбрус, училась заочно в техникуме иностранных языков... Много прошло лет с тех пор, а все же узнать человека можно. На каком языке ни говори, в какие платья ни рядись, все равно на всю жизнь остается след той, предвоенной, горячей комсомольской юности... А потом Валентина Кореневкина рассталась с заводом, поступила в институт иностранных языков, а затем уехала в Берлин переводчицей торгпредства.

...Берлин 1940—1941 годов. Бомбежки. Продкарточки. Эрзац-продукты. Концлагеря. В репродукторах — фашистские гимны, голос бесноватого Адольфа. Непонятный, отталкивающий и тревожный мир. Валентина много ездит по Германии. В субботу приезжает домой, в Берлин. В ту ночь около четырех утра раздался резкий стук прикладом автомата в дверь: «Отопри! Москва объявила нам войну!..» «А не наоборот ли?» — кричит спросонья Валя. «Закрой свою пасть и отопри дверь!» Теперь ясно — это фашист. Валентина молчит. За дверью, выругавшись, отходят. Ненадолго. В то же утро ее арестовали и затем под вооруженной охраной, вместе с другими советскими работниками путь на Родину. Только в Болгарии после многих недель голодовки — первый обед. А в Стамбуле — наконец-то! — «краснокожая паспортина»... Какое это острое чувство радости, когда «пурпурная книжица» возвращается в твои руки, даже если ее отобрали на несколько минут.

Нет, не лучшие воспоминания связаны у Валентины Кузьминичны с этой страной. А люди, которые стоят сейчас с ней на площади Маяковского, оттуда. Но кто они? Узницы Равенсбрука и с ними дочь Эрнста Тельмана — Ирма. Ветераны СЕПГ. Вот арестованный еще в дни поджога рейхстага Вильгельм Цоколь, член СЕПГ с 1910 года. Вот еще старый немецкий коммунист из Рослау — Рудольф Вёль. Уехав из Москвы, этот 70-летний человек напишет «дорогой товарищ Валентине» о том, как почувствовал в ее работе «большую любовь, преданность и верность Советскому государству и социалистическому строю»...

Но чаще Валентину Кузьминичну окружают не старые коммунисты, не бывшие узники, а самые обыкновенные жители ГДР — молодые и немолодые рабочие и интеллигенты. У них разные туристские интересы к нашей стране и тысячи «почему», на которые надо терпеливо и ясно ответить. И желание найти могилы своих близких, которые вольно или невольно сюда шли с мечом и от меча погибли. Желание естественное.

Она понимает. Кому, как не ей, видевшей Германию сорокового года, знать суровую судьбу этого народа и помогать ему от всей души? Но в одном она не может себе отказать, когда показывает свою столицу, Москву,— не может не напомнить слова поэта: «...Читайте, завидуйте — я гражданин Советского Союза!..»

ДРУЗЬЯ ИЗ СТРАНЫ ТЮЛЬПАНОВ

У нее в Голландии есть маленький друг, школьник Эдди, который живет в деревне, выращивает гладиолусы, учится играть на флейте и работает со списками Ханни Схафт. Работает со списками казненной фашистами патриотки Ханни — это значит, собирает гульдены на нужды организации бывших участников Сопротивления, за что однажды угодил в полицейский участок по милости сельского старшины («Вот подлый парень! Можете не спрашивать, чью сторону он держал во время войны!»). И есть у нее в Голландии старый-престарый друг, амстердамский рабочий, восьмидесятилетний Хорстман, который, выйдя на пенсию, уже четыре раза приезжал в Советский Союз. А письма ей пишет по такому адресу: Москва, главному руководителю, толкователю голландского... И, представьте,— доходят!

В Голландии у нее много друзей: музыканты, журналисты, члены общества «Нидерланды — СССР»,— крестьяне с острова Тексел, помогавшие участникам восстания военнопленных грузин.

Однажды ее пригласили в Амстердам на торжественный вечер, организованный обществом «Нидерланды — СССР», вывели на сцену, устроили овацию, назвали послом Советской страны. Настоящий посол, ныне покойный Иван Иванович Тугаринов, сидел тут же и радовался ее успеху. В самом деле, что может быть лучше, когда скромного советского работника наделяют таким высоким званием? И каждый в этом представительном собрании друзей старается лично пожать руку, вручить цветы, а если нет цветов, то хотя бы яблоко, случайно оказавшееся в кармане пиджака.

«Может быть, она родилась у нас? Нет. Может быть, выбрала Голландию своей второй родиной? И это нет. Как бы ни было там, а мы будем молиться, чтобы она чаще приезжала к нам, в Амстердам, потому что и здесь можно от нее многому поучиться».

Эти строчки из длинного поэтического посвящения с торжественным юмором были зачитаны ей в Ленинграде при прощании с туристами после их поездки по Советской стране.

Был такой случай, когда ее «похитили» из амстердамской гостиницы и привезли в студенческую мансарду. Здесь ее ждали профессор и 39 студентов-медиков, которых она

— Вот это и есть знаменитый Московский университет,— рассказывает американским студентам Людмила Сдобнова.

Валентина Кузьминична Кореневкина с туристами из ГДР.

месяц знакомила с Советской страной. Тут ей показали отснятые в СССР диафильмы. Угостили национальным голландским блюдом — кипящими колбасками с капустой — и подарили книгу, написанную профессором и студентами о пребывании в СССР.

...В Москве, в ресторане останкинской гостиницы, москвичи видели, как ее чествуют голландские туристы: поют, обращаясь к ней, какую-то свою песенку.

Конечно, вся эта приязнь не только к ней — к ее стране. И она такая потому, что за ее спиной — ее страна. Именно об этом, сама того не ведая, написала однажды гаагская газета «Бульвер»:

«Маргарита Семенова — приветливая женщина с типично славянскими чертами лица, с приятной улыбкой и бойкой речью, которая ей очень помогает в работе. Но тот, кто попадет к ней в руки в громадной России, вернется назад переполненный впечатлениями. Сила ее убеждений заставляет мечтать о прекрасных курортах Черного моря, о красочных народных празднествах на Украине, о вкусной кухне Кавказа и о бывших степях азиатской России, ставших теперь процветающими индустриальными районами».

Так-то, Маргарита Семенова... Жизнь шла по проторенной дорожке, так сказать, к сияющим вершинам науки: Ленинградский университет, аспирантура, кандидатский минимум, диссертация из области немецкой лексикологии и, между прочим, небольшое увлечение — голландский язык. Но вдруг она понадобилась (очень понадобилась!) своими, тогда еще не очень твердыми знаниями голландского, понадобилась, чтобы помочь налаживанию дружеских связей с этой страной. Поработала немного — да это же, оказывается, интересно! Правда, хлопотно, трудно, иногда чревато острыми ситуациями. Но полно глубокого патриотического смысла.

Кажется, ничего особенного не делает гид-переводчик, теперь уже главный гид-переводчик «Интуриста»: носится, как летучий голландец под алыми парусами, в вечном калейдоскопе людском и только одного хочет — чтоб голландцы узнали, оценили, полюбили ее Родину. И это ей хорошо удается.

КЛАУС И «ФРАУ СЛАВКА»

Клаус приехал в Москву под Новый год. Это была небольшая группа туристов из Австрии. Доктор с супругой, банковский служащий, учитель, юрист... Их не интересовали ни электростанции, ни проблемы здравоохранения в СССР, ни жизненный уровень советских людей. Они приехали по программе «Русская зима» — смотреть, развлекаться, знакомиться с северной экзотикой. Правда, несколько выпадал из общего настроя юрист, то и дело задававший гиду, «фрау Славке», свои юридические вопросы. Собственно, вопросы эти, точнее, ответы на них, показались Клаусу любопытными. Москвичка объяснялась на языке Вены со всеми специфическими венскими словечками так свободно и парировала колкости юриста столь легко, что Клаус стал получать от этого удовольствие.

Клаус был самым младшим в группе. Он учился в католическом колледже и, как многие серьезные молодые люди, желал постигать мир самостоятельно. Может быть, поэтому он и избрал туристскую поездку в страну, о которой слышал много противоречивого?

Несколько дней они ездили по Москве, осмотрели Кремль, Оружейную палату, Музей народного искусства, катались на тройках. Были в театре, зале Чайковского на концерте ансамбля Игоря Моисеева. Клаус мало спрашивал, больше слушал и, когда остальные отдыхали, бродил по улицам, останавливался около людей, не понимая их речи, заглядывал в лица. А люди? Люди готовились к встрече Нового года...

Вечером, перед новогодним банкетом, его вдруг неудержимо потянуло поговорить с «фрау Славкой». Он отыскал ее в ресторане гостиницы с помощью метрдотеля. «В чем дело, господин Клаус?» Извиняясь, он попросил объяснить ему, что значит, по ее мнению, скачок в развитии общества. «Скачок? То есть вы хотите, чтоб я вам сказала, что такое революция?» «О! Не так прямо!..» — взмолился Клаус. «Ну, хорошо...»

Сначала они стояли в узком коридоре, мимо торопливо пробегали официанты. Потом присели где-то в углу, на сваленной в кучу негодной мебели. Из угла доносились слова: эволюция, диалектика, переход количества в качество, индустрия, пятилетки. Москвичка деловито обращала католика в свою веру. Он чувствовал, что, несмотря на всю умственность слов, вера эта не книжная, не заученная. Хотя и не знал, что сидящая перед ним женщина совсем еще юной ушла добровольно на фронт защищать эту свою веру, была ранена, всю войну служила в армии, имеет два боевых ордена.

Когда они посмотрели на часы, было без десяти минут двенадцать. Чуть было не опоздали к столу!

А потом старший гид-переводчик Станислава Борисовна Высоцкая получила от Клауса письмо:

«Прошло три недели с тех пор, как я вернулся на родину. Все, что я пережил, кажется мне сном... Вы мне показали, что можно поддерживать тесные и глубокие контакты с людьми, которые имеют другое мировоззрение. До поездки в Москву я имел совершенно иные представления об этом городе и людях. Мои первые впечатления уже полностью разрушили мои прежние представления. Более того, я стою перед развалинами моих собственных убеждений и должен попытаться из этих развалин что-то построить...»

КОСОЙ ПРОБОР

До чего же они сдержанны и непроницаемы, эти мальчишки из английских школ! Все стройные, поджарые, педантично одетые, у всех прически на косой пробор. А на лицах ни добра, ни зла, ни столь модного скепсиса — ничего.

Не то, чтобы Людмила Сдобнова ждала от них каких-то особых проявлений чувств. Она и сама человек в высшей степени выдержанный. Молодая, стройная, хрупкая и так же тщательно причесанная, волосок к волоску, она выглядела сестрой в их кругу. Но говорить с людьми, показывать им что-то совершенно для них новое и не видеть никаких реакций — ни улыбок, ни блеска в глазах, ни тени — от этого, согласитесь, может стать не по себе.

Потому, собственно, и пошла Людмила в гиды-переводчики еще на последнем курсе института, что чувствовала призвание к работе с живым языком, с живыми людьми. И когда ей впервые поручили самостоятельно большую группу преподавателей университетов США и она, еще робкая, возила их целый месяц по стране, решение окончательно окрепло. Нравилось, что можно научиться в совершенстве владеть языком, что можно научиться владеть собой, что вообще надо непрерывно учиться. Тяготея, кроме того, к искусству, она поступила на факультет эстетики Университета марксизма-ленинизма. Словом, спустя несколько лет Людмила стала свободно и уверенно встречать любых туристов из Англии и Америки. Казалось бы, с 15—16-летними должно быть еще легче?

...Они уже осмотрели Москву, Ленинград, Киев, гуляли по ялтинской набережной со своим чопорным преподавателем, вечером шествовали в театр. И тем не менее никакого видимого интереса ни к чему. Гиду так живется спокойнее, если, конечно, ему это все равно. А ей было неспокойно. Она подумала: «Может быть, повезти их сверх программы в Артек?» Преподаватель изъявил согласие. Людмила добыла автобус, и они покатили в Страну Детей...

Артековцы сами повели юных джентльменов по лагерю, все показали и рассказали. Веселый, бойкий народец донимал их расспросами: «А как у вас? А как вы?» И мальчишек словно подменили, словно вынули из целлофановых мешочков.

После Артека, улучив момент, они окружили Людмилу и заговорили. Они говорили о том, что им нравится и не нравится у себя, что они поняли у нас и как им трудно было все это время сохранять заранее заданную мину. При этом, разумеется, и глаза сверкали и случались в речи крепкие словечки. Лед растаял уже перед самым отъездом из СССР. Обидно, что так поздно. Но зато в голову пришла хорошая мысль!

...Теперь, если вы увидите на улицах Москвы группки английских школьников в сопровождении советских ребят, знайте, что это наши маленькие гиды — помощники «Интуриста». Их 180, девочек и мальчиков, учеников 8—9-х классов специализированных английских школ. Они проходят организованный Людмилой Сдобновой семинар в Доме дружбы. У них даже настоящие удостоверения есть! Днем с юными гостями по-прежнему работают взрослые гиды, а вечером их «разбирают» сверстники, водят в свои школы, в театры, на стадионы.

Теперь английские школьники приезжают в Советский Союз целыми теплоходами. Они по-прежнему педантично одеты, у них волосы зачесаны на косой пробор. Но все, что под пробором, живет, воспринимает и реагирует с прямотой и неподкупностью юных лет. А больше нашим гидам — взрослым и маленьким — ничего и не надо.

Рисунки В. БОГАТКИНА.

ЦУНАМИ

1

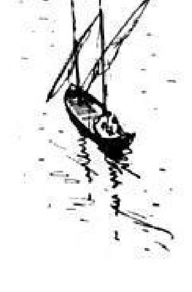
Готова самодельная пирога —
Дитя их дум, их первозданный дом.
Они, покинув континент, вдвоем
Отчалили от людного порога.

За двадцать ей. За тридцать лет ему.
Однако суть не в том. Для равновесья
Два паруса взметнулись в поднебесье,
Порыву подчиняясь одному.

Лесистый берег пристально и строго
Глядел вослед из-под густых бровей.
Но черточкою сделалась пирога,
И сам он тоже стал не виден ей.

Волну одолевая за волною,
Спешила лодка к вольности самой.
Какой простор открылся! Все былое,
Как пена, остается за кормой.

2

Их путь не просто странствие морское,
Когда считаешь мили, ночи, дни,
А испытанье.
Мерою иною
Любовь отныне мерили они.

Их испытанье — быть повсюду вместе
И, позабыв о времени своем,
Пройти дорогу трудную вдвоем,
Покинув землю, не роняя чести.

По прихоти сердец решив узнать,
Какой бывает прихоть океана,
Избороздить не только эту гладь,
Но и простор опасностей нежданных.

Пришла пора мятежная не зря!
Проснулось беспокойное желанье
Самим пройти все это расстоянье —
От клинописных тайн до букваря.

3

Покой...
Оборвалась былая нить.
Зря некий циник, у причала стоя,
Все уверял, что следует с собою
Им гейгеровский счетчик захватить.

Он говорил: «Ваш риск меня тревожит.
Попытка не нова, хоть и смела.
Вам не уйти... Земля вернуть вас может
На тот же берег. Ведь она кругла.

Хотите быть свободными, как рыбы
Средь океанских волн, вне душных стен?
Но счастья не достигнете вы, ибо
Достигнутое счастье — тот же плен.

Ведь так? И это не противоречит
Той истине, что непокой давно
Никто уж одиночеством не лечит,
Что непокоем лечится оно.

4

А время, словно спутник молчаливый,
Сопровождает вас. Вы не одни.
Пусть на земле оставили часы вы,
Но разве вас покинули они?

Ведется счет и лету и весне
По солнечным часам, по тем старинным,
Дням осени туманной — по морщинам,
Холодным зимним дням — по седине.

Часы!
Из их неумолимых рук
Никто минуты лишней не получит.
Под их контролем — давний опыт учит —
Не только встречи, но и дни разлук.

Суровых стрелок ход незрим и тих.
Часы всегда в бессонном карауле.
Подумайте, кого вы обманули
Тем, что с собой не захватили их?

5

Оставьте эту блажь. Сверните флаги.
Как можно жить хозяйке без двора,
Невысказанным мыслям — без бумаги,
Бумаге — без чернил и без пера?

Нам трудно забывать свои привычки.
Рожденным в наши дни спасенья нет
От кинофильмов, книжек и газет,
Как хворосту от искры иль от спички.

На дне пироги ложе из травы
Вам отучиться мыслить не поможет.
Когда соленым станет ваше ложе,
О чем тогда подумаете вы?

Мир под угрозой. Словно тяжкий крест,
Он всюду счетчик Гейгера вздымает...»
Слова забыты. Океан встречает
Двух странников.
Какой покой окрест!

6

Они и даль. Мерцают волны снова,
Блестит стеклом расплавленным вода.
И кажется, что ничего иного
Здесь нет и быть не может никогда.

Кто знает, на каком меридиане,
Заполнив горизонта пустоту,
Вдруг встретился в открытом океане
Им одинокий странник на плоту.

Кто был он — предок их или наследник?
За полглотка колодезной воды
Он рацию сулил — свой шанс последний
Позвать на помощь в случае беды...

Приемник тот, что радиочасами
Служил, отсчитывая каждый миг,
Что мог от зорких служб береговых
Принять известье: близится цунами.

7

Пусть пьет бедняга пресную водицу.
Они взамен не взяли ничего
Из тех вещей, с которыми проститься
Решили в час отплытья своего.

Они и вечность. Океан и небо.
Здесь каждый должен быть самим собой.
И жажда — жаждой. И вода — водой.
А звать на помощь попросту нелепо.

Желал им счастья в их исканье светлом
Плота владелец. А они ему
Желали, как собрату своему,
Удачи полной в рейсе кругосветном.

И вот на грани неба и воды
Исчез тот странник, волны рассекая.
И сердце сжалось.
О судьба морская,
Избавь его в дороге от беды!

8

Под парусов укрытьем неизменным
Они плывут. И льется синева
С небес в их лодку, где давно трава,
Как на лугу, пахучим стала сеном.
Он для нее матрос и капитан.
Всю жизнь вот так качаться на волне бы!
В ее глазах он видит краски неба,
В его зрачках ей виден океан.

Их сивер обдавал дыханьем вьюжным,
Их колыхал экватор, как своих,
Одно даря им солнце на двоих
На небосклоне северном иль южном.

Земля — обетованная планета.
Здесь хорошо бродяжить морякам,
Из дней зимы вплывая прямо в лето,
Из стужи в зной, теряя счет годам.

9

Так и они. Плывущим в той пироге
Как, по какой примете отгадать:
Прошло полгода, год, а может, пять
Промчалось лет с начала их дороги?

Что им года грядущие, когда
Они свое покинули столетье
По доброй воле, все забыв на свете,
Рванувшись в первобытные года?

Полундра! Небо шторою густою
Шторм занавесил — недруг моряка.
Когда покой утратили века,
Как плыть им, руководствуясь мечтою?

На гребнях волн опять зима ревет,
Слепит пурга ладью и человека,
А паруса двенадцатого века
Порывом встречным век двадцатый рвет.

10

Спаслись, ушли от штормовых раскатов
Скитальцы, парусов не опустив.
Но вскинул век, что наречен двадцатым,
На горизонте грибовидный взрыв.

Смерть излучал освобожденный атом
На много миль вокруг. Зловещий гриб
Стал палачом, стал беспросветным адом
Для шхун рыбачьих, рыбаков и рыб.

Назад, моряк!
Не уходи от шторма,
Укройся под крылами бури той
От бури этой, что взмахнула черным
Смертельным флагом за твоей спиной.

Назад, моряк, покуда из личинок
Решимости не выполз темный страх,
Тот, что, ведя с рассудком поединок,
Свирепствует на суше и морях.

11

Догнали шторм. Привычной тучи тень
Их вновь укрыла грозовою буркой.
Они, держась за гриву пены бурной,
Два дня блуждали.
А на третий день
Угомонились волны, обессилев,
И, вдруг узрев пустынный островок,
К нему, как щепку, их ладью прибили
И выплеснули тихо на песок.

Ее на сушу вытащив, те двое,
Перевернув пирогу кверху дном,
Вновь расстелили ложе травяное,
Чтобы забыться беспробудным сном.

Ну вот и все. Мечтаньям и отваге
Нежданный шторм переступить помог
Без парусов, без мыслей, без бумаги
Забытой эры найденный порог.

12

Творится чудо с человеком сонным.
Она проснулась Пятницей. А он

Был моряком, очнулся Робинзоном.
Все в мире изменил короткий сон.

Жизнь, как часы, сначала завели,
Из прежней яви взяв для яви новой
Топор, чтобы наладить быт суровый,
Семян четыре горстки для земли.

Еще с собою прихватили память:
Уменье дом срубить — ведь рядом бор,
Огонь добыть и сколотить забор
Вокруг двора привычными руками.

Да, после бурных и тревожных дней
Пора им сеять хлеб, тесать стропила
И жить оседло. Так она решила.
А Робинзон? А он согласен с ней?

13

А Робинзон в лесу порой вечерней
Вел с незнакомкой странный диалог.
— Как ты посмела наш порог пещерный
Переступить?
— А он и мой порог.

— Ты зря пришла. К былым трудам не просто
Меня вернуть.
— Привыкнешь за столом.
— Бумаги нет.
— Отыщется береста.
— А чем заменишь карандаш?
— Углем...
Тебя ж недаром по свету носило.
В пути ты видел тысячи судов.
— Их превратили в тысячу гробов,
Их взрыв унес, их бездна поглотила.

— Возможно ли привольное житье
После такого зрелища?
— Не знаю.
— А чем ты занят?
— Память обновляю,
Чтоб в лук и стрелы превратить ее.

14

— Что может лук?.. Смешны твои мечты
В наш век, когда смертелен каждый промах,
А жизнь со смертью на ракетодромах
Взаимною охотой заняты.
Как смеешь ты в лесу благословенном
Забыть про взрыв, что все леса, насквозь
Просвечивая, держит под рентгеном
Твой лук и чащу, где гуляет лось?

— Зачем пришла?
— Тебя лишить покоя.
— А прогоню?
— Явлюсь к тебе во сне.
Кукушкой стану, тенью за спиною
Твоей. Как запретишь ты это мне?

Он шел из леса, нес в душе тревогу,
Нес память, превратившуюся в лук.
Ку-ку! Ку-ку!
Летел щемящий звук
Упрямым продолженьем диалога.

15

Ку-ку! Ку-ку!
Над синевою вод
Два паруса колышутся упруго.
Оставлен дом. Моряк свою подругу
В неведомое сызнова ведет.

Их островок опять необитаем.
А впереди — неведомый простор...
Молчал моряк. А ей желанным раем
Казался их осиротевший двор.

— Что гонит нас? — любимого устало
Она спросила.— Злобный наговор?
Угроза смерти?
— Ты не отгадала.
— Так кто ж тогда?
— Укор.
— Какой укор?

— А тот, что лег на сердце тяжким грузом
И здесь, как эхо человечьих мук,
Вещунью поселил...
— Кукушку?
— Музу.
Ку-ку! Ку-ку!
Летел щемящий звук.

16

— Пойми, покой найти я не сумею
На острове, у мыслей тех в плену.
Она домой зовет. Но перед нею
Я паруса тугие не сверну.

— К чему такие жертвы и страданья?
— Мы всем готовы жертвовать, любя.
— А если станут пленом для тебя
Любовь и наши общие мечтанья?
— Плен, говоришь? Но ведь зерно о плене
Не думает в объятиях земли
Иль в закромах?

Так спор они вели.
Она лежала на примятом сене.

А океан, как мельница, шумел,
Тревоги перемалывал, как жито.
Он отстранял от всех забот и дел,
От суетного быта.
Все забыто.

17

Да, все.
И только в памяти пустой
Ворочаются глыбы волн кипучих.
Сливайся вновь со стаей рыб летучих,
С нависшей тучей, с дождевой водой.
Тебя пространство это укачало
Извечное —
пирога без гребца,
И чудится, что не было начала
Твоих дорог, не будет и конца.

Перекусила стебель. Он, привянув,
Не лугом — водорослями пропах,
Оставив привкус на ее губах —
Соленое дыханье океанов.
Ее не тешит больше пребыванье
Бездумное на лоне волн седых.
Не есть ли это предзнаменованье
Печальных перемен? Времен лихих?

18

Шесть дней молчала.
На постылом сене
Предчувствиями мучилась она.
А на седьмой внезапно, как спасенье,
Земля возникла, вдалеке видна.
Земля, земля!
Она плыла, стальная,
Обрубком суши, малым островком,
Безлюдные просторы оглашая
Сигнальным торжествующим гудком.
Земля, земля!
Взбивал волну винтами
Мир новостей, и книжек, и газет.
Он посылал им с палубы привет,
Он пел, смеялся и махал руками.
Шумливый мир — видение живое —
Вдаль уносил веселую толпу,
На память оставляя за кормою,
Как за гумном, зеленую тропу.

19

Земля!
Глядела женщина с пироги,
Готовая тоску сменить на смех,
Нелегкий путь — на легкие дороги,
На палубы, открытые для всех.

Простерла руки, взглядом провожая
То судно уходящее. А вдруг
Свершится чудо: под ноги судьба им
Стремглав метнет спасательный свой круг?..

И с палубы, перехватив усталый,
Молящий возглас этих глаз немых,
Судьба не круг спасательный послала —
Транзисторный приемник на двоих.

На горизонте растворился скоро
Кипящий след большого корабля.
Гремел транзистор.
Яблоком раздора
Вновь между ними пролегла земля.

20

Все новости передает транзистор
Ему и ей. Не избавляет их
Тот мир, что скрылся за чертой волнистой,
От всех забот и горестей своих.

Когда дорога на уста сурово
Кладет молчанья мрачную печать,
Пустою болтовнею прерывать
Не стоит собеседника такого.

Плыви, безмолвье трудное храня,
Лови тревожные уведомленья.
Как спичкам тем от своего огня,
Так от самих себя им нет спасенья.

В пироге, где плывут она и он,—
Смятенье. Третий голос, всюду слышный,
Нарушил их неписаный закон,
Лишил покоя.
Скройся, третий лишний!

21

Спустилась ночь. Но сладостные звуки
По-прежнему лились. Был молчалив
Моряк. Глядел он в небо, подложив
Под голову натруженные руки.

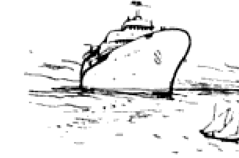
Не так давно он попытался с нею
Поговорить. Но отчужденья лед
Сковал ее. Теперь тоской своею
Он скован сам.

Настал ее черед
Его утешить. Как уйти от лиха?
Тревожно вглядываясь в полутьму,
Она транзистор выключила тихо
И в тот же миг швырнула за корму.

Ну вот. Ушла обида восвояси.
Одна и ночь и лодка на двоих.
Забыто все в объятиях согласья,
Заботливая ночь укрыла их.

22

Нет, к островку скалистому пригнали
Не волны их, извечной жизни ход
Сюда привел. Она ребенка ждет.
Пришлось проститься с океанской далью.

Пещерное среди прибрежных скал
Пристанище им дал песчаник бурый,
Рогатина и лук — медвежью шкуру,
А лес — дровишек, чтоб очаг пылал.
А зыбку память прочно смастерила...

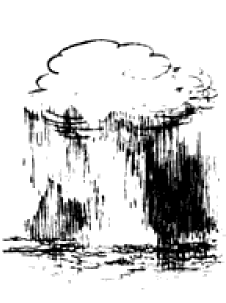
Но память не могла предугадать,
Что суждено той зыбке гробом стать,
Что первой нянькой будет ей могила,
А пологом ночным — тот черный сон,
Которому рыбачьих лодок мало...

— О, лучше б я сырой землею стала! —
Рыдала безутешно мать...
А он?

23

Перед могилой сына, под скалой,
Что высилась, надгробию подобна,
Застыл родитель, как на месте лобном.
А незнакомка за его спиной,

Как тень, стояла. Бесполезно слово
Здесь, где открылся вечности порог,
Где только что закончился суровый
Меж бытием и смертью диалог.

Скала глядела вдаль незрячим оком.
Молчала незнакомка, как скала.
Ушел моряк. За ним и тень пошла,
Поникшая, в безмолвии жестоком.

Потом к пироге берегом глухим
Родителей вела.
Но снова в море
Гнала их не она. Их гнало горе.
Она без слов вослед глядела им.

24

Ну что ж, пускай не состоялся новый
Их диалог. Отец и без него
Услышал в крике сына своего
Стон рыбаков, что шел со дна морского.

Спит бедный сын, прижав ладонь к щеке.
Родители его спаслись от взрыва,
Но атомный раскат неторопливо
Настиг ребенка. Тут. На островке.

Не говорил последних слов над ним
Его отец. Он знал, что вся планета

Заброшенное погребенье это
Должна почтить присутствием своим.

Еще он знал: непогребенным людям,
Погибшим в час, когда беда пришла,
Могилой братской этот остров будет,
А их надгробьем каменным — скала.

25

Ни к забытью, ни к самосохраненью
Дороги нет. Ведет со смертью бой
Живая жизнь. Изранен шар земной
Двух этих сил взаимоистребленьем.

И надо людям быть в кругу едином,
Чтоб разобщенность не посмела вновь
Отца лишить отцовских прав, а сына
Сыновних прав на хлеб, тепло, любовь.

Родитель! Мраку свода гробового
Не верь, не верь! Войдя к тебе в родство,
Весь мир земной своим прощальным словом
Оплакивает сына твоего.

Пусть не плитой чугунного литья,
Не скорбью похоронного напева
Оно звенит. Зерном людского гнева
Уходит в землю павшее дитя.

26

Земля не отрицанье океана.
Она его скалистая постель.
Следит моряк, чтобы не сесть нежданно
На каменистый риф или на мель.

От волн не пряча жаркое стремленье
Скорей причалить к суше, гонит он
Пирогу одинокую в район
Цунами, где гремит землетрясенье.

Цунами — гнев земли. С его толчками
Сверяется, как с картой капитан.
К материку стремил их океан.
На реактивном лайнере цунами.

Он бортовые выключил огни
И все моторы, долетев до цели,
И на берег швырнул, как из купели,
Двух странников.
Но живы ли они?

27

Река несла их лодку без штурвала,
Без весел и стучащего движка:
Цунами полновластная рука
Их в глубь материка передавала.

Бил океан за их спиной в набат.
И к берегам сбегались им навстречу
Кварталы городов и толпы хат —
Разноэтажное живое вече.

Над строем этих сомкнутых дружин
Парил на всех полотнищах багровых
Один пароль. Три черных буквы —
с ы н.
Страданьем отчеканенное слово.

Из уст в уста переходил сурово
Тот гневный клич — невидимая нить,
Связавшая сердца.
Пути иного
Нет. Не бывает. И не может быть!

Вместо эпилога

Земля душистой свежестью омыта.
В густой тени горячим летним днем
О н и сидят. А молодое жито
Шумит волной зеленой за гумном,
Как за кормою в океане длинный
Кипящий след.
И занят их сынок
Погоней за пушинкой тополиной.
Она живая, словно мотылек,
Трепещет, хоть лови ее за крылья.

А, может, это не они, а их
Далекие потомки, что в своих
Чертах обличье предков сохранили?
Кто б ни были они — жива их суть.
Связные человеческого счастья,
Одной судьбы две неразлучных части,
Они извечный продолжают путь.

Авторизованный перевод с белорусского Якова Хелемского.

А. ЖИЛЬЦОВ,
народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии

В первые же годы революции, когда Советское государство открыло народу двери в науку и искусство, молодежь хлынула в институты, рабфаки, студии... Именно в эти незабываемые бурные годы возникло большинство драматических студий, руководимых артистами Художественного театра: Первая, Вторая, Третья, Четвертая, Чеховская, Грибоедовская, Шаляпинская... Вдохновителями и кумирами их были Константин Сергеевич Станиславский и Евгений Багратионович Вахтангов.

Преподавали в студиях Л. М. Леонидов, В. В. Лужский, Н. О. Массалитинов, М. А. Чехов, Ал. Дикий, Б. Сушкевич и другие артисты. Они считали своей жизненной миссией распространение системы Станиславского.

В столичных городах существовали и другие небольшие, вновь и вновь возникавшие театры и студии. Их руководители, отрицая искусство переживания, стремились создать условный театр. Они утверждали школу представления на основе опыта итальянских и восточных театров, цирковых приемов, пантомимы, биомеханики...

Их сценические «опусы» оформлялись декоративными установками художников всевозможных левых течений: формалистов-кубистов, модернистов, символистов, имажинистов, футуристов; либо же декорациями, которые воскрешали стиль эстетов и декадентов дореволюционного периода, воспевавших безнадежность и обреченность еще в те времена, когда были модными Бальмонт, Анна Ахматова, Арцыбашев, Бодлер, Метерлинк.

С помощью высоких покровителей кубисты, «лучисты», «ослиные хвосты», «червонные валеты» и другая эстетствующая братия забивали выставки своими творениями, затуманивая головы неискушенной молодежи. Все мелкое, незначительное в искусстве, бессильное создать заметные, крупные произведения и конкурировать с прославленными художниками, ополчалось против реализма при поддержке редакторов модных журналов. Травле подвергались даже такие великие мастера, как Репин, Суриков, Коровин, Архипов, Серов, Сомов, Шишкин...

Почти той же дорогой шли «деятели» левых направлений и в искусстве театра первых лет революции. Режиссеры, увлекавшиеся футуризмом, кубизмом, символизмом, поощряли в своих постановках примитивный трагизм, медлительность речи и движений, красивые позы и скульптурные группы. Либо наоборот: на каждой фразе и через каждое слово прыжок, кульбит, неоправданные движения рук, головы... На сцене покатые площадки, кривые лестницы. Спекулятивно стали пользоваться терминами «несценично», «нетеатрально». Самое же могучее определение было «гротеск»! Без гротеска никуда!.. Невообразимая мебель, фальшивая бутафория — все вкось и вкривь. Чудовищные, изуродованные гримом лица; невероятные, бесформенные носы; вывороченные глаза, цветные парики, безобразнейшие костюмы... Все делалось для того, чтобы зритель ничему не верил. И чем хлестче, чем непонятнее был спектакль, чем меньше в нем было смысла, тем оригинальнее считалась постановка режиссера-новатора!

Левые течения на театральном фронте распространялись с невероятной быстротой. Они захватывали в свою орбиту молодые, неустойчивые актерские группы, художников различных студий и школ. Такие объединения быстро возникали, но, не имея силы сделать что-нибудь убедительное, лопались, как мыльные пузыри.

Когда эти увлечения стали проникать и в студию Художественного театра, тут они встретились с могучей преградой. У руководства стояли гениальный Станиславский, непревзойденный реалист театра Немирович-Данченко и замечательный режиссер, мудрый педагог и воспитатель Вахтангов.

Чтобы спасти молодые артистические индивидуальности, Константин Сергеевич именно в эти двадцатые годы стал читать лекции для всех артистов студии МХТ; проводил практические занятия.

Помню, охваченные добрым волнением, мы собрались на первую лекцию в зале студии, шумно беседуя о предстоящей встрече. Неожиданно открылся занавес. На сцене стоял Константин Сергеевич. Принимая наши приветствия, он смущенно улыбался, раскланивался, а потом, пройдясь немного по сцене, начал беседовать с нами о творениях великих драматургов, знаменитых актеров, художников и композиторов.

Мысли Станиславского целиком отвечали мыслям В. И. Ленина о том, что красоту нужно сохранять, взяв ее как образец и исходя из нее, даже если она воспринимается как «старое».

«Почему,— спрашивал Ленин,— нам нужно отворачиваться от истинно-прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно «старо»? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо покориться только потому, что «это ново»?»

И дальше Ленин говорил: «Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости».

Опираясь на ленинские положения, решительно преодолевая сопротивление вульгаризаторов и формалистов, партия воспитывала и формировала художественную интеллигенцию, помогала ей совершенствоваться, оттачивать мастерство.

После двух лет победных гастролей по городам Америки и Европы Художественный театр возвратился в 1924 году в Москву. На заманчивые приглашения работать в Америке и Европе Константин Сергеевич неизменно отвечал отказом. Он был верным сыном России! На-

ЛАВСКОМ

стоящее искусство театра возможно только в России, говорил он. В других странах есть великолепные артисты, но настоящего искусства театра нет. Мы — вышка.

В день открытия мхатовского сезона 1924/25 года состоялась встреча прославленных артистов с молодежью, вступающей на сцену из студии. Это был бурный год слияния творческих усилий наших «стариков» и молодых актеров. Он прошел очень быстро, этот год, и был для нас всех очень интересным и поучительным. Вожаки театра — Константин Сергеевич Станиславский и Владимир Иванович Немирович-Данченко—были в полном расцвете своего таланта. Их творчество излучало огромную нравственную силу.

Идеальная атмосфера царила в театре; ее определяло удивительное радушие и сердечность. Доброе, трогательное отношение «стариков» ко всем вновь пришедшим актерам помогало им легко входить в труппу прославленного театра.

Заканчивался сезон чудной гастрольной поездкой: Тифлис, Баку, Одесса, Ростов-на-Дону, Киев и Харьков... Поездку эту помню во всех подробностях.

Когда я на Курском вокзале вошел в вагон, то узнал, что меня, к моему удивлению, поместили в одном купе с Константином Сергеевичем. Ехать так четверо суток до Тифлиса было, что и говорить, почетно, но страшновато! Однако другого выхода не было.

К моему удовольствию, Константин Сергеевич встретил меня приветливо; он был со мной так внимателен, ласков и любезен, что все мои стеснения скоро кончились. Я слушал Станиславского, стараясь запомнить все, что говорил он о творчестве великих актеров.

Особое значение Станиславский придавал ежедневной работе актера над собой. Одна лишь правда переживания и самочувствия артиста на сцене никак не удовлетворяла великого режиссера.

— Правда сценического чувства — да, это само собой! — говорил он.— Это фундамент, без которого нельзя строить прекрасное здание. Но чтобы здание было прекрасным, нужен еще и прекрасный архитектор, который создал бы все части этого здания оригинальными, интересными и, соединив их воедино, завершил это здание в едином стиле, где все будет оправданно, все необходимо и все гармонично... Так и спектакль, так и роль в этом спектакле — как главная часть спектакля. Роль — ведь это тоже огромное здание, построенное ее творцом — актером из множества творческих элементов.

А чтобы роль была интересной, необходим интересный материал актера-человека: его данные. Выразительный человек — это и фигура, и лицо, и голос, и речь, и музыкальность, и обаяние, и заразительность, и темперамент, и чувство ритма, и умение быстро воспринимать, быстро реагировать, верить в то, что происходит на сцене. И, наконец, умение управлять всеми этими элементами. Умение добиться того, чтобы эти элементы были выразительными, яркими, могли преодолеть и рампу и пространство зрительного зала, где на большом расстоянии от сцены размещено более тысячи человек...

Конечно,— признавал Константин Сергеевич,— среди актеров бывают люди с исключительно ярко выраженными данными... Остальные же должны очень много работать! Должны развивать упражнениями свои сценические качества, чтобы всегда быть на высоте искусства...

Когда мы сидели в купе и вот так беседовали, вдруг открывается дверь и входят Н. Г. Александров и В. Ф. Грибунин. В руках Александрова поднос, на нем бокал вина. Грибунин держит закуски... Позади стоят Качалов, Лужский, Леонидов, Вишневский, Ершов, Добронравов... Что-то будет?!.

Александров, пояснив, что он сегодня именинник, попросил Константина Сергеевича выпить бокал. А потом пригласил его к себе: «Милости прошу к нашему шалашу!..»

И повели они Станиславского в свое купе. Все сели. Кому не хватило места, стояли в дверях. В окно било яркое солнце, на столике букеты цветов, за окном море... Налили по бокалу, потом по второму; начался задушевный актерский разговор. Ну, а потом заговорили о том, что всех волновало: вот, мол, мы как будто имеем успех и дома и за границей, а вы, Константин Сергеевич, все нами недовольны, все на нас сердитесь...

Тема была затронута смело и о самом важном, самом нужном—о творчестве. Константин Сергеевич слушал, улыбался, поправлял то пенсне, то волосы, тихо покашливал... А когда артисты замолкли, ответил им приблизительно так: «Отчего ж я недоволен? Нет, я доволен. Но все же вы сделали бы на сцене много больше и значительнее, если бы ежедневно работали над собой!.. Вот в поездке, в Америке, где мы жили бок о бок в гостиницах, я же не замечал этого! Больше того, когда я сам занимался голосом по утрам в своем номере, то рядом слышал иногда недовольный ропот и реплики протестующих соседей. А у вас не хватит терпения, и вы проиграетесь...»

Тут начались иные доводы, иные слова; а так как все были под хмельком, то спорили и отбивались актеры смело, даже дерзко. Константин Сергеевич послушал, послушал и ушел.

Придя к себе в купе, он молча опустился на диван.

Когда я в третьем часу ночи тихо вошел в купе, Станиславский все еще не спал... Но и в соседнем купе тоже не спали. После неожиданного ухода Константина Сергеевича там наступила неловкая пауза. Все были расстроены тем, что огорчили человека, которого обожали, кому беспредельно верили, кто почти тридцать лет вел их от победы к победе, завоевав театру мировую славу.

Ночью поезд, миновав Баку, медленно двигался между гор по долине Куры.

Константин Сергеевич поднялся очень рано и стоял в белоснежной сорочке и светлой куртке, с пакетом черешен у открытого окна, любуясь цветущей долиной.

Весь тот день он был особенно любезен, ласков и трогательно внимателен с нами; на лице его не оставалось никакого следа от вчерашней неудавшейся беседы.

В Тбилиси перед спектаклем была репетиция — одна из тех, что врезались в память на всю жизнь.

Перед началом все на месте. Тишина. Все в готовности. Все взволнованны и сосредоточенны, ибо по опыту прежних гастролей знают, что значит у Константина Сергеевича проверить готовность к спектаклю, «вспомнить», «освежить»...

Слегка тронув рукой пенсне, поправив прическу и легонько кашлянув, Станиславский садится за режиссерский столик: «Ну-с, начнем!»

Потом он справился о том, как желали бы работать исполнители: пройти ли всю пьесу подряд или остановиться вначале на отдельных трудных сценах?

— Давайте вспомним, ради чего мы ставили эту пьесу, что хотели сказать своим спектаклем. Удалось ли нам выполнить свою задачу, и если нет — почему?..

Провести такую репетицию для исполнителей было гораздо труднее, чем сыграть спектакль! Столик режиссера в трех-четырех шагах от играющего актера. Зоркий глаз видит все, скрыться, спрятаться не за что: ведь нет ни грима, ни костюма! Тут и ловкой «подачей текста» тоже не отделаешься — режиссер скажет неумолимо: «Не верю!», «Ложь!», «Штамп!..». И поставит перед ним новые задачи, все труднее и труднее! Не успел актер выполнить одну, а тут уж готовы другие!..

Волновались не только те, кто был на сцене. Не менее взволнованны и те, кто только еще готовился к выходу...

И чем больше Константин Сергеевич репетировал, тем сильнее всегда разгоралась его творческая фантазия. Он не замечал времени, не знал усталости. Жажда творчества у него была беспредельна! Он ненавидел самомнение, зазнайство, каботинство... И никогда не боялся признать свои ошибки! Он часто сам смеялся над своими неудачными экспериментами, принося актерам извинения...

Константин Сергеевич был непревзойденный режиссер, великий артист и мудрый педагог.

Мы все не только глубоко чтили своего режиссера, мы любили его и были привязаны к нему. Эту любовь мы постарались выразить и в Одессе, где во время гастролей праздновали именины Константина Сергеевича.

Днем, когда вся труппа собралась, чтобы поздравить именинника, Василий Иванович Качалов начал читать Станиславскому свое шутливое стихотворение. В нем, как я помню, были такие строки:

> «Придрались мы к именинам,
> Чтоб поздравить Константина.
> И ничего нужней и лучше трости,
> Простой, не из слоновой кости,
> Придумать не смогли.
> Внемли же нам, внемли,
> Внемли невольным рифмам «к трости»!
> Случайные ль мы в этом мире гости,
> Живем лишь для того, чтоб наши кости
> В сей час истлели на погосте,
> Иль есть нетленное и вечное у нас,
> И загорается в свой час.
> О, пусть часы такие будут чаще,
> Пусть не погаснет свет в дремучей чаще!
> Прими же трость, как символ, как эмблему!
> Виват наш Константин! Виват его система!»

Гром аплодисментов! Буря восторгов!.. Смеялись все, но больше всех хохотал, принимая трость, сам именинник.

* * *

...Константин Сергеевич верил в талантливость русских людей, любил их широту, размах, удаль. Но знал, что эти качества — ничто без труда. МХАТ и утверждал себя, будучи театром высокой романтики, одновременно как театр труда, борьбы и силы советского человека.

Хореографическая сюита «Поэзия чувств» А. Гайсина и А. Филиппов.

Философская новелла «По прочтении Данте» Э. Еркина и И. Якубов.

Фото Е. УМНОВА.

Молодой балет

«Молодой балет» — это официальное название нового танцевального ансамбля Москвы.

«Наш младший брат»,— именуют его с нежностью и чуть-чуть ревниво артисты Государственного академического ансамбля народного танца СССР. Потому что оба коллектива созданы одним человеком — Игорем Моисеевым. Первый — тридцать один год тому назад, второй — всего несколько месяцев.

«Молодой балет» — ансамбль классического танца. В него вошли выпускники хореографических училищ Российской Федерации, Средней Азии, Кавказа, Прибалтики.

— Нам нужны только солисты,— предупреждал Моисеев.— Талантливые, хорошо обученные, азартные в работе. Ансамблю предстоит поиск новых форм, новых тем, новых возможностей классического танца в жанре концертной миниатюры.

Творческие возможности двадцати шести девушек и юношей соответствовали этим высоким требованиям.

...Эксперимент — это всегда риск. Первая программа «Молодого балета» неровна. Часть номеров, быть может, и не останется надолго. Но сам коллектив жизнеспособен. Жизнеспособна его идея. Она увлекла различных балетмейстеров, маститых и молодых, принявших участие в создании спектакля. Надо надеяться, что их круг еще расширится, что деятельностью «Молодого балета» заинтересуются и советские композиторы и напишут музыку специально для его постановок. И станут оформлять номера многие художники.

Словом, «Молодой балет» сгруппирует вокруг себя значительные творческие имена, и их совместные усилия приведут к созданию нового, подлинно современного концертного репертуара.

Н. ШЕРЕМЕТЬЕВСКАЯ

В русле антиимпериалистической борьбы

Евгений ПРИМАКОВ

Мы сидим с руководителем курдского движения генералом Муллой Мустафой Барзани в капере — прямоугольном шалаше, крытом сухими ветками. Капер прилепился к склону горы. Отсюда полкилометра до летней ставки Барзани. Он пришел к нам на встречу в штаб-квартиру своих сыновей, Идриса и Масуда. Оба сына его молоды. Оба одеты одинаково. У каждого на поясе по одинаковому «Смит-и-Вессону». В капере два похожих письменных стола. На них по одинаковой медной пепельнице — рука, держащая на ладони земной шар. На зеленой стене шалаша портрет Барзани. На портрете генерал выглядит несколько моложе, хотя и сейчас ему никогда не дашь его шестидесяти шести лет.

С приходом Барзани сыновья сразу отступили на задний план. Казалось, что этот невысокий, грузный человек с лохматыми черными бровями, одетый в защитного цвета куртку и широкие такого же цвета «флотские» брюки, заполнил все пространство вокруг. Барзани сидит прямо, перетянутый шелковым курдским поясом. На нем ремень с кобурой парабеллума и кинжал в золотых ножнах. Рядом с кинжалом самодельный длинный мундштук из ветки. Генерал аккуратно вставляет в него «курдские сигареты» из самосада. Дает попробовать. Глаза Барзани — выразительные, умные, с хитрецой — сразу же устанавливают контакт с собеседником.

Мы беседуем о положении на севере Ирака. О борьбе курдов за свои права широко известно. Пришедшее к власти 17 июля 1968 года в Ираке новое руководство во главе с президентом Бакром отлично понимало значение курдского вопроса. Во всяком случае, в первых же заявлениях было подчеркнуто стремление этого руководства привести дело к миру с курдами на основе условий соглашения, подписанного в июне 1966 года, но не выполненного Арефом.

— Ну, а как курды?— задаю вопрос генералу Барзани.

— Лишь наши враги говорят, что мы хотим выйти из Ирака,— отвечает он.— Ничего подобного. Однако мы хотим жить как люди. Сейчас мы не ставим вопроса даже об автономии внутри Ирака. Но мы хотим иметь все национальные права: право обучения детей на родном языке, право получения доходов от нефти, которая добывается на землях, с незапамятных времен населенных курдами, право на развитие. Наконец, право быть представленными как в центральных, так и в местных организациях.

Мы никогда не возобновим военных действий первыми,— продолжает Барзани.— Мы устали от войны. Мы хотим мира. Но мы не слабы. Пятнадцать тысяч «пешмарга» (человек, готовый принести себя в жертву,— так называются курдские партизаны.— Авт.) вооружены легкой артиллерией. Они сведены в бригады. Они стоят на охране интересов нашего народа.

Очевидно, далеко не все стали оптимистами в отношении возможности быстрого решения курдской проблемы. Хотя сделано немало: новое правительство Ирака объявило амнистию всем политическим заключенным, обвиненным в связи с войной на Севере. Но этим не ограничивается сумма действий, необходимых для полной нормализации обстановки.

Опасения вызывает и тенденция крайнего курдского национализма. Она не доминирует в движении — это совершенно ясно. Но она существует, из этого не делал секрета и Барзани.

— Если этап перемирия будет затянут до бесконечности и не наступит этап прочного мира,— сказал он,— у нас могут поднять голову экстремисты.

Многие руководители не только в Багдаде, но и в курдском движении опасаются и империалистической «игры» на курдском вопросе. «Мы не хотим стать и не станем разменной монетой в этой игре»,— сказал Барзани.

— Какова общая ориентация курдского движения в Ираке?— задает он вопрос и сам на него отвечает:— Борьба вместе с арабами против империализма и реакции. Наше движение,— добавляет он,— входит в общее русло антиимпериалистической борьбы национально-освободительных сил.

Иракский Курдистан — Москва.

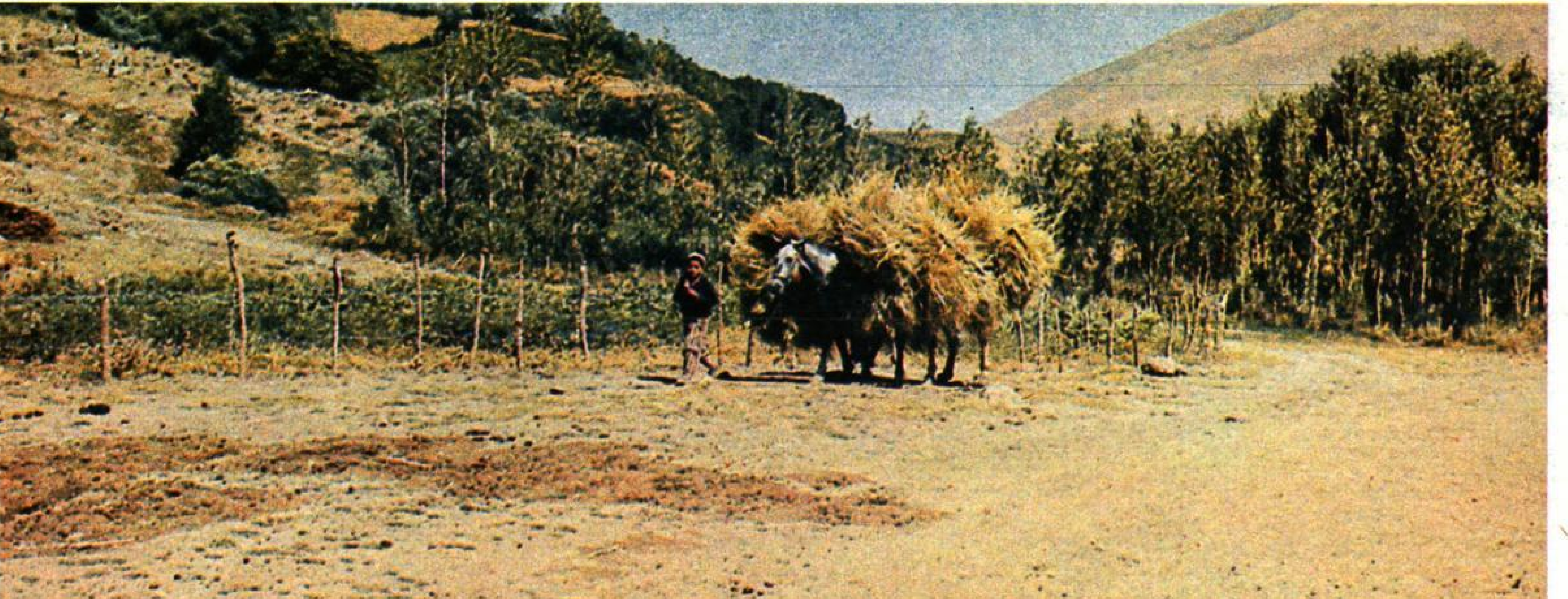
●

Руководитель курдского национального движения в Ираке генерал Барзани (в центре). Справа и слева от Барзани его сыновья Идрис и Масуд.

Сказочно красиво ущелье Гали Али-бек, по которому проходит единственная шоссейная дорога, соединяющая Багдад, Киркук и Эрбиль с районом, контролируемым Барзани. По таким воздушным мостикам дорога перебегает с одного высокого берега ледяной горной речушки на другой.

Фото автора.

I
II
III
IV
V
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
1
2
3
4
5
6
7
8
9
20

Репортаж «Путешествие в мир идеального чая», опубликованный в 20-м номере журнала «Огонек», вызвал отклики читателей. Среди полученных редакцией писем есть и такие, которые побудили нас продолжить это путешествие. Но теперь уже не в мир идеального чая, а туда, где по воле равнодушных, безынициативных людей стал он, выражаясь словами одного из наших московских читателей, «пасынком общепита». Автор этого письма справедливо недоумевает: «Почему в Москве да и в других больших городах имеются десятки кафе и почти нет русских чайных?» Настоящих чайных!

К. БАРЫКИН

ПРОДОЛЖАЯ ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР ЧАЯ, ПРИГЛАШАЕМ ПРИСОЕДИНИТЬСЯ К НАМ ЧИТАТЕЛЕЙ

ПАСЫНОК ОБЩЕПИТА

Путешествие за стаканом чая мы начали с Мытищ. Помните картину «Чаепитие в Мытищах»? Конечно, Мытищи не Мекка чаехлебов. Но, как говорится, был бы повод. Итак, Мытищи — немалый подмосковный город. Заходим в столовую, просим стакан чая. Смотрят с удивлением, будто мы с луны свалились. Но клиент оказался настойчивым, и нам подают коричневатую жидкость, которую лишь условно можно назвать чаем.

Зашли еще в несколько подмосковных кафе, столовых — чая или вовсе не оказалось, или был он таков, что пропадало желание пить сей напиток.

Вернулись в столицу, на улицу Горького. Первый визит в «Марс» — довольно популярное, бойкое кафе. На первом этаже — кондитерская. Тут, что называется, на ходу можно выпить чашку кофе с пирожным, с булочкой, с бутербродом. Спрашиваем: «А стакан чая?» Удивленный взгляд из-за прилавка: «Чая не бывает. Идите наверх». Идем. Садимся за столик и просим официантку принести чай. С пирожными.

— Пирожное — пожалуйста. А чай я вам не советую заказывать,— доверительно наставляет симпатичная официантка.— Выпейте кофе.

— Почему? Мы хотим чай.

Молча пожимает плечами. Объясняет: «Невкусный...» Мы настаиваем на своем. Сидим, с трудом сдерживая улыбки; наша милейшая официантка говорит кому-то на кухне: «Там какие-то чудаки пришли чай пить...» Вскоре она приносит столь неопределенного цвета питье, что мы сразу поняли ее опасения, оценили и ее предупреждение. Чай был невкусным. «А вы сами дома пьете чай?» «Конечно. Люблю чай. Только я его завариваю по-настоящему...»

Обратились к директору кафе.

— А зачем вам чай? Его теперь никто не пьет...

— Такой, что принесли нам, трудно кого-либо заставить пить, но от хорошего, видимо, редко кто откажется.

— А чем наш плох?.. Высокосортный... Свежая заварка...

— Вы в этом уверены?

Директор обижается, привычно умело переходит в атаку. Но она тут же захлебнулась. С нами главный титестер московской чаеразвесочной фабрики Николай Васильевич Фомичев; он на вкус безошибочно определяет не только сорт чая и район его произрастания, но и когда, как заварен чай, по норме ли. Все в принесенном чае не соответствовало кондициям: и заварка вчерашняя, и перекипяченная, и сорт низкий. Все не так, как следует. С Фомичевым директору спорить невозможно.

...По улице Горького поднимаемся до Пушкинской площади. Кафе «Лира». Мы не случайно заглянули сюда. Когда Москва проводила «дни чая», здесь состоялись торжественно обставленные дегустации, было сказано много хороших слов о том, сколь приятен и полезен этот древний напиток.

...Неброский плакат извещал, что это «чайный стол». Приятно! Но официантка уже убирала с него стаканы и довольно скудный ассортимент пирожных и булочек. Оказывается, в пять вечера — задолго до закрытия кафе — чаепитие за самоваром прекращается. Что за нелепая практика!

Сели за соседний столик. Снова заказали чай с пирожными, и снова Николай Васильевич, проведя дегустацию, поморщился: «Нет, это не то...» И снова разговор с директором, который тут же пригласил и официанток и шеф-повара. Наш спутник, начальник Главчая Министерства пищевой промышленности СССР Н. И. Роннишвили, интересуется: «Как вы завариваете чай? Пользуетесь ли тем, что выпускается в пакетиках?» «Да, только их и применяем,— говорит директор.— Очень удобно!»

Пищевая промышленность наладила производство пакетиков с чаем для разовой заварки. «Почему же у вас подают такой невкусный чай?» Молчание. Роннишвили просит принести ему один такой пакетик и два стакана кипятку. И, не мудрствуя особо, на наших глазах готовит из них два стакана чая. Директор прихлебывает: «Вкусно!» Титестер тоже пробует, улыбается. «Отлично!» Почему у Роннишвили получается отлично, а на кухне «Лиры» плохо, догадаться нетрудно.

Директор М. М. Смолянницкий тут же произносит спич о достоинствах чая, о традициях московских чаелюбов, распекает подчиненных, дает указания, вручает нам фирменные значки кафе, заверяет, что все будет прекраснейшим образом организовано, вплоть до торговли холодным чаем с лимоном. И приглашает: «Заходите недели через две, сами убедитесь».

В те же дни мы побывали в восемнадцати (18!) московских и подмосковных столовых, кафе, ресторанах в разных районах. И почти нигде не угостили нас хорошим чаем. Пишем «почти», так как были приятные исключения: в булочной на Большой Грузинской и в кафе «Русский чай» на улице Кирова. Здесь предложили действительно ароматный чай.

Мы высказали некоторым из директоров кафе, столовых свои соображения о торговле чаем. С нами соглашались и так же, как в «Лире», приглашали заглянуть недели через две: «Все будет в порядке». Терпеливо прождав около двух месяцев, повторили свой вояж. Увы, та же картина. В «Лиру» по нашей просьбе снова заглянул Н. В. Фомичев. Официант, узнав, что он просит лишь стакан чая, перепасовал его менее опытному коллеге. Тот принес такой же невкусный чай, какой Фомичев дегустировал тут прежде. А ведь директор «Лиры» сулил нам чуть ли не чайные реки в чайных же берегах, но так и не сделал ничего для того, чтобы подавали чай элементарно грамотно заваренный, охотно подавали, а не с оговорками и пренебрежением. Заместитель директора ресторана «Сатурн», что на улице Кирова, ресторана, являющегося хозяином «Русского чая», В. С. Воробьев заверял, что в ассортименте кафе в летние и осенние дни всегда будет и холодный чай с лимоном. Нога за дверь — проблеме конец, решил он, видимо, после того, как разговор этот закончился. Нет тут и не было холодного чая.

В чем дело? Не умеют или не хотят? Среди полученных журналом писем есть одно от И. Д. Ткаченко из Ленинграда: «Мы, люди старшего поколения, не представляем себе дня без чая. Мы его любим и пьем по нескольку раз в день. Но вся беда в том, что у НАС не знают, не умеют приготавливать и пить этот полезный напиток».

Полагаем, что в понятие «у нас» автор включил и рестораны, и кафе, и столовые. И еще добавим: может, и умеют, но не хотят возиться: стоит ли этих хлопот трехкопеечный стакан чая! А он ведь, как и любой благородный напиток, капризен, мстит за невнимание к нему. Вот и потчуют нас в кафе и ресторанах чаем «вообще». Официант и не спросит: «Какого вам чая? Покрепче? Черный или зеленый? Грузинский или индийский?» Не спросит даже в первоклассном ресторане. А уж о стандартной «общепитовской» точке и говорить не приходится.

Что же касается спроса, то не грех побеседовать с официантками «Русского чая»: каждая из них за смену подает 200—250 стаканов чая. Есть тут, оказывается, постоянные клиенты, ценители, любители чая определенного сорта, настоя, крепости. Иные приходят сюда издалека. Тут знают их и обслуживают с особым почтением: чаелюбы! Но такое кафе (да и оно отнюдь не может служить эталоном) — единственное в Москве.

Есть приказ, изданный в мае нынешнего года и подписанный двумя министрами: пищевой промышленности — В. Зотовым и торговли — А. Струевым. И есть в этом приказе такие строки: «Обеспечить значительное увеличение реализации чая в предприятиях общественного питания; установить строгий контроль за выполнением рекомендаций, содержащихся в письме «Об улучшении приготовления чая». Не дошел этот приказ до «торговых точек»? Все может быть...

В кафе «Русский чай».

Фото К. Каспиева.

Понимают ли пользу этого напитка сами торговцы? Видимо, да. Во всяком случае, в столовой Министерства торговли РСФСР можно выпить стакан душистого чая, а в одном из министерских буфетов вы увидите на паровой «бане» маленькие пузатые чайнички с черными и зеленым чаями. Подходи, плати 3 копейки и пей на здоровье. И подходят и пьют. Но это только в Министерстве торговли, в том самом здании, где известна удивительная цифра: ОБЩЕСТВЕННОЕ ПИТАНИЕ СТРАНЫ ПОТРЕБЛЯЕТ ЛИШЬ ПЯТЬ ПРОЦЕНТОВ ЧАЯ, ВЫРАБАТЫВАЕМОГО НАШЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ. Всего пять процентов! Значительная доля идет в магазины, а остальной оседает на складах мертвым, точнее, быстро исчезающим капиталом, ибо чай очень скоро портится — он гигроскопичен и не выдерживает длительного хранения. В 1967 году скопились десятки тонн обработанного, высушенного, словом, готового к употреблению чая. А торгуют в Москве чаем очень неграмотно...

Говорят, было время, когда в Малом театре чай подавался в антрактах. С плюшками. А в каком театре сейчас можно выпить чай? Пиво, ситро — извольте. А чая — ну кто же сейчас пьет его!..

Да, он действительно стал пасынком. И это в стране, издавна славившейся отличными чайными — и в центре России, и в Средней Азии, и на Кавказе. Обратите внимание: упомянутая нами «торговая точка» на улице Кирова называется КАФЕ «Русский чай». А почему кафе, когда речь идет о чае? Почему кто-то стыдится вывески, на которой было бы написано: «Чайная»? Ведь сотни людей приходят сюда и почаевничать! Но даже в «Русском чае» главное внимание все же не ему, а горячительным напиткам, тем, что «план делают». Соответственно и ассортимент всяких закусок и горячих блюд подбирается. Тут в пору сказать вот что. Так ли уж необходимо, чтобы в каждой чайной — надеемся, что их начнут создавать,— были водка и коньяк? Нельзя ли обойтись без оных? Вовсе не из ханжеских соображений это говорится; но там, где торгуют коньяком или водкой, не может быть хорошего чая: внимания на него не останется. Пусть в чайной будут расстегаи, пусть тут угостят блинами, отменными пирогами, баранками, попотчуют медом, пусть еще что-то придумают под стать чайной, но коньяк тут при чем? А план пусть строится, исходя не из продажи водки и коньяка, а чая плюс всего того, что под стать ему. Или это невозможно? Давайте подумаем сообща. Надеемся, что нам напишут не только любители чая, но и те, кто считает его «напитком несовременным», как сказал нам один из торговых работников. Читателям «Огонька» было бы интересно узнать точку зрения по этим вопросам Министерств торговли СССР и РСФСР, Центросоюза, Главного управления общественного питания Мосгорисполкома. Пусть выскажутся и Министерство пищевой промышленности и Министерство сельского хозяйства страны; в ведении одного находятся чайные плантации, в ведении другого — чайные заводы, поставляющие продукцию, которая иногда вызывает серьезные и справедливые нарекания.

...Иные любители «делать план» за счет крепких напитков говорят: «Чай старомоден. Весь мир пьет кофе с коньяком». Говорится мир, подразумевается Запад. Давайте «заглянем» на Запад. Вот две цифры: в Англии за год каждый житель в среднем потребляет 4,2 килограмма чая. У нас — 320 граммов. Нужны ли комментарии?

Чай — напиток для всех, напиток бодрости и здоровья. Но только в том разе, если он хорошо приготовлен, подан с любовью. Если он не будет «пасынком общепита», а займет одну (а может, и больше) из самых почетных строк в меню любого кафе, ресторана, столовой, трактира (кстати, почему дом на тракте так не называть?), всякой чайной, которых еще очень мало и которых должно быть больше. Много должно быть...

Этот паренек горд тем, что так вот запросто «принят» в мужском обществе.

Бедно живет курдская деревня. Землянки с укатанной крышей — здесь самый распространенный вид крестьянского жилища. С утра до захода солнца все — мужчины, женщины, дети — на полевых работах. Все, кроме тех, кто находится в отрядах «пешмарга» (так называют себя курдские партизаны).

КОГДА ПЕЛЕНА ЗАСТИЛАЕТ СВЕТ

«Требовательность критики и требовательность к критике» — так называется статья К. Щербакова, помещенная в «Комсомольской правде» № 247 этого года. Одобрив намерение журнала «Огонек» «активно вмешиваться в процессы, происходящие в нашем искусстве, в нашей критике», К. Щербаков тут же берет под сомнение, стремится скомпрометировать выполнение этого намерения, утверждая, что в публикуемых редакцией статьях «содержатся..., к сожалению, далеко не только справедливые оценки». В качестве примера он приводит статьи Е. Микулиной «Становление или разрушение личности» (№ 34) и Ю. Зубкова «Камень на пути ближнего» (№ 28), обвиняя авторов в «теоретической неразберихе».

Что же не нравится К. Щербакову в этих выступлениях журнала? Если разобраться в сути статьи «Требовательность критики и требовательность к критике», то легко обнаружится, что как раз требовательность критики, ее непримиримость к искаженному изображению современной советской действительности и современного советского человека в некоторых фильмах, пьесах и спектаклях последнего времени и вызывают столь острое раздражение и недовольство К. Щербакова. Да он и сам проговаривается, что «разговор выходит за рамки обычной полемики».

Характерен уже самый выбор произведений, с оценкой которых, данной на страницах «Огонька», не согласен К. Щербаков. Это фильм «Три дня Виктора Чернышова» и спектакль Московского драматического театра имени К. С. Станиславского «Хочу быть честным» В. Войновича. В центре этих произведений стоят люди, находящиеся в разладе, в конфликте с современной советской действительностью, люди, недовольные жизнью, духовно ущербные, и Е. Микулина и Ю. Зубков справедливо возражают против попытки авторов и режиссеров фильма и спектакля выдать их за подлинных героев современности.

Искусство не фотография, оно тем и отличается от последней, что возводит единичный, частный факт в степень художественного обобщения. Типические характеры существуют и проявляют себя в типических обстоятельствах. Художник, стремящийся запечатлеть и передать правду жизни, не может не ставить перед собой задачи непременного создания типических обстоятельств. Если же он смотрит на нее, как это и произошло с В. Войновичем, через замочную скважину и при этом стремится увиденное возвести в степень типического обобщения, правды о нашей современной жизни, его неизбежно постигает поражение — и идейное и творческое. И напрасно К. Щербаков игнорирует вопрос о типических обстоятельствах, ориентируя художников на рассмотрение духовного мира человека вне среды, вне обстоятельств, в которых он живет. По-русски это называется: наводить тень на ясный день. Ссылки критика на Грацианского из романа Л. Леонова «Русский лес» и Денисова из романа Д. Гранина «Иду на грозу» несостоятельны: эти персонажи как раз и действуют в обстоятельствах типических, а не искусственно сконструированных авторами. В пьесе же В. Войновича, которую К. Щербаков берет под защиту, симпатии автора и театра отданы прорабу Самохину, который осуществляет желание «быть честным» ценою инфаркта — таковы оказываются условия жизни, такова среда, его окружающая.

Что же касается защиты беседы О. Кучкиной с главным режиссером театра «Современник» О. Ефремовым, опубликованной 25 мая сего года «Комсомольской правдой», то и здесь, очевидно, К. Щербаковым руководит не только соображение чести мундира.

«Современник» — средоточие ярких актерских индивидуальностей и талантливой режиссуры. Зрители любят этот театр. По достоинству высоко оценивают многие его спектакли. Но творческий путь «Современника» не свободен и от некоторых ошибок и неплодотворных тенденций. Стоит вспомнить хотя бы включение в свое время в его репертуар отдельных пьес о нашей современности, проникнутых настроениями пессимизма и разлада героев с действительностью. Напомнить театру о недостаточной идейной четкости и последовательности некоторых его поисков — разве это не дружеский акт по отношению к театру? О. Кучкина, однако, не сделала этого, и К. Щербаков, беря ее беседу под защиту, оказывает тем самым медвежью услугу и ей и талантливому коллективу театра.

Право художника говорить об идейности как творческом компасе, о чувстве бойца идеологического фронта вовсе не подвергается сомнению в статье Ю. Зубкова, как это пытается утверждать К. Щербаков. В статье развивается, в частности, мысль о необходимости всегда подтверждать слова делами, ими проверяя, верен ли театр пути, который указывает компас, не отклонился ли он с дороги. Если же вспомнить позиции К. Щербакова, которые он отстаивал на протяжении ряда лет, то станет ясным, что в слова о «требовательности к критике» он вкладывает свое, особое содержание, ориентируя художников не на утверждение нашего образа жизни, нашей действительности, а на то, чтобы видеть в ней лишь зло, недостатки, фальшь.

Вспомним, что не кто иной, а именно К. Щербаков упорно в ряде статей поддерживал Московский театр имени Ленинского комсомола, руководимый в ту пору А. Эфросом, в его идейных блужданиях, в забвении своего основного назначения быть воспитателем советской молодежи в духе коммунистической партийности. Не желая или не будучи в состоянии увидеть, что пьеса Э. Радзинского «Снимается кино» и поставленный по ней спектакль дают неверное, узко субъективистское изображение процессов, происходящих в нашем искусстве, вульгарно истолковывают такие сложные проблемы, как свобода творчества, государство и искусство, К. Щербаков не преминул дважды выступить с хвалебнейшими, апологетическими оценками пьесы и спектакля.

Весьма показательно то название, которое К. Щербаков дает своей статье, помещенной в журнале «Театр» (№ 9, 1967), где он анализирует постановку пьесы А. Штейна «Аплодисменты» в Театре имени Моссовета: «Спектакль о мужестве». О чьем мужестве идет в пьесе речь? Опять-таки художника, конфликтующего с обществом, его не понимающим, не разделяющим его взгляды. «Жизнеспособность, творческая состоятельность нового,— пишет здесь К. Щербаков,— во многом определяются стойкостью под натиском неблагоприятных обстоятельств», словно бы не замечая, что нет в мире другого такого общества, как наше, социалистическое, где о рождении и победе нового так бережно, активно и повседневно заботятся партия, народ, государство!...

Как в этой связи не вспомнить о появлении летом прошлого года на страницах «Комсомольской правды» статьи Ф. Бурлацкого и Л. Карпинского «На пути к премьере», в которой вопросы государственного, партийного руководства искусством также освещались с ложных, глубоко ошибочных позиций. Именно за публикацию этой статьи был тогда освобожден К. Щербаков от руководства отделом литературы и искусства в газете «Комсомольская правда».

Урок, однако, не пошел К. Щербакову на пользу. И он по-прежнему не хочет замечать ничего хорошего, светлого, положительного в нашей советской действительности! Пелена застилает критику свет, и мутным взглядом смотрит он на жизнь, на людей... Он так и пишет в статье «Остановиться, оглянуться...», опубликованной 30 октября этого года газетой «Московский комсомолец»: «Мы живем в нелегкое время, в непростом мире, и надеяться, что лично ты сможешь устранить из жизни всю ложь, всю подлость и фальшь — это из сферы прекраснодушных мечтаний». Говорится это не о международной обстановке, не о схватке двух миров — социалистического и капиталистического, а о делах в нашем собственном советском доме. К. Щербаков утверждает далее, что, «мужественно сознавая реальное положение вещей, человек... должен... жить... на пределе возможного».

Поневоле вспоминаются знаменитые слова Льва Толстого о Леониде Андрееве: он пугает, а мне не страшно. Действительно, несмотря на все старания К. Щербакова, не страшно! Удивляет только, почему для этих устрашающих «излияний» К. Щербакова до последнего времени предоставляют ему свои страницы некоторые газеты, в том числе «Комсомольская правда», любимая и уважаемая миллионами читателей.

Задача воспитания народа и прежде всего молодежи в духе коммунистической убежденности, советского патриотизма и пролетарского интернационализма требует от каждого печатного органа пристальной, неукоснительной заботы о чистоте и четкой целенаправленности любого из видов нашего идеологического оружия, в том числе литературной и художественной критики. Отсутствие такой требовательности не что иное, как свидетельство идейной близорукости и шаткости.

ВХОДЯЩИЕ И ИСХОДЯЩИЕ

Начало на стр. 4.

Подал в отставку, например, заместитель государственного секретаря Катценбах. Он получил высокий пост в компании Ай-би-эм, производящей электронное оборудование.

Возле Белого дома затишье. Давно уже не стоят вереницы лимузинов у южных ворот в ожидании главы иностранного государства, наносящего визит президенту США. Меньше стало важных иностранных визитеров, меньше фотографов, снимающих этих визитеров. Поскучнело чисто поле.

По осенним улицам бродят издатели. В темных костюмах, темных плащах и при темных галстуках, они выглядят несколько траурно. Они пришли в Вашингтон в поисках будущих воспоминаний о настоящем, которое скоро станет прошлым. Требуется нечто под названием: «Как это было на самом деле!».

Администрация Джонсона еще работает и официально сложит руки лишь в январе будущего года. Но уже сейчас издателям требуются мемуары о ней.

Воспоминания покупают на корню. Предлагают большие деньги, правда, в зависимости от того, кто собирается вспоминать и о чем.

Каждый чиновник, уходящий в административное небытие, знает об этом и запасается материалом для воспоминаний.

Особенно в цене частные секретари. Частные секретари — это большая сила. Их воспоминания о своих боссах идут иногда по более высокой цене, чем воспоминания самих боссов.

Издатели знают, что истории нет, есть биографии. Этот афоризм, высказанный когда-то, отлично выражает формулу успешной книготорговли.

Издатели бродят по осеннему городу. С хрустом крошат осенние листья. Вскидывают глаза к небу. Размышляют. Вот если бы Макнамара написал «Как было на самом деле» или Дин Раск.

Что касается самого Джонсона, то он, как известно, забирает с собой из Белого дома все бумаги, относящиеся к его личной деятельности. Все это он поместит в свою техасскую библиотеку. Библиотека уже строится. Она носит имя нынешнего президента и находится на территории школы общественных отношений Техасского университета в Остине.

Один из моментов предвыборной кампании в США. Так расправлялась полиция с демонстрантами, выступавшими против кандидатуры расиста Уоллеса.

СОВЕСТЬ И ЦЕНТЫ

Мистер Хиршман в определенных кругах считается человеком солидным и знающим. Так, американский журнал «Лук» называет его «нью-йоркским бизнесменом, писателем и лектором, который долгое время занимается проблемами беженцев». Раскроем это процитированное нами определение. Ну, бизнесмен, понятно. Человек, делающий деньги. А вот — писатель? Но и это, оказывается, вполне справедливо. Перу Хиршмана принадлежит книга «Секретное оружие на Среднем Востоке», только что подаренная человечеству издательством «Симон энд Шустер». Лектор — тоже понятно: рассказывает о своей книге тем, кто ее не успел еще прочитать. Остается уточнить портрет Хиршмана как «специалиста по проблемам беженцев».

Каких беженцев? Журнал «Лук» сообщает, что в годы второй мировой войны «Хиршман участвовал в переговорах по выкупу (?!) тысяч евреев у нацистов». Журнал не расшифровывает эту весьма странно звучащую формулировку, и нам остается только догадываться, кого и за какие деньги выкупал Хиршман у нацистов. Уж, конечно, не героических участников антифашистского подполья!

В написанной им книге он этого вопроса не уточняет, а посвящает ее своей излюбленной теме беженцев, но на сей раз... арабских. Как бизнесмен, ловко умеющий считать центы и доллары, он делает попытку сосчитать количество арабских беженцев, согнанных с их земель израильскими агрессорами. Попытку с наперед заданной целью: доказать, что таких беженцев вообще почти не существует, а выдумала их сердобольная Организация Объединенных Наций.

Хиршман жонглирует цифрами (причем, хочет он того или нет, цифрами все же семизначными), чтобы свести на нет проблему арабских беженцев. У арифметики Хиршмана свои весьма странные законы.

Он пишет, что ведет учет арабских беженцев с 1948 года, когда было организовано государство Израиль (в результате чего первые сотни тысяч арабов были изгнаны со своих земель). И он возмущается тем, что в его бухгалтерию вмешивается ООН, когда ее представители считают сегодня, в 1968 году, в числе беженцев также и родившихся у них детей. Вот израильские статистики, с удовлетворением отмечает Хиршман, естественный прирост населения среди беженцев не учитывают, а как раз наоборот — учитывают естественную смертность. При таком методе подсчета и в самом деле можно свести на нет беженцев образца 1948 года.

В результате июньской агрессии Израиля появились новые сотни тысяч арабских беженцев, и проблема их стала еще более острой, чем когда-либо ранее. А Хиршман и компания даже этот более чем очевидный факт пытаются использовать в своих арифметических фокусах. Делается это таким образом. Скажем, израильские агрессоры захватили лагерь арабских беженцев во время июньской интервенции. По официальной статистике в этом лагере должно быть столько-то арабов, а израильские власти обнаружили, что их там меньше. Вот вам доказательство! — вопит Хиршман, как бы вовсе не задумываясь при этом хотя бы над двумя обстоятельствами: первое — многие арабы вполне могли покинуть лагерь, чтобы не попасть в руки израильских захватчиков, второе — подсчеты израильских статистиков могли вестись не по принципам обычной арифметики, а по арифметике Хиршмана.

Но факт остается фактом, и даже Хиршману приходится признавать, что проблема арабских беженцев все же существует (он ратует лишь за то, что их не так много, как это есть на самом деле). Он, например, пишет как о вполне реальном факте о ненависти арабских беженцев к израильским захватчикам. Его эта ненависть возмущает. Тут Хиршман уже апеллирует к ООН как к организации человеколюбивой, чтобы она провела соответствующую работу среди арабских беженцев.

В самом деле, на что им негодовать? Оставили их без родной земли, без крыши над головой, без средств к существованию, но ведь зато по линии ООН на каждого арабского беженца ежедневно выделяется четыре цента!

Бизнесмену — писателю Хиршману эти четыре цента не дают покоя ни днем, ни ночью. Когда в своих изысканиях он доходит до этой эпохальной цифры, его злобное шипение перерастает в яростный визг: на что швыряют деньги! Всю свою арифметику, о которой мы рассказали выше, Хиршман посвятил тому, чтобы на арабских беженцев не пробросили лишних четырех центов. В своих страстных излияниях на эту тему он даже имеет наглость взывать к американским налогоплательщикам, поскольку США делают взносы в ООН как страна — член организации. «Американский налогоплательщик, — заявляет он, — во имя гуманности подписывает, сам того не подозревая, открытый чек, способствующий постоянному росту числа арабских беженцев». Вот так! Одним росчерком пера поставил все с ног на голову! А лучше бы рассказал мистер Хиршман о других, настоящих американских чеках на имя израильских экстремистов, чеках, разумеется, не на центы, а на миллионы долларов! Но такого рассказа мы от Хиршмана не дождемся, ибо совести у него нет ни на один цент.

В. НИКОЛАЕВ

НА ПАМЯТЬ ОТ «ОГОНЬКА»

Saludo cariñoso a todos
los lectores de „Ogonek"
Atentamente
N. Enriqueta Basilio
MEXICO

Это Энрикета Басилио, мексиканская студентка. Читатели «Огонька» знают, что ей была доверена высокая честь зажечь огонь XIX Олимпийских игр. Ей-то и был вручен корреспондентами нашего журнала памятный Кубок «Огонька». Приняв почетный приз, Энрикета обратилась к читателям журнала. Вот что она просила передать им: «Нежный привет всем читателям «Огонька». От всей души Энрикета Басилио».

Как-то Джонсон сказал одному из своих помощников: «Я хочу, чтобы это была самая большая президентская библиотека в мире». Так оно, по всей вероятности, и будет. Бумаги президента будут занимать там 2 тысячи шкафов. Кроме того, президент Джонсон без ложной скромности решил устроить в библиотеке историю своей жизни. Музей займет площадь около 2,5 тысячи метров.

В «Нью-Йорк таймс» высказывается мнение, что грандиозная библиотека и собственный прижизненный музей нужны Джонсону, чтобы самому как следует проследить, должным ли образом оформляют его место в истории.

Объявлено, что в своем музее Джонсон собирается издать мемуары. Обозреватели полагают, что вообще всю дальнейшую жизнь президент Джонсон посвятит оправданию своего прошлого, в частности военной катастрофы во Вьетнаме.

Так ли это — я не компетентен утверждать. Но, как стало известно, издатели уже предложили ему миллион долларов только за первую книгу воспоминаний о том, как были приняты наиболее драматические решения в Белом доме в период его президентства.

Джонсон не нуждается в деньгах. Его вложения в радиостанции и техасское ранчо исчисляются многими миллионами, принося немалый доход. Как бывшему президенту, ему будет положена пожизненная годовая пенсия в 25 тысяч долларов плюс 80 тысяч в год на содержание секретарей и прочего персонала. Но миллион в хозяйстве всегда пригодится. И Джонсон, как сообщают, дал согласие.

Ореолом возможного успеха окружены и записки супруги Джонсона, которые она вела аккуратнейшим образом ежедневно в своей комнате на втором этаже Белого дома.

Бродят по Вашингтону издатели. Принюхиваются к дыму тлеющих листьев, прислушиваются к скрипу перьев авторов будущих мемуаров.

И все меньше надежд остается у тех, кто рассчитывает узнать, «как это было на самом деле». Ведь недаром сказал кто-то, что мемуары — лишь способ избавиться от прошлого.

От настоящего же избавляются предвыборными обещаниями.

Но все это — призрачные избавления.

АПН — Нью-Йорк.

ЩЕДРАЯ КИСТЬ

В залах Академии художеств СССР открыта персональная выставка работ живописца Дмитрия Аркадьевича Налбандяна, народного художника Армянской ССР, заслуженного деятеля искусств РСФСР, лауреата Государственных премий, действительного члена Академии художеств СССР.

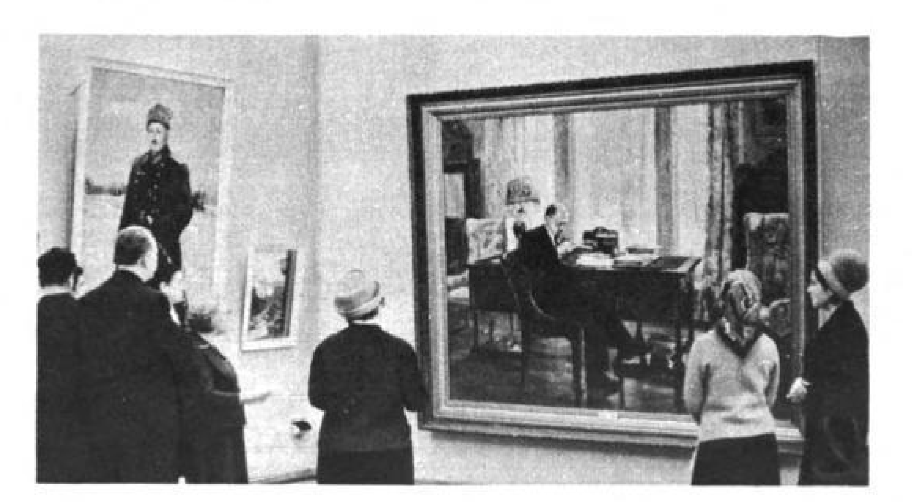
Дмитрий Аркадьевич Налбандян вписал свою страницу в советскую Лениниану. Он автор ряда популярных картин, посвященных жизни Владимира Ильича Ленина. Среди них «Ленин в подполье», «Ленин на IX съезде партии», «Ленин в 1919 году», «Ленин в Горках», «В. И. Ленин и А. М. Горький среди рыбаков на острове Капри», «В. И. Ленин у А. М. Горького в 1920 году», где перед нами Ленин — вождь, мыслитель, человек.

Пристальное внимание Д. А. Налбандяна всегда привлекал внутренний мир человека. И потому художник смог создать яркую галерею портретов наших современников большой жизненной правды, точности и глубины характеристики. Лучшие из работ этого цикла — портреты народного поэта Армении Аветика Исаакяна, маршала И. Х. Баграмяна, скульптора А. П. Кибальникова, главного режиссера Большого театра И. М. Туманова, портрет матери или только что завершенная работа — портрет А. И. Микояна.

На выставке мы видим картины Д. А. Налбандяна, посвященные созидательному труду советского народа, а также полотна, повествующие о жизни и труде простых людей Италии, Индии. Среди этих полотен, свидетельствующих о серьезном интересе живописца к социальным проблемам современности, есть и такие, что обогащают живописный рассказ о дружбе нашего народа с народами других стран. Например, они говорят о давней дружбе, крепко связавшей наших людей и трудящихся Индии. В этой серии, быть может, одна из самых задушевных и лиричных работ — «Утро чабана».

Принесшие на выставку в торжественные залы Академии художеств живое, свежее дыхание природы пейзажи как-то особенно сильно подчеркивают разносторонность творческих увлечений художника, одновременно радуя жизнелюбием, мажорностью, утверждая традиции реализма.

...Заснеженное Подмосковье, величественный Кавказ, залитая солнцем Армения, бесконечно знакомые холмы, дороги, города Италии, неповторимый облик Индии — все это запечатлела неутомимая, жадная до красоты мира, влюбленная в жизнь кисть живописца. Глядя порою на тонкие по колориту пейзажные этюды Д. А. Налбандяна, веришь, что художник сегодня — в полном расцвете творческих сил и ему предстоит создать еще немало прекрасных произведений.

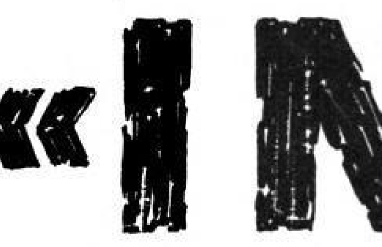
Федор
ШАХМАГОНОВ,

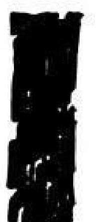
Евгений
ЗОТОВ

Повесть

Продолжение.
См. «Огонек»
№№ 42—44, 46.

Рисунки
П. ПИНКИСЕВИЧА.

Поблагодарив за помощь следствию, проводили мы ее и задумались. А ведь было над чем задуматься. Было! Ученый, профессор Старцев — и вдруг в роли перекупщика скрипки! Для себя покупал? Зачем? Пятнадцать тысяч — это в конце концов не очень-то большие деньги, но зачем? Никто у него в доме не музицировал. И он уж точно знал, какую вещь в руки брал, к чему прикасался! Это не Шеврова.

Купил и продал? Опять все тот же вопрос, с которого и начали. Кому продал? Кто мог в нашей стране для себя купить такую вещь? Ее с превеликой охотой увезли бы за океан, не поскупившись на деньги. Профессор в роли спекулянта? Это уже двойная нелепость.

Биография для анкет, для предисловий к его книгам ни на один из вопросов, которые нас волновали, не давала ответа.

Вот одна из его последних автобиографий. Пожалуй, самая подробная. Для Академии наук.

«Родился я в 1900 году в феврале месяце. Ровесник века. Исторические потрясения двадцатого столетия во многом предопределили судьбу мальчишки из мещанского, провинциального городка с символическим названием. Родился я в Старгороде. Фамилия Старцев в этом городке была очень распространенной. На нашей улице, название которой я и не помнил, установил в последующих изысканиях, в Собачьей слободке, все были Старцевы, и никто из них точно не знал, где родня, а где чужие...

Как возникали такие странные города? Какой экономической или исторической необходимостью продиктовано их возникновение в открытой степи, вдали от больших дорог и еще дальше от водных путей? Ни реки в округе на добрых двести — триста верст, ни какого-либо другого водоема. Колодцы-то рыли до тридцати метров в глубину.

Старгород. Название подходящее. Городок-то действительно был старым. В летописях упоминается со времен половецких набегов. Крепостью, правда, он никогда не был, воинских подвигов за ним не числилось.

К тому времени, когда мне родиться, Старгород являл собой разновидность городка Окурова — по Максиму Горькому. Промышленности в городе не было никакой, граждане занимались огородами и торговлей. На чем держалась торговля в таких городках, на этот вопрос наши экономисты еще не дали вразумительного ответа.

Купцы — их было немного — торговали хлебом. Скупали хлеб в окрестных казачьих станицах, у помещиков и переваливали его в разные концы. Но таких купцов на весь город было раз два и обчелся. А торговал весь город. Чем? Кому и что продавал, кто покупал? Это покрыто мраком.

Я вышел из такой вот «торговой семьи». В кавычки это определение беру отнюдь не из-за предосторожности. Никогда не скрывал, что отец мой стоял за прилавком. Под конец своей жизни он даже сделался хозяином лавчонки скобяных товаров. В самый канун революции. А когда начали падать торговые дома и купцы первой гильдии, предчувствуя перемены, распродавались, он купил даже несколько хлебных магазинов. Жадность, желание разбогатеть обуяли его. Ну и пришел к концу, который единственно и был возможен в те годы. Пошел с котомкой побираться, ничего не понял, ничего не принял, умер где-то под забором.

Я в наследство получил к торговым делам ненависть. Это было «здоровое» воспитание подрастающего поколения, ничто так не могло отвратить от торговли, как прислужничество у прилавка с юных лет. Я с десяти лет помогал отцу-приказчику, а потом отцу-купчишке. Лучше у других служить, чем у своего отца. Вырос озлобленным звереныщем на отца, на семью, на свой городок, на чистых господ и на грязных мастеровых, на царя и бога, а пуще всего на городовых.

Революцию я принял как перемену жизни, перемену всего, что вокруг и рядом, а к чему перемена, я тогда, конечно, еще не знал и не мог знать. Никаких книг я в юности не читал, умел только считать и свою фамилию подписывать. О справедливости или о благе ближних понятия не имел.

В ту пору судьба такого темного парня, каким был я, во многом зависела от случая.

Километрах в полуторастах от Старгорода раскинули свои копры донецкие шахты. Первыми сквозь наш городок прошли красноармейские отряды. Я к ним и прибился. С винтовкой в руках начинать новую жизнь мне даже очень нравилось. А шли бы белые или банды, и за ними я увязался бы. Никакого революционного самосознания тогда у меня не было.

Все началось с Красной Армии, с регулярного красноармейского полка. Сначала революция научила меня грамоте, затем она научила меня жизни, затем научила меня классовому сознанию, научила человечности и открыла мне ленинское учение.

Когда окончилась гражданская война, я пошел со своими однополчанами на донецкие шахты. Рабочий класс привел меня к партии. В партию я вступил в 1923 году, а в 1926 году меня послали учиться. Сначала рабфак, потом опять шахты, потом Промышленная академия, а затем уже и дорога в науку...»

Далее шло подробное перечисление учреждений и институтов, где доводилось работать профессору, перечисление его трудов и заслуг, вплоть до последнего дня, до последнего его места работы.

Биография отчеканенная, прошла она множество проверок. Однако проверка проверке рознь!

«ГОНЧИЙ ПЕС» ВЫХОДИТ НА ОХОТУ

Значковский возвращался с концерта на своей «инвикте». На спуске к Самотеке его обогнало такси. Из такси высунулся пассажир и показал Значковскому два пальца.

Значковский недоуменно пожал плечами.

Внизу у светофора машины остановились. Тот пассажир такси снова высунулся из окна и крикнул:

— Даю двести тысяч!

За светофором Значковский остановил машину. Не вынесла «душа поэта». Двести тысяч!

Такси остановилось несколько впереди. Из него вышли двое. Один — в штатском, другой — южанин в летной форме майора. Южанин молодой да еще летчик. Имело смысл выяснить их позиции.

— Мне нужна машина! — сказал летчик.— Такая машина!

— Да, но я не продаю ее! — ответил Значковский.

Летчик обворожительно улыбался.

— А мы ее и не просим продать! Мы просим ее обменять на денежные знаки!

Оба пассажира такси сели на заднее сиденье «инвикты».

Значковский обернулся к летчику.

— О чем вы говорите, ребята? Что значит продать? Предположим, я задумал бы продать машину... Я должен отвезти ее в комиссионный магазин. А там...

— Ты только отведи ее! — ответил летчик.— Скажи день, когда погонишь. Мне больше ничего не нужно... Я буду первым в этот день! Что-нибудь заработал же я у своего родного государства! Выпрошу первую очередь! Жизнью своей я каждый день рискую вне очереди! Друг мой знает, на каких я самолетах поднимаюсь! Кишки наматываются на позвоночник. Одна у меня болезнь. Хочу такую, как у тебя, машину! Возьми деньги! Ты себе на них четыре «Волги» купишь!

Значковский снисходительно улыбнулся.

— Не продаю... В этом вся беда!

— Не надо! Не продавай! — воскликнул летчик.— Ничего не надо! Пойдем с нами в «Арагви»! Я угощаю! Будешь мне другом. Когда надумаешь продать, меня вспомнишь!

Летчик умел угостить с чисто южной широтой. С тостами. С улыбками. Слово он сдержал. О машине больше не заговаривал.

Его друг Дарико быстро захмелел. Он все время нахваливал Отара, знаменитого летчика. И друг-то он хороший, и летчик первейшего класса, и очень богатый человек. Отар за каждый вылет на своих самолетах чуть ли не «Волгу» зарабатывает.

Значковский пригласил летчиков к себе. Расставались нежными друзьями.

Отар до того растрогался, что подарил Значковскому на память фотографию.

Аэродром. Взлетная площадка. Отар в летном костюме. Не в обычном летном костюме, а в космическом скафандре. За его спиной силуэт машины. Не ракета, но почти снаряд с косыми крыльями, выпирающими из-под брезента.

Несколько дней Значковский возил Отара и его друга Дарико по Москве, по адресам владельцев машин с иномарками. Однако не очень удачны были поездки. Хорошие машины никто не продавал, а стареньким Отар не интересовался.

Отар начал поговаривать об отъезде и пригласил Значковского на прощальный обед в «Арагви».

Выпили. Отар зазвал к себе Значковского в номер гостиницы «Москва». Все у него шло по высшей категории. Три комнаты. Спальня, кабинет, гостиная.

У пьяного человека сон глубокий. Но Значковский не был пьян. Когда Отар и его друг Дарико погрузились в полное небытие, Значковский тихо встал и обшарил карманы своих друзей, облазил все ящики в столах и перерыл их вещи. Делал он это спокойно, не торопясь, под богатырский храп летчика.

Прежде всего он установил, что Отар действительно летчик, что награжден он многими орденами, что он испытатель. Нашел Значковский и иной вариант той фотографии, которую подарил ему Отар. Все было так же и не так. Отар. Тот же аэродром, но самолет на этот раз стоял расчехленным.

Уезжая к себе, Отар признался Значковскому, что «пропадает» в казахстанских степях. Условились, что майор договорится со своим командованием и пригласит Значковского выступить с концертом в летной части.

С казахстанского аэродрома последовало приглашение Значковскому выступить с концертом.

Клуб при аэродроме был вместительным. Музыканта приняли тепло. Поселил его Отар в своем домике, возле самого аэродрома.

Днем и ночью воздух сотрясался от гула могучих двигателей, дребезжали стекла от тяжелых взрывов.

Отар ушел утром на аэродром и просил слушать его взлет, указав час, когда он поднимется в воздух. Значковский хозяйничал в доме. Он нашел портфель. В портфеле схему управления необычного самолета. На схеме стоял гриф «секретно»...

В Дубровку пришла открытка Родину. Безобидный текст. Писал какой-то друг, справлялся о житье-бытье. Но подстрочный текст этой открытки означал начало операции.

Должен с прискорбием признать, что первую встречу Значковского с «гончим псом» мы проглядели.

В одну из поездок в Москву с директором Родин позвонил Значковскому.

— Товарищ Значковский,— начал Родин.— Я не ошибся номером?

— Вы не ошиблись номером,— ответил Значковский.

— Извините, пожалуйста, за беспокойство.

— Чем могу быть полезен?

— Я хотел бы просить вас дать нам концерт! Когда вы смогли бы приехать?

— Я этого сейчас сказать не могу... Позвоните мне... Ну, скажем, в четверг, в одиннадцать часов утра. Я тогда скажу точно!

В одиннадцать часов в четверг никто не звонил Значковскому.

Никто ему не звонил, а встреча с Родиным состоялась. Короткая встреча.

О деталях этой встречи мы узнали значительно позже, уже в ходе следствия.

Значковский приехал в ГУМ. Пристроился в очередь, где продавались мужские сорочки. Выбрал себе белую выходную сорочку, оплатил ее и с этим свертком вышел из ГУМа. Житейские дела — и только! И никто не знал, что встал в очередь он за Родиным, что условились они о встрече, где им никто не мог бы помешать...

Значковский в следующий четверг приехал на Ленинградский вокзал и купил два билета в мягкий вагон «Красной стрелы».

Не представляло нам труда установить, что в Ленинграде его с концертом не ждут. Человек, однако, он свободный, средствами для праздной поездки в Ленинград располагает. С кем он едет? Вот в чем вопрос. Мы знали номер вагона и номера мест, на которые он взял билеты.

ТА»

Значковский вышел из дому более чем за час до отхода поезда. В руках у него был объемистый портфель, который вполне заменял чемодан. Куда же в такую рань? Ах, вон оно в чем дело! Лирическое путешествие со Светланой Старцевой.

Он взял такси и заехал за Светланой.

Она поехала с ним на вокзал. Но вот деталь! Наши товарищи отметили, что она вышла из дому без дорожных вещей. Какая же женщина выедет в такую поездку без багажа?

Они вышли на платформу, прошли вдоль состава прогуливающимся шагом. Значковский о чем-то горячо и оживленно говорил ей. И вдруг у заднего вагона, у выхода с вокзала, они простились. Светлана ушла быстрым и решительным шагом.

А что же Значковский? Он направился в вокзал, к кассам. Сдавать билет? Именно билет, а не билеты. Если бы он шел сдавать оба билета, он не оставил бы своего саквояжа в вагоне.

Подошел к кассе и громко сказал кассиру:

— Примите, пожалуйста, у меня один билет до Ленинграда.

Кассирша взяла билет и сокрушенно покачала головой, подсчитывая потери пассажира из-за несвоевременной сдачи билета.

Плеча Значковского коснулась ладонь неизвестного нам гражданина.

— Вы сдаете билет? В какой вагон?

— Мягкий вагон.

— Я возьму.

Неизвестный попросил кассира проверить, правильно ли оформлен билет, отдал Значковскому деньги, и они разошлись, чтобы вскоре встретиться в одном купе.

Неплохо придумано, не правда ли? Каждая деталь имеет свое объяснение, все построено будто бы на случайностях.

Значковский пригласил в поездку свою любовницу. Она в последнюю минуту отказывается от поездки. Поссорились или заупрямилась. Можно ли в этом усмотреть что-нибудь необычное? Нет. Даже и тому факту, что она выехала без багажа, можно найти объяснение. Отличное объяснение. Он надеялся уговорить капризную женщину в последнюю минуту. Не уговорил. Пошел сдавать билет. Даже отдал билет кассиру. Но оформление сдачи билета в просроченное время стоит денег и времени. А тут какой-то случайный пассажир берет билет. Все логично.

Так «гончий пес», он же Родин, и Значковский оказались в одном купе.

Под стук колес удобно вести разговор вполголоса. И никто не войдет в купе: впереди длинная ночь.

Разговор начал Значковский:

— Это крайне неосторожно, что мы едем с вами в одном купе.

Родин: — Почему? В чем вы видите неосторожность? Вы заметили за собой слежку?

Значковский: — Нет, за мной не следят. За вами могут следить.

Родин: — Никаких для этого оснований нет. Если соприкосновение с вами неподозрительно, за мной некому следить. Не к чему. Я обычный советский гражданин. Вы тоже обычный советский гражданин. О наших встречах в Нью-Йорке никто не знает и знать не может. В чем дело? Что вас беспокоит?

Значковский: — Жаньен учил меня осторожности.

Родин: — Жаньен должен был учить осторожности. За ним действительно следили, и он это знал. Вы с ним встречались редко и с такими предосторожностями, что никто не мог вас в чем-то заподозрить, если, конечно, ваше общественное реноме безукоризненно. Говорите сразу. Потом будет поздно. Вы встречались с иностранными подданными в это время?

Значковский: — Нет, не встречался. Это мне запретил шеф.

Родин: — Вы приобретали валюту?

Значковский: — Это было давно. Больше я валютой не занимаюсь...

Родин: — Вы оставили свою машину Сальникову?

Значковский: — С машиной все обошлось хорошо.

Родин: — Что же вас тогда беспокоит в нашей встрече?

Значковский: — Только то, что мы оказались в одном купе. Зачем же нужны были столь усложненные передачи? Гонки на машинах и прочее.

Родин: — Для этого я и приехал, чтобы передачи упростились. Вы советский гражданин с незамаранной репутацией, я совхозный шофер. Мы сошлись в одном купе. Ну и что? Никакая разведка мира не в силах следить за всеми гражданами.

Значковский: — У меня вроде нет оснований считать себя под подозрением.

Родин: — Я дал вам задание. Вы просите объяснений. Какие нужны вам объяснения?

Значковский: — Мне все ясно! Но я сомневаюсь! Это не ошибка! Что может быть общего у вас со Старцевым?

Родин: — Это — излишнее любопытство.

Значковский: — Вы что-нибудь знали о колхозном счетоводе?

Родин: — Что именно?

Значковский: — В Тульской области одна история... Мне пришлось по указанию шефа запачкать руки.

Родин: — Теперь мне все понятно!

Значковский: — Я могу довериться Старцеву?

Родин: — Тут скорее обратный вопрос. Ему труднее вам довериться.

Значковский: — Я о нем ничего не знал... Я без него добыл для вас кое-что.

Родин: — Мы вас об этом не просили! Вот это действительно опасно! Но вы мне расскажете, как, при каких обстоятельствах и от кого вы ее добыли?

Значковский: — У меня есть друг. Летчик-испытатель. Он испытывает новые модели скоростных реактивных самолетов.

Родин: — Почему вы там, у нас, ничего не сказали об этом своем друге? Он появился на вашем горизонте после возвращения из Нью-Йорка?

Значковский: — Не все сразу приходит на память. Я повторяю, он мне известен с детских лет. Я никогда не смотрел на него с вашей точки зрения. Теперь я на все смотрю с других позиций.

Родин: — Ну и что же вы высмотрели?

Значковский: — Модель реактивного истребителя. Может быть, перехватчика. Последняя модель, еще не пущенная в серию. Она проходит государственные испытания.

Родин: — Это вы серьезно?

Значковский: — Я вам передам фотоснимок модели, ее схему, описание ее управления, ее полетные данные.

Родин: — Это все с вами? Здесь?

Значковский: — Нет! Я этого с собой не ношу. Я достаточно осторожен. Я знаю цену такой информации.

Родин: — О! Вы к тому же бизнесмен! Ваша сумма?

Значковский: — Двадцать тысяч!

Родин: — Двадцать тысяч! Это действительно должна быть модель последнего самолета. Мы проверим. Деньги вы получите после заключения наших экспертов. И если это действительно новинка, и новинка из значительных, вы получите названную сумму!

Значковский: — Я не работаю по-пустому. Скажите, я не продешевил, отдавая вам конструкцию самолета? Я в какой-то мере в ваших руках. Я не знаю, как ценятся такие вещи.

Родин: — Нет, не продешевили...

Значковский: — А может быть, запросим больше. Мне больше двадцати тысяч не нужно. Запросим тридцать. Десять тысяч ваши.

Родин: — Для меня ваши деньги не имеют никакого значения.

Значковский: — Напрасно! Деньги — отличная вещь!

Родин: — Перейдем к делу! Мы больше встречаться не будем. Все, что вы получите для нас, вы будете прятать в тайник. Это схема нашего с вами тайника. Вы едете до Бронниц, сворачиваете на Каширское шоссе. Двадцатый километр от Бронниц. Березовая роща. Километровый столб. Вот схема. По этой тропке вы углубляетесь в лес. Считайте на схеме деревья. Вот береза. Высокая береза. Из особых примет — на коре надпись: «Миша плюс Маня равняется любовь». Свои сообщения вы прячете в консервную банку и закапываете в корнях этой березы. Летом там можно собирать грибы. Весной подышать весенним воздухом, постоять на тяге, зимой — прекрасное место для лыжной прогулки. Хорошо будет, если на эти прогулки вы будете выезжать не один, для прикрытия собирайте компанию. Каждое второе воскресенье с начала месяца. В другие дни пользоваться тайником не следует. Ясно?

Значковский: — Ясно!

Родин: — Изучите схему тайника... Теперь поговорим о вашей безопасности. Если вам будет грозить опасность, если вы заметите за собой наблюдение, вы должны позвонить по этому телефону. Запомните номер. Если вас арестуют, по этому телефону пусть позвонит кто-нибудь из ваших близких. Не надо никого приглашать к аппарату. Когда снимут трубку, вы скажете: «Это квартира Солнцева?» Неважно, что вам ответят. Это сигнал тревоги. Все!

Значковский: — Когда я смогу передать информацию об истребителе?

Родин: — Не торопитесь! Получите информацию от Старцева. Все это вместе и положите в тайник.

Родин и Значковский вышли из вагона и тут же разошлись, как незнакомые люди...

Мы получили эти сведения уже со справкой, что в Калуге до сих пор живет человек под именем Родина Григория Ивановича. Год тому назад им был утерян паспорт.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Обычным автобусным рейсом в Старгород прибыла бригада по историческим изысканиям в городе. Два историка, Петров и Шарапова. Петров работал следователем КГБ, Шарапова — в нашем архивном управлении. Они «задумали»

книгу о Старгороде, «Старгород в предреволюционные годы и после революции». Они связались с городским краеведческим музеем, который был создан старгородскими учителями-энтузиастами. Им надавали множество адресов бывалых людей, тех, кто принимал участие в революционной деятельности, кто участвовал в гражданской и Отечественной войнах. Открыли историкам двери городских архивов.

Музей Старгорода. Все было собрано энтузиастами без всякого вознаграждения.

Под музей были отведены два зала в старгородской средней школе.

Директор школы Николай Евгеньевич Зелятров, пожилой и очень подвижный человек, встретил историков с распростертыми объятиями. Во-первых, историки, во-вторых, будущие авторы книги о Старгороде. Он готов им был рассказывать о городе часами.

Прежде всего Зелятров показал историкам отдел древностей. Ученики из года в год выходили на раскопки меловых россыпей на окраинах города в дальние овраги. В меловых отрогах попадались причудливые отпечатки необыкновенной формы раковин.

Эпоха каменного века была представлена первобытным топорином и несколькими высеченными из кремня наконечниками стрел. Затем шел многовековой и даже в десятки тысячелетий разрыв от доисторического времени к средневековью.

Степной город, степные просторы. Когда здесь еще и намека на город не было, схватывались тут жарко кочевники со славянскими племенами. От половецких набегов остались в земле кривые сабли, источенные ржавчиной в тонкие серпики.

Против половецких набегов и воздвигли славяне сторожевую и дозорную слободу. Она обживалась. Так родился город.

«Как возникали такие странные города?» — задавал риторический вопрос Старцев. Если бы он хоть один раз побывал в этом музее, такого вопроса не возникло. Сторожевой город, степная крепость — вот в чем историческая необходимость его рождения. А Старцев писал в своей автобиографии, что нечем объяснить возникновение такого города, добавляя при этом, что «крепостью он никогда не был и никаких воинских подвигов за ним не числилось».

Уехал из Старгорода мелкий приказчик юношей, никогда не возвращался сюда, откуда ему знать историю ратных дел горожан? Так и укрепилось в памяти, что городок, где он родился, ничем не примечателен. На первый случай и это соображение могло бы что-то объяснить.

Эту крепость между тем, как установили ученики, несколько раз сжигали татары. Ее сжигали, но она вновь вырастала, как сторожевая вышка в густом седом ковыле.

Вот они откуда, неровности города на ровном степном месте. Окапывалась когда-то степная крепость земляными валами, а потом расширялась, и земляные валы застраивались домами. А между валами и расположилась в более поздние времена Собачья слободка.

Представлял интерес и зал новейшей истории Старгорода. Здесь, правда, исторические события отмечались на стендах и рисунках школьников, но была тут и ротационная машина старгородских подпольщиков. На ней печатались большевистские прокламации и распространялись среди окрестных батраков. На поверку оказывался Старгород не такой уж глухоманью, как пытался это изобразить в своих рассуждениях о городе профессор Старцев.

А вот и сам профессор. На стене висели портреты знаменитых старгородцев. Герой гражданской войны Иван Михайлович Постовалов, погибший где-то в степях Причерноморья; Герой Советского Союза, танкист Михаил Петрович Стариков, прославивший Старгород в годы Отечественной войны, профессор Старцев, ученый.

— И профессора разыскали? — спросил Петров, указывая на портрет.

Зелятров объяснил, что работники музея, а их множество, собственно, все ученики школы, и многие энтузиасты пристально следят за всем, что касается истории города. Однажды в горисполком пришел запрос, подписанный московским профессором. Профессор просил поискать в архивах метрические выписки о дне его рождения. В церковном архиве или в архиве горисполкома. Так узнали, что из Старгорода вышел ученый. Запрос этот пришел после войны. Какой мог сохраниться архив? Дважды по городу прокатилась немецкая волна. Зелятров, получив сведения о профессоре Старцеве, заинтересовался его прошлым.

Остатки Собачьей слободки сгорели во время войны. Но нашлись фотографии этой улицы у жителей-старожилов.

Это были деревянные или глинобитные домики, подслеповатые, маленькие оконца, грязь на проезжей части. Самая беднота жила в Собачьей слободке. И все Старцевы. Других фамилий там и не помнили. Из каких же Старцевых вышел Арсентий Дмитриевич, установить было трудно. Старики ломали головы, восстанавливая былое. Старцевы — и приказчики и купчишки, и Дмитрии и Арсентии... Всякие были. Мог быть и Арсентий Дмитриевич, мог уйти из города с Красной Армией. Во время гражданской войны город переходил из рук в руки много раз. Все смешалось, затерялось и быльем поросло. Из горсовета послали в Москву справку, что городские архивы, а тем более церковные, уничтожены либо в гражданскую войну, либо в Отечественную. Найти метрические выписки не представлялось возможным. Горсовет засвидетельствовал, что Старцев происходит из Старгорода, что его родственники принадлежали к мещанскому сословию.

Зелятров и его ученики искали потом родственников Старцева, но все Старцевы, задержавшиеся в Старгороде, открещивались от этого родственника, в их семейных преданиях он не значился.

В анкете Старцев указывал, что ни сестер, ни братьев у него не было.

Ирина Тимофеевна Шарапова окончила историко-архивный институт. Ей и карты в руки. Но архивы Старгорода действительно были опустошены. Прямых свидетельств добыть не представлялось возможным. Шарапова собирала косвенные свидетельства. Она принялась за изучение биографий всех Старцевых. Сложное дело. Ничем эти люди себя не прославили, жили, где-то работали, кое-кто из них торговал, а многие уехали из Старгорода. И их следы очень редко обнаруживались либо в справках, выданных загсом или горсоветом, либо в гражданских актах о рождении и смерти.

Петров имел неограниченную возможность представить в воображении жизнь этого захолустного городка и поразмыслить, как и каким путем мог прийти паренек из этого города к службе в иностранной разведке. Мог перебирать бесчисленное количество версий в поисках одной и самой точной.

Петров встречался со старожилами. Со старичками и старушками. Выслушал он множество интересных историй о жизни мещанского сословия. И о драках на главной улице, и о блудливых женах, и о побоях, которыми держали своих домашних в страхе мелкие купчишки, о запоях купеческих и загулах и о том, кто и чем торговал, как торговал... И почем был хлеб, по какой цене ходил сахар, и какими по осени были торговые ряды в городе. Упоминали о нескольких Дмитриях Старцевых, а вот был ли у кого из Дмитриев сын Арсентий, никто припомнить не мог. В Собачьей слободке чаще пользовались прозвищами, чем именами.

В своих поисках Петров натолкнулся на пенсионера, бывшего начальника городского отдела ОГПУ Лебедева. Ему было за семьдесят, но память осталась еще свежей. Он покинул свой пост перед самой войной, потом работал в отделе коммунального хозяйства. Пережил войну, как и все пожилые люди: тогда он уже был вне призывного возраста,— пережил эвакуацию и вернулся в родной город. Отдыхал. Занимался садом, ходил с удочками на неширокую степную речушку. Он первым указал все же на какой-то смутный след. Однажды из Москвы поступил запрос на Старцева Арсентия Дмитриевича, доцента, преподавателя одного из московских институтов. По архивным данным, которые тогда еще не были уничтожены, Лебедев это вспомнил, установили, что в городе проживал Арсентий Дмитриевич Старцев, он пошел в ряды Красной Армии. Запрос, видимо, относился к тридцать второму или к тридцать третьему году. Больше о Старцеве не запрашивали.

На том изыскания историков, собравшихся написать книгу о городе, и закончились бы, если бы не энтузиазм Зелятрова.

Он вечером вбежал к Петрову в номер гостиницы, сияя от восторга. Нашел! Нашел интереснейшего человека, о котором можно написать целую главу в книге. Коллекционер и даже местный бытописатель. С незапамятных времен ведет дневник о жизни города, ни одного дня не пропустил в своих записях. Сейчас на пенсии, а работал всю жизнь бухгалтером. Можно представить аккуратность, с которой он вел записи!

Его фамилия была Старков. Старомодный человечек, во внешнем облике у него было что-то от чеховского «человека в футляре».

Дом на окраине города. Немощеная улица, канава для стока воды, мостик через канаву. Доска к доске пригнана, словно пол стелили. Невысокие воротца окрашены охрой. Перед крыльцом система половиков и половичков. Рядом скребок, затем соломенная подстилка, потом циновка, потом половик и дорожка в коридоре. Крашеные полы натерты мастикой, ни пылинки. Вся мебель в парусиновых чехлах.

Старичок невысок ростом, чуть пригорбился, в очках с золотой оправой. Такие носили очень давно, и нужна была крайняя аккуратность, чтобы сохранились и не сломались до сей поры.

Всякие бывают коллекционеры. Собирают почтовые марки филателисты. Этих подавляющее большинство. Самый заманчивый и вообще-то самый легкий вид коллекционирования. Поставлен сбор марок на широкую ногу. К услугам коллекционеров магазины и даже печатные машины, которые воспроизводят марки, давно вышедшие из общего употребления.

Нумизматы собирают коллекции монет. Здесь нет столь проторенных дорожек, как у филателистов, и купить древние монеты негде.

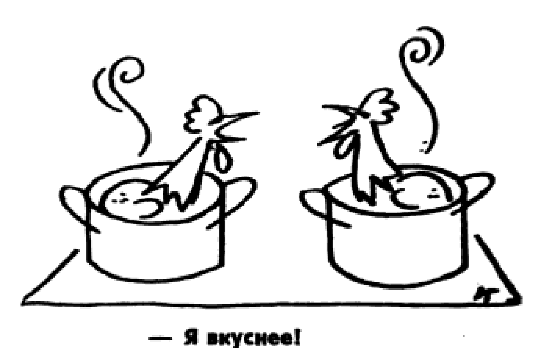
Собирают открытки с видами, собирают спичечные этикетки, коробки от сигарет, собирают гербарии, жуков и бабочек. Старков собирал письма, не нашедшие адресата. Он работал бухгалтером на почте. В почтовом отделении иногда оседали письма, не нашедшие адресата, и к тому же без обратного адреса. Их некоторое время хранили, а затем сжигали. Он выпросил себе право сжигать такие письма, но не сжигал, а собирал в коллекцию. Аккуратно распечатывал конверт, скалывал с письмом и распределял по папкам. Папка писем семейных, папка писем любовных, папка писем деловых, папка пропавших адресатов. В эту папку собирались письма, в которых разыскивали пропавших людей.

Довольно любопытное и многообразное собрание человеческих страстей, горя, радости и недоумения. Сюжеты для драм и комедий, странички живого изображения эпохи. И дневники. Общие ученические тетради. Пятьдесят четыре тетради. Пятьдесят четыре года, изо дня в день, по две странички на день записей. Погода, температура воздуха, прилет и отлет птиц, происшествия в городе, исторические события и прочее. Ничего о себе. Для историка города Старгорода клад неоценимый. А для дела? Петров и Шарапова с тревогой поглядывали на эти пятьдесят четыре общие тетради, исписанные мелким, как бисер, почерком. Петров терпеливо рассматривал коллекцию писем и выслушивал рассказы, как добыто то или иное письмо, что в нем редкого.

Здесь были: и открытки с видами Кавказа, с торопливым текстом заезжего гастролера, и солдатские треугольнички времен Отечественной войны, блуждавшие по полевым почтам и заброшенные военной неразберихой в чужой город.

А Старков извлекал одну редкость за другой. И вдруг до сознания Петрова дошла знакомая фамилия. Им только что было прочитано не очень ясное письмо времен гражданской войны.

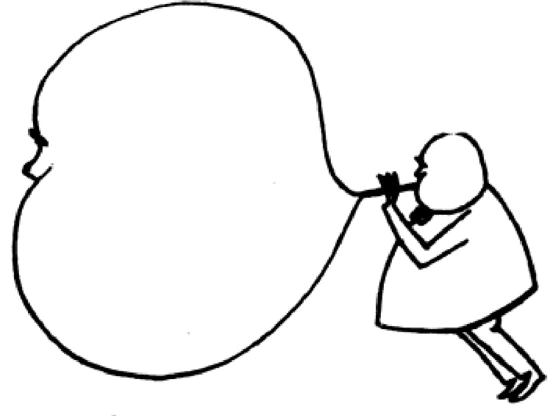
Историки насторожились. Письмо времен гражданской войны. Времена были трудные, письма писались редко, бумаги не было. Писали на оберточной бумаге, на обрывках газет, на страницах книг. Это письмо было написано

— Я вкуснее!
— Нет, я!
Рисунок Ивана Газдова.

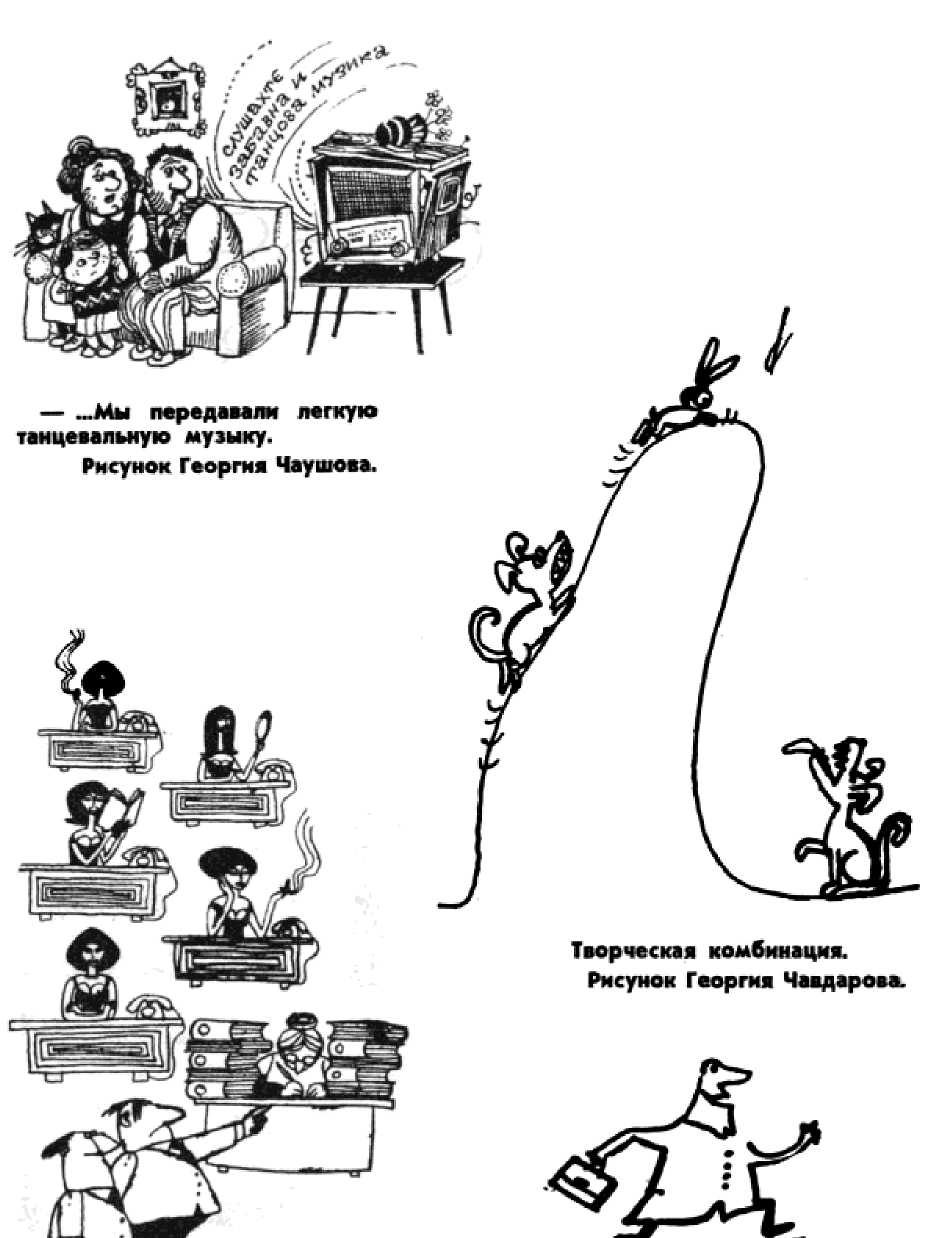
— Опять заупрямился.
Рисунок Ивана Бабукова.

Автобиография.
Рисунок Живко Янчева.

Игра.
Рисунок Георгия Чавдарова.

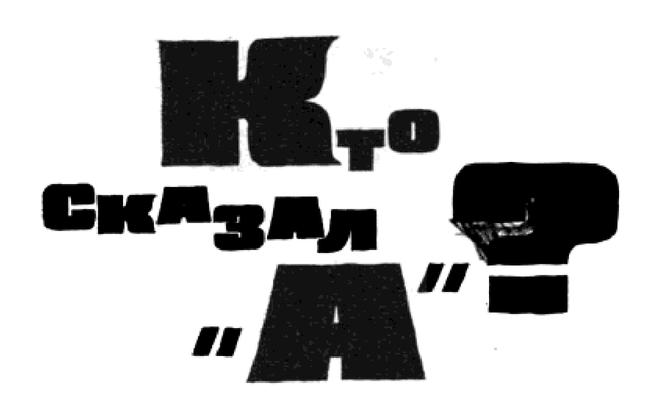
— ...Мы передавали легкую танцевальную музыку.
Рисунок Георгия Чаушова.

Творческая комбинация.
Рисунок Георгия Чавдарова.

— Пора уволить эту сотрудницу. Непонятно, чем она занимается на работе.
Рисунок Любо Маринова.

Сверхкарьерист.
Рисунок Генчо Симеонова.

Кто сказал „А"?

Мирон ИВАНОВ

Как-то в нашем городишке кто-то пустил слух, что на днях ожидается землетрясение. Встревоженные люди спешно начали снимать черепицу с крыш, а некоторые даже разбирали балки и кирпичные стены.

Чтобы прекратить панику, пришлось провести разъяснительную работу. На собрании учитель геологии товарищ Стамболовский убедительно доказал, что наш округ не принадлежит к сейсмической зоне и никакого землетрясения быть не может. Но если оно все-таки произойдет, то это будет редчайшим исключением.

Выслушав ответы на вопросы и посмотрев кинофильм, успокоенные люди разошлись по домам, но... к утру все же до конца сняли черепицу с крыш, разобрали по кирпичикам стены, а весь домашний скарб сложили во дворах, чтобы оставить природу с носом. Самое удивительное, что и учитель Стамболовский разобрал свой модерновый домишко. Даже горшки с цветами обмотал тряпками и газетами, чтобы не разбились при подземных толчках. А когда и все трое зампредседателей поселкового Совета разобрали крыши и стены своих домов, не устоял и сам председатель товарищ Латынский...

Таким образом городишко без малейшего вмешательства со стороны природы сровняли с землей.

Хозяйственная жизнь замерла, о культурной нечего и говорить.

Население ютилось у штабелей кирпича и черепицы, и каждый поглядывал на землю под ногами в ожидании, когда она начнет трястись.

Земля, однако, оставалась спокойной, как и целые века до этого.

— Все это ерунда, не может быть землетрясения,— угрюмо говорил своей жене председатель Латынский.— И кто такой идиотский слух пустил?! Попадись мне этот болван, я б его своими руками!..

— А почему ж ты разобрал свой дом? — спрашивала у него озябшая, закутанная в брезент супруга.— Ну, скажи!

— Ты заставила!

— А зачем послушался? А? Зачем меня послушался?

— Молодец, Стамболовский! — крикнул в эту минуту председатель учителю геологии, проходившему там, где когда-то была улица.— Ну и наука же твоя геология! Ничего не поймешь!

— Я продолжаю утверждать: мы не находимся в зоне землетрясения...

— Ни в зоне землетрясения и ни в своих домах!.. Ну, а все-таки будет землетрясение или нет?

— Я же сказал, не будет. Но если да, то это явится невероятнейшим исключением.

Через несколько дней все население собралось на площади, и начался откровенный разговор о землетрясении. Не осталось человека, который бы не выступил и не кинул камня в адрес того, кто распространяет вздорные слухи. Но и после собрания положение не изменилось. Люди убеждали друг друга, что никакого землетрясения не будет, и продолжали ютиться между черепицей и кирпичом...

При расследовании было установлено: вся кутерьма началась с того, что в городишко привезли новые телевизионные антенны. Люди стали их покупать; кто купил, полез на крышу, чтобы найти подходящее для антенны место, а ротозеи, увидев это, начали гадать: «Что это такое, почему народ лазит по крышам?» Догадка порождала догадку, потом уже поползли слухи, а что произошло дальше, вам известно.

Сокращенный перевод с болгарского М. и Ал. ВАЗОВЫХ.

на рекламном проспекте. Плотная меловая бумага. Вчетверо сложенная, она с трудом входила в пожелтевший от времени конверт. На конверте адрес: «Город Старгород, Собачья слободка, дом 3, Дмитрию Ивановичу Старцеву».

Конверт со штемпелем пришел в Старгород из Ростова. Петров бережно взял в руки письмо и попросил разрешения прочитать текст.

Текст шел наискось по рекламному проспекту. Крупные округлые буквы не весьма искусного грамотея. Типичный стиль для письма к родным.

«Шлю привет матери, отцу и родным сестрам.

Издалече письмо. Из Ростова, что на Дону. Мы гоним беляков и вскорости скинем их в море. А потом я приду домой и порядком накручу вам всем мозги. Не доперли вы социальных проблем. А проблема такая. Ты, отец, распродавай все свое недвижимое и становись на рельсы прольтариата. Теперича другая линия направления дадена. В лавках не сидеть торговать, а строить надоть фундахмент. Фундахмент прочный и новая жизнь. Заклинаю, продавай все и не срами своего сына красноармейца. Никакой купец из тебя не получится!

Пребываю в здравии ваш сын Арсентий. Жду привета, как соловей лета! Арсентий. А писать мне некуда, будет куда, вышлю. Мая сего года, 16».

Арсентий Старцев! И к тому же его отец — Дмитрий. И по всему Собачья слободка. Красноармеец.

Старков наслаждался вниманием Петрова к своей находке.

Отыскался след. Ничего этот след пока еще дать не может, но все же след. Кончик ниточки. Петров даже еще и не думал, куда этот след выведет.

Рекламный проспект. Замысловатая виньетка в стиле того времени, и виньетка автомашины и надписи.

Сверху крупным латинским алфавитом — «PACKARD» и далее:

«самые дорогие и самые лучшие в мире

В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ НЕТ НИ ОДНОГО МИЛЛИАРДЕРА, КОТОРЫЙ НЕ ЕЗДИЛ БЫ НА НАШЕЙ МАШИНЕ! НАШИ ПОКУПАТЕЛИ: Джен Арбукль, К. Х. Арчивальд, М. Х. Астер, Чарльз Гульд, А. С. Гульд, М. С. Мак Кэй, Д. Х. Морган, Х. В. Морган, Д. П. Морган, Пирпонт Морган, В. Морган, Корнелиус Вандербильд, В. Г. Рокфеллер и мн. другие.

Автомобили «Паккард» — самые дорогие автомобили в мире. Но практичные янки считают их наиболее выгодными.

Затраченные деньги здесь оплачиваются.

Кто не ездил на «Паккарде», тот не может представить, насколько приятна езда на автомобиле.

«Паккард» идет по вспаханному полю, как по хорошей дороге.

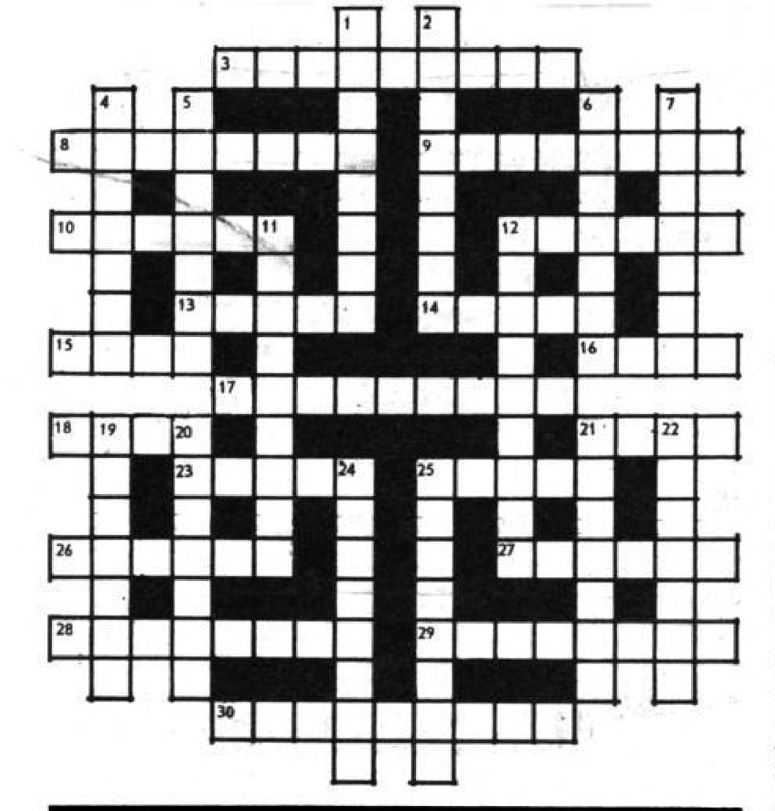
В России, по странной случайности, почти не знают «Паккарда». А между тем он приспособлен именно к очень плохим дорогам западных штатов Сев. Америки,— это дороги не лучше наших русских. В Америке на всех дорожных испытаниях «Паккард» получал и получает первые призы.

Уже несколько Packard'ов есть в Петрограде. Спросите тех, кто их имеет.

За справками просят обращаться к инж. А. А. Пальскому. Невский пр., тел. 149-71».

Писать не на чем было. Всякая бумага шла в ход. Но откуда такой проспект в Ростове? Где его подобрал красноармеец Арсентий Дмитриевич Старцев? Заскребло на душе у Петрова. Еще никак не выраженные догадки. Но писал-то Арсентий Старцев, след которого они отыскивают в Старгороде. Вот он, след.

Продолжение следует

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Столица автономной советской республики. 8. Раздел механики. 9. Римский поэт и философ. 10. Мелкая промысловая рыба. 12. Сооружение в порту. 13. Архитектор, создавший ряд монументальных ансамблей в Петербурге. 14. Многослойная техническая ткань. 15. Свадебный головной убор невесты. 16. Остров в Индийском океане. 17. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня». 18. Немецкий зоолог, автор труда «Жизнь животных». 21. Часть хвостового оперения самолета. 23. Работа на корабле всей командой. 25. Верхняя рубаха. 26. Драма Б. Лавренева. 27. Растворитель в производстве лаков. 28. Опера Р. Вагнера. 29. Аппарат для дыхания под водой. 30. Река в Якутской АССР.

По вертикали:

1. Итальянский скрипач. 2. Стихотворение Н. А. Некрасова. 4. Областной центр на Украине. 5. Хищное животное. 6. Автор картины «Озеро». 7. Спутник планеты Уран. 11. Стартовая площадка межпланетных кораблей. 12. Нотная запись многоголосного музыкального произведения. 19. Столярный инструмент. 20. Оливковое дерево. 21. Хор певчих. 22. Порт в Италии. 24. Разрешение на ввоз или вывоз товаров. 25. Ягода.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали:

5. Колас. 6. Орион. 9. Цицеро. 10. Гранин. 11. Галка. 14. «Тоска». 16. Торос. 17. Солигалич. 20. Брасс. 22. Дунай. 24. Астра. 26. Боткин. 27. Мрамор. 28. Палаш. 29. Бекар.

По вертикали:

1. Донецк. 2. Залог. 3. Драга. 4. Романо. 7. Вином. 8. Чикой. 12. Абрикос. 13. Карасор. 15. Анонс. 16. Триод. 18. Аргон. 19. Фагот. 21. Сократ. 23. Ураган. 24. «Анчар». 25. Ампер.

На первой странице обложки: Портрет Вагифа, азербайджанского поэта и государственного деятеля XVIII века.

Работа художника М. Абдуллаева.

На последней странице обложки: Дрессировщики Марица и Вальтер Запашные; выступающие в новом цирке Волгограда, на прогулке с тигром Тайфуном.

Фото Дм. Вальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00500. Сдано в набор 29/X-68 г. Подписано к печ. 12/XI-68 г. Формат бум. $70\times108^{1}/_{8}$. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 004 000 экз. Изд. № 2209. Заказ № 3091.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Счастья вам, малыши!

Анжела (справа) — девочка с характером... Сережа это знает хорошо!

Миша — человек вполне самостоятельный!

Это не полярники. Это сон на веранде.

Им еще нет года. Они родились в самом начале второго полувека Советского государства. Они увидят столетие Октября, и каждый из них, конечно, вложит свою лепту в великие свершения народа.

Сейчас малыши делают первые шаги по земле. Заботливые руки старших растят их здоровыми, любящими жизнь, дружными.

Эти ребята — из детских яслей московского завода «Знамя труда». Невозможно, разумеется, угадать, кем они будут, какую изберут дорогу среди множества светлых дорог, которые откроет перед ними жизнь.

Растите быстрее, ребята, строители нашего будущего!

Счастья вам, малыши!

Идет соревнование... Кто скорее съест: Саша или Лара?

Изумленным глазам Наташи открывается мир.

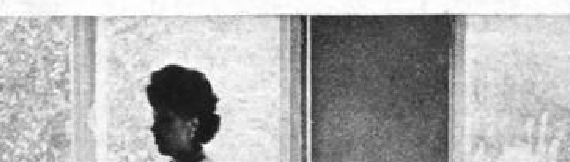

«Кажется, я научилась ходить?..» Открытие Жени Носовой...

Парк персональных машин...

Чисто, тепло, светло...

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663